Проф. Е. Ѳ. БУДДЕ.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Изданіе 3-е безъ перемѣнъ.

КАЗАНЬ.
Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева.
1916.

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1916.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Въ концѣ марта настоящаго 1913-го года появился изъ печати (отд. оттискъ изъ Р. Ф. В., издающагося въ Варшавѣ) мой курсъ „Русскій языкъ“, читанный мною въ $19^{11}/_{12}$ учебномъ году на Педагогическихъ Курсахъ при Управленіи Казанскаго Учебнаго Округа. Повидимому, эта книга, представляющая собой дополненіе къ отдѣльнымъ статьямъ моихъ „Лекцій по исторіи русскаго языка“ и подробную разработку нѣкоторыхъ, наиболѣе трудныхъ, вопросовъ исторіи русскаго языка, вышла въ свѣтъ какъ разъ во-время: книга была разсчитана на кругъ читателей, окончившихъ уже курсы высшихъ учебныхъ заведеній и интересующихся вопросами *научнаго* преподаванія русскаго языка. Оказалось, что на книгу начался значительный спросъ, а въ первомъ изданіи было всего 250 экземпляровъ. Это обстоятельство заставило меня позаботиться о *второмъ* изданіи книги, которое и появляется нынѣ въ свѣтъ безъ всякихъ измѣненій. Книга „Русскій языкъ“, излагая вопросы русскаго языкознанія нѣсколько въ иномъ аспектѣ, чѣмъ это обыкновенно принято въ курсахъ „*исторіи* русскаго языка“, служитъ необходимымъ дополненіемъ къ такимъ курсамъ, читаемымъ въ мужскихъ и женскихъ *высшихъ* учебныхъ заведеніяхъ.

Профессоръ **Е. Будде.**

Красная Горка
1913 г. іюня 9-го дня.

Русскій языкъ.

Курсъ, читанный въ $19^{11}/_{12}$ учебномъ году на Педагогическихъ Курсахъ при Управленіи Казанскаго Учебнаго Округа профессоромъ Е. Ѳ Будде.

Предварительныя замѣчанія.

Имѣя въ виду составъ моей аудиторіи на спеціальныхъ профессіональныхъ педагогическихъ курсахъ, именно, слушателей и слушательницъ, уже прошедшихъ историко-филологическіе факультеты по словесному отдѣленію соотвѣтственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, я, естественно, задался цѣлью положить въ основу предлагаемаго мною курса тѣ отдѣлы русскаго языковѣдѣнія, которые болѣе всего нужны въ практикѣ преподавателей русскаго языка въ средней школѣ, и которые даютъ возможность преподавателю-практику освѣтить лингвистическій матеріалъ, введенный въ программу средняго образованія, свѣтомъ научнаго языкознанія и тѣмъ содѣйствовать осмысленію и упорядоченію нашей рутинной школьной „грамматики“ отечественнаго языка и сближенію средней и низшей школы съ университетской наукой о языкѣ.

Убѣжденный сторонникъ того положенія, признаваемаго мною за истину, что наука во всѣхъ категоріяхъ школы должна быть одной и той-же, причемъ курсы науки во всѣхъ этихъ категоріяхъ должны различаться другъ отъ друга лишь *количественно* и *по методу изложенія*, а отнюдь не качественно

и не по существу, я пришелъ къ заключенію, въ теченіе 28 лѣтъ преподаванія и изученія русскаго языка, что русскій языкъ наиболѣе, изъ всѣхъ предметовъ преподаванія низшей, средней и высшей школы, нуждается въ такихъ популярно-научныхъ курсахъ, которые бы выяснили положеніе русскаго языка, какъ предмета преподаванія въ низшей и средней школѣ нашего времени, относительно науки о языкѣ вообще и о русскомъ языкѣ въ частности. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что основы научнаго языкознанія въ примѣненіи къ русскому языку могутъ быть совершенно ясно и удобопонятно преподаны дѣтямъ и молодымъ людямъ до-университетскаго возраста, и успѣхъ преподаванія, какъ показалъ мнѣ собственный опытъ, обусловливается лишь *методомъ* преподаванія и интересомъ къ предмету у самого учителя. Учащіеся же даже выигрываютъ отъ „научности" преподаванія, т. к. такое преподаваніе развиваетъ въ нихъ *сознательный* интересъ къ предмету изученія.

Центромъ тяжести въ учебныхъ курсахъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ служитъ до настоящаго времени, какъ извѣстно, *орѳографія*. Однако и орѳографія преподается почти исключительно догматически! Само собой разумѣется, что, если бы въ преподаваніе хотя и орѳографіи русскаго языка былъ внесенъ *историческій* элементъ, положимъ, въ нѣкоторые ея отдѣлы, напр., въ отдѣлъ, обнимающій случаи, въ родѣ: сель*скій*, княже*скій*, грече*скій*, гре*цкій*—или въ случаи, въ родѣ: васил*ька*, васил*екъ*, ча*екъ*, ча*йку*, ка*токъ*, кат*ка*, чул*окъ*, чул*ка*; ягод*ка*, ягод*окъ*; печ*ка*, печ*екъ*; Вань*ка*, Ван*екъ*, Ван*ечка* и под.; или въ такіе случаи, какъ: плеть, плетка; кл*ѣ*ть и кл*ѣ*тка; л*ѣ*томъ и (по)летомъ (напр., „*полетомъ* птицъ опредѣляется ихъ порода", въ поговоркѣ: „гдѣ скокомъ, гдѣ *летомъ*, гдѣ бочкомъ, а гдѣ и ползкомъ"), м*ѣ*лъ и мелъ; или: л*ѣ*нь и пень—л*ѣ*ни, *пня*; л*ѣ*съ и песъ—л*ѣ*са, *пса* и под.,—то всѣ приведенные и подобные имъ случаи въ ихъ орѳографическихъ разновидностяхъ могли бы тогда

возбуждать въ учащихся мысль, наводить на размышленіе, вызывать мысленное сравненіе случаевъ, связанныхъ естественной ассоціаціей звуковыхъ или зрительныхъ представленій. Словомъ, еслибы въ преподаваніи отечественнаго языка въ средней школѣ было обращено главное вниманіе на связь между современной орѳографіей и фактами русскаго языка въ ихъ настоящемъ и прошломъ времени, то тогда усвоеніе русскаго языка въ средней школѣ сопровождалось бы бо̀льшей сознательностью и научностью языковыхъ представленій. Располагая подобныя свѣдѣнія по „исторической орѳографіи“ [1]) концентрически, мы будемъ постепенно убѣждать учениковъ въ томъ, что современная русская орѳографія служитъ отчасти отраженіемъ историческаго прошлаго въ нашемъ языкѣ, отчасти письменнымъ изображеніемъ его современнаго намъ состоянія. Но, такъ какъ такого преподаванія въ нашей средней школѣ нѣтъ, такихъ учебниковъ тоже не имѣется ни для низшей, ни для средней школы, а въ университетахъ, гдѣ изучается исторія русскаго языка, отводить мѣсто для изученія „исторической орѳографіи“ нельзя за неимѣніемъ времени, да притомъ, профессоръ университета, не имѣя своей задачей подготовку будущихъ учителей къ практическому преподаванію русскаго языка, можетъ, естественно, предполагать, что студенты, прослушавшіе исторію русскаго языка, сами найдутъ связь между графикой древне-русскаго языка, его современной орѳографіей и фактами прошлой и современной жизни русскаго

---

[1]) Позволимъ себѣ этотъ новый терминъ для болѣе точнаго выраженія нашей мысли: именно, мы признаемъ, что орѳографія должна всетаки быть усвоена учащимися въ низшей и средней школѣ, но не тѣми способами, не тѣми пріемами, не тѣми средствами, какіе практикуются теперь въ нашей школѣ и излагаются въ нашихъ школьныхъ учебникахъ; орѳографія должна при преподаваніи русскаго языка, съ одной стороны, *объяснять собой факты языка*, съ другой,—*способствовать построенію въ мысляхъ учащагося тѣхъ процессовъ языка*, которые составляютъ его жизнь, обусловливаютъ его измѣненіе и ростъ.

языка, то удобнѣе всего мѣсто для курса, имѣющаго цѣлью разобрать въ подробности взаимоотношенія древне-русской графики и современной русской орѳографіи, съ одной стороны, и фактовъ русскаго языка въ ихъ исторіи, — съ другой, — въ особомъ учебномъ заведеніи, подготовляющемъ лицъ къ практической преподавательской дѣятельности по отечественному языку. Такимъ образомъ явится возможность, не внося радикальной ломки въ установившееся преподаваніе, подготовить появленіе новыхъ учебниковъ по русскому языку для средней школы при посредствѣ новаго направленія въ преподаваніи отечественнаго языка на почвѣ историческихъ справокъ. Повидимому, необходимость въ такихъ курсахъ, подобныхъ избранному мною, является въ наше время обще-признанной въ средѣ ученыхъ и педагоговъ. Это можно видѣть изъ того отраднаго факта, что за послѣдніе три года появились въ свѣтъ общедоступные, научно-составленные курсы и пособія по вопросамъ объ элементахъ языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка, по вопросамъ о взаимоотношеніи письма и языка русскаго съ его современной орѳографіей. Всѣ ученые авторы этихъ курсовъ и пособій согласно, хотя и независимо другъ отъ друга, указываютъ на отсталость учебниковъ русской грамматики для средней школы отъ современной науки, на неудовлетворительность постановки преподаванія русскаго языка въ нашей школѣ, на желательность внесенія историческаго элемента въ преподаваніе отечественнаго языка въ средней школѣ, и всѣ авторы, каждый— въ предѣлахъ постановленной имъ задачи,—дѣлаютъ попытки содѣйствовать развитію научныхъ представленій о языкѣ, стараются внести въ школу элементъ научно-сознательнаго отношенія къ фактамъ отечественнаго языка и письма [1]).

---

[1]) См., напр., проф. В. К. Поржезинскаго: «Краткое пособіе къ лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка, читаемымъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ». (На правахъ литогр. курса). М. 1911 г. Стр. 4.

ВВЕДЕНІЕ.

Предварительныя свѣдѣнія.

А. Составъ современной русской азбуки.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній, имѣвшихъ цѣлью обрисовать положеніе русскаго языка, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ, и привести теоретико-практическія основанія для выбора темы предлагаемаго мною курса, я приступаю къ самому курсу, имѣющему своей задачей прослѣдить

Д. Н. Ушаковъ, прив.-доц. Моск. У-та: «Русское правописаніе. Очеркъ его происхожденія, отношенія ого къ языку и вопроса о его реформѣ». (Переработано изъ лѣтнихъ лекцій 1911 г. при педагогическихъ курсахъ Московскаго О-ва воспитат и учительн.). М. 1911 г. Стр. 5.

А. В. Михайловъ, проф. Варш. У-та. «Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма». В. 1911. (Лекціи въ Варш. У-тѣ, на Высш. Жен. Курсахъ и на Курсахъ для учителей и учительницъ при Варш. Учеб. Округѣ). Предисловіе. Стр. I—V.

Другія сочиненія, вышедшія за послѣдніе четыре года и посвященныя интересующему насъ вопросу, слѣдующія:

Поржезинскаго: «Введеніе въ языковѣдѣніе». Пособіе къ лекціямъ. 2-ое изданіе. М. 1910 г. (1-ое изданіе: М. 1907 г.).

Его же: «Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка». (Пособіе для старшихъ классовъ средней школы). М. 1910. Про это пособіе слѣдуетъ сказать, что оно по своему трудному и отвлеченному во многихъ мѣстахъ изложенію для средней школы еще преждевременно, въ особенности главы IX-я и XI-я. Это пособіе, помимо прочихъ недостатковъ, указанныхъ уже г-жей Истриной въ Ж. М. Н. Пр., предполагаетъ само болѣе солидную подготовку у учениковъ средней школы.

Его же: Очеркъ сравнительной фонетики... М. 1912.

Томсонъ. Общее языковѣдѣніе. 2-ое изд. Одесса. 1910.

В. И. Чернышевъ. «Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики». Спб. 1911 г.

Его же: «Письма о старой и новой ороографіи».

Его же: «Законы и правила русскаго произношенія» (2-е изданіе).

Благодаря всѣмъ этимъ трудамъ, проложена уже дорога къ научному преподаванію родного языка въ нашей средней и низшей школѣ.

взаимоотношенія древне-русской графики и современной нашей орѳографіи къ звуковымъ фактамъ древняго русскаго языка и современной русской литературной рѣчи.

Б. Графика и орѳографія.

Прежде всего выясню значеніе терминовъ „графика“ и „орѳографія“. Древняя Русь, не имѣвшая долгое время какихъ-либо организованныхъ школъ и школьныхъ учебниковъ, выучивалась читать и писать по книгамъ, написаннымъ въ южно-славянскихъ земляхъ для южныхъ славянъ. Составители и переписчики этихъ книгъ въ первое время послѣ „изобрѣтенія“ славянской азбуки Кирилломъ и Меѳодіемъ дѣлали попытки изобразить свою рѣчь на писчемъ матеріалѣ, пользуясь буквами славянской кирилловской азбуки. (Беремъ только кирилловскій алфавитъ, какъ единственно извѣстный на Руси). Само собой разумѣется, что въ эпоху составленія кирилловской азбуки свв. братья Кириллъ и Меѳодій могли имѣть своей цѣлью составить только такую азбуку, знаки которой должны были обозначать звуки родной имъ славянской рѣчи и рѣчи окружавшей ихъ южно-славянской среды, т.-е. рѣчи македонскихъ болгаръ IX-го столѣтія. Въ первое время послѣ Кирилла и Меѳодія, при ихъ ближайшихъ потомкахъ, переписка книгъ, написанныхъ при жизни свв. братьевъ, должна была представлять даже и среди южныхъ славянъ все большія и большія затрудненія по мѣрѣ удаленія отъ времени жизни составителя кирилловской азбуки. Произношеніе съ теченіемъ времени постепенно измѣнялось, и переписчики пытались нерѣдко придавать старымъ буквеннымъ знакамъ, выражавшимъ живые звуки рѣчи македонскихъ болгаръ IX-го столѣтія, новыя значенія современной имъ рѣчи. Такъ, писали вмѣсто прькъи—пръвъи и друг., а при переходѣ южно-славянской письменности къ восточнымъ славянамъ, т.-е. на Русь, это же слово стало здѣсь изображаться такъ: пьркъи (=„первый“). Это различіе въ на-

писаніяхъ мы имѣемъ уже въ русскихъ памятникахъ, переписанныхъ или составленныхъ въ Россіи, уже въ XI—XII вѣкахъ. Но при отсутствіи школъ и обязательныхъ для всѣхъ переписчиковъ правилъ правописанія получалась разнообразная манера, или привычка, изображать на письмѣ одно и то же слово въ зависимости отъ мѣстности Россіи, гдѣ переписывалась книга или составлялась грамотка, въ зависимости отъ начитанности переписчика и его привычки къ письму церковныхъ книгъ, приходившихъ съ юга къ намъ, въ зависимости отъ внимательности и точности переписчика при списываніи и проч. Такъ получалась *графика*, или способъ передачи кирилловскими буквами на письмѣ русской рѣчи, южной и сѣверной, болгарской, македонской и западно-болгарской, сербской и проч. Графика, какъ манера или способъ изображенія живой рѣчи на письмѣ, могла, конечно, установиться лишь въ самыхъ общихъ и наиболѣе рѣзкихъ особенностяхъ, подсказываемыхъ роднымъ произношеніемъ переписчика; поэтому въ древне-русской графикѣ мы не найдемъ послѣдовательности и однообразія въ начертаніяхъ всѣхъ случаевъ письменнаго изображенія всего состава языка письменнаго памятника. Нерѣдко одинъ и тотъ же переписчикъ одного и того же памятника не выдерживалъ вполнѣ и во всѣхъ случаяхъ одного и того же стараго соотвѣтствія кирилловской буквы звуку данной рѣчи, такъ, напр., то мы встрѣтимъ написаніе дьнь, то день; то сънъ, то—сонъ и проч. Отсюда ясно, что *графикой* памятниковъ должна называться та обычная манера изображенія словъ на письмѣ, которая практиковалась въ до-школьный періодъ русской письменности и руководилась въ значительной мѣрѣ личными соображеніями и привычками переписчика, а не обязательными для всѣхъ писцовъ *правилами* письма. Слѣдовательно, только со времени правильно организованной школы съ ея учебниками и правилами письма появилась *ороографія*, какъ общепринятый школою способъ изображенія словъ на письмѣ, подчиненный *общеобязательнымъ правиламъ* письма литературной или, вѣр-

нѣе, письменной рѣчи. Такъ возникло вмѣстѣ со школой *правописаніе*. До такого правописанія, конечно, была *графика, а не орѳографія*. Отсюда слѣдуетъ, что орѳографія, претендуя на общеобязательность и повсемѣстное однообразіе, всегда болѣе или менѣе искусственна и условна, т. к. лишь приблизительно, условно, передаетъ живую рѣчь на письмѣ, согласно школьнымъ правиламъ, и не можетъ поэтому отражать ни діалектическихъ, мѣстныхъ, особенностей рѣчи, ни измѣненій языка во времени. Въ противномъ случаѣ она превратилась бы въ графику, потеряла бы значеніе общелитературнаго письма, не могла бы служить государственной цѣли объединенія всего состава населенія въ одномъ общемъ государственномъ литературномъ языкѣ и проч. Въ такомъ происхожденіи орѳографіи лежитъ, между прочимъ, и причина того, что принятая орѳографія всегда и вездѣ отставала и отстаетъ отъ роста языка, который, какъ живая психо-физическая дѣятельность человѣка, служитъ органомъ духовнаго общенія между людьми и постоянно обновляется, видоизмѣняется, входя въ самый тѣсный кругъ взаимодѣйствія съ психикой и физіологическими процессами артикуляціи органовъ произношенія говорящаго и слушающаго субъекта. Само собой понятно отсюда все культурное значеніе установившейся орѳографіи въ языкѣ, съ одной стороны, и отношеніе ея къ живому языку,—съ другой: эпоха установленія общей орѳографіи зафиксировала одинъ опредѣленный моментъ исторіи языка, но этимъ остановить движеніе самаго языка она не могла; языкъ ушелъ отъ нея, а она отъ языка отстала. Понятно также, что въ нашей орѳографіи мы потому и можемъ наблюдать случаи различной категоріи: то правописаніе отражаетъ собой фактъ современнаго ея установленію языка, напр., въ написаніи „здѣсь“ буквою „з“ выражена, въ ущербъ исторической традиціи, звуковая ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ (др.-русское: сьдесь—сдесь и сдѣ, потомъ ꙁдѣ...), то правописаніе отражаетъ собой историческую письменную традицію, какъ напр., въ написаніи: „сдѣ-

лать“, или въ написаніи ѣ въ словахъ: „здѣсь“, „гдѣ“ и проч., гдѣ ѣ было не для всѣхъ мѣстностей древней Руси обычнымъ, а только для тѣхъ, гдѣ произошло раннее совпаденіе звуковое ѣ и є. Отъ правописанія, *какъ принятой системы*, нельзя и требовать точной передачи звуковъ живой рѣчи для смѣняющихся моментовъ исторіи языка: еслибы мы потребовали отъ орѳографіи этого, то она превратилась бы въ графику, не была бы устойчивой и однообразной и не стала бы проводникомъ государственнаго и культурнаго объединенія народа въ литературѣ и литературномъ языкѣ. Считаясь съ этимъ фактомъ, мы должны только научно изучить нашу орѳографію, т. е. поставить ее въ связь съ фактами нашего языка, и, внеся научнымъ изученіемъ орѳографіи сознательный элементъ въ ея усвоеніе, мы облегчимъ ея изученіе въ школѣ; затѣмъ мы должны слѣдить при такомъ изученіи за степенью отклоненія орѳографіи отъ языка и время отъ времени дѣлать въ орѳографіи частичныя поправки, сообщающія ей устойчивость принципа, на которомъ она покоится. Неустойчивость, невыдержанность принципа, а также и разнообразіе принциповъ, на которыхъ покоится наша орѳографія, дѣлаютъ ее особенно трудной для изученія въ школѣ, но и эта трудность при *научномъ* изученіи орѳографіи въ школѣ дѣлается ничтожной. На долю безсознательнаго или, вѣрнѣе, безотчетнаго усвоенія останется въ школѣ небольшое количество случаевъ правописанія.

Прежде всего не надо упускать изъ вида, что буквенные знаки, бывшіе когда-то достаточными для выраженія звуковъ живой рѣчи, для которой составлялась азбука, остались въ теченіе многихъ вѣковъ все тѣми же и въ томъ же количествѣ, что были и прежде, между тѣмъ какъ звуки рѣчи съ теченіемъ времени измѣнялись и не сразу дошли въ русскомъ литературномъ произношеніи до современнаго своего качества. Такъ, напр., въ старомъ русскомъ языкѣ звуки ж, ш, ц были болѣе передне-язычными, передне-небными, чѣмъ нынѣ, а потому сочетаніе этихъ начертаній на письмѣ съ буквами *и*, *ю*

и под. соотвѣтствовало ихъ произношенію: моужи, моужю, наши, пишю, шюїцѧ, отець, отьцю и проч. Нынѣ же правописаніе: мужи, жила, шило, ваши, цѣлый, церковь и проч. отражаютъ лишь старину, не соотвѣтствуя современному литературному произношенію, въ которомъ мы имѣемъ: мужы, жыла, шыло, вашы, цэлый, цэрковь и проч. (беремъ качество *только* перечисленныхъ выше звуковъ: ж, ш, ц и ихъ начертаніе). Звуки *ч*, *щ* остались до сихъ поръ *мягкими* (передненебнаго уклада рѣчи), а потому написанія: чисть, щить выражаютъ и теперь настоящее качество звуковъ *ч* и *щ*; но написанія *чудо*, *щука*, *чадъ*, *щавель* и под. являются уже непослѣдовательностью нашей орѳографіи съ указанной выше точки зрѣнія, хотя и очень древними по письменной практикѣ. Срв. „творѧщю“, „чюѥть“ и под. въ древне-русскомъ написаніи (Ев. 1144 г.). Въ этихъ случаяхъ старое правописаніе, отражая живое произношеніе своего времени, совпадаетъ съ современнымъ намъ произношеніемъ, доказывая, что „ч“ и „щ“ остались до сихъ поръ *мягкими* и тѣмъ самымъ выдавая непослѣдовательность *правописанія*: „чуетъ“, „творящую“ и под.

Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ ясно, что мы читаемъ совсѣмъ не то, что изображаемъ на письмѣ теперь, и это надо хорошенько усвоить.

Наша современная азбука („гражданка“) идетъ почти цѣликомъ со времени Петра Великаго. Первая книга, напечатанная въ Россіи новымъ гражданскимъ шрифтомъ, появилась въ 1708 году. До этого времени были книги церковнаго письма и церковной печати съ кирилловскими буквами. Какіе же звуки выражали собой старыя кирилловскія буквы, и какіе звуки выражаютъ собою современныя намъ гражданскія буквы? Въ общихъ чертахъ мы можемъ изъ нѣсколькихъ примѣровъ современной намъ орѳографіи убѣдиться въ томъ, что наши буквы въ системѣ правописанія современнаго русскаго языка далеко не выражаютъ тѣхъ звуковъ, которые мы произносимъ въ

современномъ литературномъ (московскомъ) произношенiи: буквъ у насъ гораздо менѣе, чѣмъ звуковъ вообще, но въ частности нѣкоторыя буквы остались въ нашемъ письмѣ до сихъ поръ отъ глубокой старины, хотя онѣ теперь и не выражаютъ никакихъ звуковъ или выражаютъ собой такой звукъ, для котораго есть уже въ азбукѣ другая буква. Такъ, напр., буквы ъ и ь не выражаютъ собой особыхъ звуковъ русской рѣчи, но пишутся въ нашей орѳографiи: срв.: „волк“ и „волкъ“, „кончикъ“ и „коньчикъ“, „птичка“ и „птичька“ и проч. Или: „клѣть“ и „плеть“, гдѣ *ѣ* по произношенiю=*е* и т. д. Однако въ подробностяхъ мы можемъ возстановить отношенiе между звукомъ языка и буквой его письма для разнаго времени только путемъ анализа историческаго процесса измѣненiя звуковъ, открывающагося передъ нами при сравнительномъ изученiи нарѣчiй русскаго языка въ связи съ родственными языками. Такой анализъ доведётъ насъ до источника происхожденiя даннаго звука въ данномъ языкѣ, а анализъ старой графики въ памятникахъ при указанiяхъ самого языка въ его сравнительно-историческомъ изученiи откроетъ намъ истинное звуковое значенiе старой буквы, обнаружитъ передъ нами степень соотвѣтствiя старой графики и тогдашней живой рѣчи. Вотъ почему возстановлять звуковое значенiе старой буквы для стараго времени—дѣло сложное и требующее историко-сравнительнаго изученiя самого языка. Подойдемъ къ этому трудному вопросу издалека и возьмемъ для уясненiя его наиболѣе простые случаи.

Г Л А В А I.

Наши историческiя свѣдѣнiя о составѣ слав. азбуки въ эпоху ея составленiя.

Принимая во вниманiе, что славянская кирилловская азбука могла лишь только *въ эпоху ея составленiя* претендовать на значенiе фонетической транскрипцiи того языка (старо-бол-

гарскаго въ македонско-болгарскомъ нарѣчіи), для письменнаго изображенія котораго она составлялась Кирилломъ и Меѳодіемъ, мы должны особенно цѣнить то историческое свидѣтельство, которое сохранилось до насъ отъ современниковъ этой отдаленной эпохи и повѣствуетъ намъ о составѣ этой новой славянской азбуки. Таково свидѣтельство черноризца Храбра около 914-го года „О писменехъ", дошедшее до насъ въ средне-болгарскомъ спискѣ 1348-го года (въ Сборникѣ Имп. Публ. Библ. F. I. № 376). Въ этомъ трактатѣ черноризца Храбра мы будемъ имѣть отправный пунктъ и то основаніе, на которомъ мы построимъ значеніе нѣкоторыхъ кирилловскихъ буквъ эпохи составленія азбуки. Само собой разумѣется, что кирилловская азбука уже съ первыхъ вѣковъ своего примѣненія получала для своихъ буквъ все новые и новые оттѣнки звуковыхъ значеній въ зависимости отъ того, въ какой мѣстности она примѣнялась, и отъ того, насколько она отражала діалектическія произношенія разныхъ мѣстъ ея примѣненія. Такъ, въ книгахъ русской редакціи, написанныхъ или переписанныхъ въ старой Руси, эта азбука для многихъ изъ своихъ буквъ получала значеніе звуковъ *русской* рѣчи того времени, а эти послѣдніе звуки возстановляются частью путемъ сравнительнаго изученія графики древнихъ памятниковъ, частью путемъ изученія звуковъ русскаго языка въ ихъ исторіи по указанному выше методу.

Приступая къ разбору свидѣтельства черноризца Храбра о славянской письменности, мы ограничимся только относящимся сюда его указаніемъ. Здѣсь читаемъ: Прѣжде оувѡ словѣне не имѣхѫ книгъ· нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще· крѫстивше же сѧ, римсками и грѫчьскыми писмены, нѫждаахѫ сѧ словѣнскы рѣчь безь оустроениꙗ· нѫ како можеть сѧ писати добрѣ грѫчьскыми писмены: бѫ· или живѡтъ или зѣлѡ· или црковь. или чаание, или ширѡта или ѩдь· или ѫдоу

или юность· или ѫзыкъ· и инаа подобна симь. и тако бѣшѧ многа лѣта. ....бъ... послѣ имь стго кωнстантина философа нарицаемаго кирила· мѫжа праведна и истинна· и сътвори имъ, л· писмена и осмь· ωва убо по чиноу гръчьскыхь писменъ· ωва же по словѣнстѣн рѣчи.... Такимъ образомъ, по преданію и свидѣтельству младшихъ современниковъ Кирилла и Меѳодія словѣне въ язычествѣ изображали свою рѣчь „чертами и рѣзами", въ крещеніи довольствовались долгое время римскими и греческими буквами, но нуждались въ особо приспособленныхъ для словѣнской рѣчи буквахъ, т. к. *греческими* буквами временъ составленія словѣнской азбуки нельзя было вѣрно изобразить многихъ словъ словѣнскаго языка. Надо было, значитъ, изъ греческой азбуки взять только тѣ буквы, звуковое значеніе которыхъ совпадало со звуками словѣнской рѣчи временъ Кирилла и Меѳодія въ нарѣчіи македонско-болгарскомъ. Для звуковъ же этого нарѣчія въ такихъ словахъ, какъ: „богъ", „животъ", „дзѣло", „церковь", „чааніе", „широта", „ядь" (јадь), „ѫду", „юность", „ѧзыкъ" и под. въ греческой азбукѣ не было соотвѣтствующихъ начертаній ни для „б" (въ эту эпоху греч. β произносилось уже, какъ в: срв. начертаніе слов. в и греч. в этого же времени въ одномъ и томъ же звуковомъ значеніи: срв. въ снимкахъ Юбилейнаго изданія Моск. У-та 1855 года: „Матеріалы для исторіи слав. письменъ", а также у Соболевскаго: „Образцы славяно-русскаго древлеписанія". И. СП. У. 1893 г. Таблица I Греческое Евангеліе VIII вѣка: τοις савваси и др.), ни для ж, ни для ѕ, ни для ц, ни для ч, ни для ш, ни для щ, ни для ѫ, ни для ю, ни для ѧ. Само собой разумѣется, что это обстоятельство указываетъ на то, что звуки приведенныхъ выше словъ изъ разсужденія черноризца Храбра принадлежали къ числу *спеціально славянскихъ звуковъ* того нарѣчія, на которое переводились свв. братьями книги Св. Писанія съ греческаго языка. При ближайшемъ же разсмотрѣніи

приведенныя Храбромъ слова оказываются словами общеславянскаго языка и періода, за исключеніемъ развѣ слова „церковь“, слова христіанской эры у славянъ, и уже извѣстнаго со звукомъ ц всѣмъ славянамъ времени черноризца Храбра. Если такъ, то въ этихъ специально-славянскихъ звукахъ мы видимъ тѣ звуковыя особенности, которыми отличался общеславянскій праязыкъ отъ языковъ, ближайшихъ по родству къ славянскимъ языкамъ *и притомъ извѣстныхъ* Кириллу и Меѳодію, хотя бы и болѣе отдаленныхъ по родству, какъ, напримѣръ, языки греко-италійскаго міра. Словомъ, изъ свидѣтельства черноризца Храбра мы видимъ, что къ Х-му вѣку нашей эры старый болгарскій языкъ сохранилъ въ своемъ звуковомъ составѣ почти всю наличность звукового состава общеславянской эпохи, включая сюда и звуки ъ, ь и ѣ (животъ, кдь, ѕѣло и проч.).

Далѣе, становится понятнымъ, что буквы для этихъ спеціально славянскихъ звуковъ могли быть не иначе „сотворены“, какъ только „по словѣнстѣй рѣчи“, а не „по чину греческихъ письменъ“.

Вотъ мы и разсмотримъ всѣ эти звуки, начиная съ гласныхъ ъ, ь, ѣ, въ ихъ звуковой исторіи въ связи съ отраженіемъ ихъ въ русской графикѣ и орѳографіи.

ОТДѢЛЪ I. Гласные.

ГЛАВА II.

Звуки ъ, ь.

I. Звукъ, для котораго въ эпоху составленія славянской азбуки былъ придуманъ знакъ Ъ („еръ“).

Нынѣ этотъ знакъ въ русской орѳографіи обнимаетъ слѣдующіе случаи своего примѣненія: 1) въ исходѣ словъ, окан-

чивающихся на твердую согласную: богъ, садъ, ротъ, погибъ, далъ, вытеръ, рабовъ и проч. 2) Въ серединѣ словъ, какъ знакъ звукоотдѣленія, для показанія того, что данный звукъ, послѣ котораго на письмѣ стоитъ ъ, не сливáется въ произношеніи со слѣдующимъ за нимъ звукомъ, требуя нѣкоторой паузы послѣ себя прежде, чѣмъ настýпитъ произношеніе слѣдующаго за нимъ звука. Это бываетъ всегда въ положеніи согласнаго передъ слѣдующимъ согласнымъ *j*, который въ современной русской орѳографіи не имѣетъ особаго знака, но выражается вмѣстѣ со слѣдующей гласной однимъ знакомъ, одной буквой, служащей нынѣ для обозначенія такъ называемой въ школьныхъ учебникахъ „мягкой гласной“: *я* (=ja), *е* (=jэ), *и* (=ji), *ё* (=jo), *ю* (=jу), *ѣ* (=jэ). Само собой разумѣется, что звукъ *i* въ изображеніи русской орѳографіи (*и*) можетъ означать, смотря по произношенію, и сочетаніе *ji*, и просто гласный *i*: срв., напр., произношеніе: „и́го“, „и́лъ“, гдѣ мы имѣемъ простой звукъ *i*, съ произношеніемъ словъ: „ихъ“, „имъ“, гдѣ мы нерѣдко слышимъ: „jiх“, „jiм“; хотя это же произношеніе въ словосочетаніи такомъ, напр., какъ: „отъ ихъ дома шаговъ двѣсти“, можетъ давать и варьянты: „от ых...“ и „от jих...“. Въ первомъ варьянтѣ произношенія мы не имѣемъ сочетанія согласнаго *j* со слѣдующимъ *i*, а просто гласный *i*, а во второмъ имѣемъ. Въ современной орѳографіи такія звуковыя различія не обозначаются, а въ старой графикѣ древнѣйшихъ временъ, и чѣмъ ближе къ эпохѣ составленія азбуки, тѣмъ чаще и послѣдовательнѣе,—это различіе обозначалось особыми, такъ называемыми „jотированными“ буквами: ꙗ, ѥ, ю(=юѵ, ю̆, ѩ, ѭ) [1]. Іотъ (или неслоговое i̯) не обознача-

[1]) Старая буква оѵ=нашему «у» составлена «по чину греческихъ письменъ», т.-е. греч. ου (омикронъ+ипсилонъ) изображало звукъ нашъ «у»; въ отдѣльности греч. ο обозначало звукъ *о*, а греч. υ—звукъ *ü* (срв. франц. «unique», нѣм. «über», греч. ὕπνος и проч.). Во фран. *ou*=тоже «у». Палеографи́чески можно доказать, что старое ю образовалось изъ начерта-

лось только при буквахъ и (и), о, ы, ъ. Остальныя же буквы, служившія для выраженія слоговыхъ гласныхъ, имѣли для себя особыя начертанія въ случаѣ ихъ произношенія съ предшествующимъ неслоговымъ согласнымъ *j* или ј: такъ а и ꙗ, є и ѥ, оу или ꙋ и ю (см. примѣчаніе). Такимъ образомъ, написанія: єзєро, єдва, єлєнь и под. различались въ произношеніи отъ произношенія такихъ написаній, какъ: ѥсть и проч. Или: лицє и ꙗицє, оугъ, оуность и югъ, юность и под. Нынѣ же въ нашей орѳографіи и это не обозначается при буквѣ є (е): срв. написанія: „елей", „іерей", „епископъ" и под., которыя произносятся съ *jэ*, јэ (лат. буквами: *je*, јe), хотя въ греч. языкѣ и написаніи мы не имѣемъ въ этихъ словахъ ни звука *j* (ј), ни его изображенія на письмѣ, между тѣмъ какъ эти слова заимствованы, именно, изъ греческаго языка: ἔλαιον, ἱερεύς (іонич. ἱρεύς), ἐπίσκοπος и под.

II. Отношеніе ъ къ о и ь къ е.

Такимъ образомъ, въ современной русской орѳографіи буква ъ употребляется только въ двухъ положеніяхъ: въ концѣ слова послѣ твердой согласной и въ серединѣ слова передъ ј + гласный. И ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ буква ъ не обозначаетъ никакого звука рѣчи нынѣ, между тѣмъ какъ въ эпоху изобрѣтенія алфавита буква ъ, какъ и въ русской графикѣ первыхъ вѣковъ русской письменности, сохраняла за собой еще слѣды бывшаго значенія редуцированной гласной (неполнаго образованія) какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ ея употребленіи. Сравните современное произношеніе „сон", „рот", „дом" и написанія: „сонъ", „ротъ", „домъ". Далѣе:

нія і+оу: оу писалось для сокращенія и такъ ȣ, т. е. ү («укъ») ставилось *надъ* буквою о, а «јотированное» ꙋ писалось сначала ıꙋ, а затѣмъ верхняя часть буквы ꙋ переставала изображаться, и получалось ю, т. е. «ју».

соврем. об'ём (об'јом), об'јехал, с'јест, в'ју, ш'ју, п'ју, л'ју, б'ју, об'јатіје, обез'јана, под'јаремный раз'јаренный и под. [1]) и современныя написанія: объемъ, объѣхалъ, съѣстъ, вью, шью, пью, лью, бью, объятіе, обезьяна, подъяремный, разъяренный и под. Въ древности же писали такъ: сънъ, рътъ, домъ. Въ остальныхъ примѣрахъ: объѥмъ, объѣхалъ, съѣстъ, вью, объꙗтиѥ и проч. мы почти не видимъ различія въ орѳографіи старины и нашего времени. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ и подобныхъ, равно какъ въ случаяхъ написанія ъ въ концѣ словъ послѣ твердой согласной, наша современная орѳографія слѣдуетъ письменной традиціи, хотя произношеніе уже и отошло отъ совпаденія съ орѳографіей (съ графикой). Что касается такихъ древне-русскихъ написаній, какъ сънъ и домъ, то изъ нихъ видно, что произношеніе перваго слова въ коренномъ гласномъ звукѣ по качеству этого гласнаго звука отличалось отъ произношенія второго слова въ коренномъ же его гласномъ, между тѣмъ какъ современное произношеніе „сон" и „дом" имѣютъ въ корнѣ одно и то же *о*. Стало быть, съ теченіемъ времени произношеніе такихъ словъ измѣнилось въ томъ смыслѣ, что ъ въ концѣ словъ послѣ твердаго согласнаго совсѣмъ потеряло свое произношеніе, исчезло изъ произношенія, а ъ въ серединѣ слова въ положеніи передъ конечнымъ или слѣдующимъ слогомъ, въ которомъ было тоже ъ, совпало въ произношеніи со старымъ звукомъ *о*. Исторія русскаго языка въ свя-

---

[1]) Въ этихъ фонетическихъ написаніяхъ мы старались передать вѣрно только то звуковое сочетаніе, о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ, т.-е. сочетаніе: согласная плюсъ слѣд. ј+гласная, причемъ написаніями: б'јо, б'је, с'је, в'ју, б'ја, з'ја и проч. мы старались запятою (апострофомъ) на согласной обозначить лишь *отдѣльное* произношеніе согласнаго звука, не сливающееся со слѣдующимъ звукомъ, а требующее нѣкоторой паузы послѣ себя, но вовсе не обозначали палатальности этого согласнаго, хотя въ дѣйствительности, въ современномъ русскомъ *литературномъ* произношеніи мы и слышимъ и говоримъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ передъ: је, јо, ју, ја, ји, т.-е. передъ *ј*, согласные палатализованные.

зи съ данными старой русской графики даютъ намъ надежный матеріалъ для опредѣленія даже времени, когда въ русскомъ языкѣ произошло совпаденіе ъ съ ѳ въ указанныхъ фонетическихъ положеніяхъ, и когда произошло исчезновеніе конечнаго ъ: въ одномъ древне-русскомъ Евангеліи конца XII-го вѣка, написанномъ въ южной Россіи попомъ Добрилою (Добрилово Ев. 1164 г., хранится въ Румянц. Музеѣ, въ Москвѣ), ясно отразилось исчезновеніе конечныхъ ъ и ь на качествѣ гласнаго звука предшествующаго слога: это послѣднее явленіе языка повело за собой сокращеніе слова на одинъ слогъ, именно, слогъ, въ которомъ исчезъ ъ или ь, а въ связи съ этимъ сокращеніемъ словъ на одинъ слогъ появилось измѣненіе *въ количествѣ* предшествующаго этому слогу гласнаго, который изъ краткаго сдѣлался въ произношеніи долгимъ; если это былъ гласный ŏ, то онъ сталъ произноситься какъ ō, т. е. появилось произношеніе: бōг, дōм, кōн' (съ палатальнымъ конечнымъ *н*, но безъ слѣдующаго гласнаго передняго ряда ь); для этихъ долгихъ ō не было особыхъ буквенныхъ начертаній, а потому это старое произношеніе, появившееся въ *южнорусскомъ* нарѣчіи къ этому времени, приходилось на письмѣ обозначать условно черезъ два *о*: боогъ, доомъ, коонь (буква ь означаетъ къ этому времени уже не особый звукъ, а просто *мягкость предшествующаго звука*, а буква ъ— *твердость такого звука*. Если бы не было такъ, то и предшествующимъ звукамъ *о* не было бы причины измѣняться въ долгіе). Такое же явленіе произошло и со звукомъ *е* въ аналогичныхъ случаяхъ: ĕ измѣнилось въ ē, для котораго однако была уже буква ѣ (см. ниже), а потому къ этому времени въ *южнорусскихъ* письменныхъ памятникахъ мы видимъ ѣ вездѣ въ тѣхъ словахъ, гдѣ старое *е* очутилось передъ слогомъ, изъ котораго исчезло ъ или ь: оучитѣль, камѣнь, пѣчь, шѣсть, сѣмь и под. Это явленіе древне-русской графики становится вполнѣ понятнымъ и обнаруживаетъ свой истинный смыслъ при сопоставленіи съ особенностями совре-

меннаго южнорусскаго произношенія: дѣло въ томъ, что въ южнорусскомъ (малорусскомъ, украинскомъ) языкѣ мы въ приведенныхъ выше случаяхъ и примѣрахъ имѣемъ нынѣ такое произношеніе, которое проливаетъ яркій свѣтъ на особенности старой южнорусской графики: изъ стараго домъ— дом(ъ) нынѣ тамъ получилось „дім“, а въ діалектахъ малорусскаго языка (сѣверно-малорусскомъ черниговскомъ) мы имѣемъ въ этомъ и подобныхъ словахъ *дифтонгическія сочетанія*: дуом, буог, куонь, піеч, шіесть и проч. Эти дифтонгическія сочетанія развились, очевидно, изъ старыхъ *долгихъ* гласныхъ, распавшихся на сочетанія двухъ краткихъ гласныхъ различнаго качества. Въ украинскомъ нарѣчіи малорусскаго языка процессъ пошелъ дальше, чѣмъ въ сѣверныхъ малорусскихъ діалектахъ, и получились путемъ постепеннаго измѣненія, которое можно возстановить въ его процессѣ лишь на основаніи общихъ соображеній по физіологіи звуковъ, т. к. не всѣ эти промежуточныя звуковыя звенья звуковой исторіи старыхъ *о* и *е* можно прослѣдить по памятникамъ письменности, слѣдующіе звуковые ряды: о—ō—оо—оʸ или уº —уо, оу—съ одной стороны, изъ стараго о; съ другой,— е—ē—ее—еⁱ или іᵉ — еі, іе — і. Наконецъ, изъ ряда перваго процессъ, очевидно, пошелъ въ двухъ направленіяхъ: уо — уэ — уі — і съ все бо̆льшимъ и бо̆льшимъ суженіемъ второго компонента дифтонгич. сочетанія, съ развитіемъ все бо̆льшей палатализаціи: куонь—куэнь—куінь (такія произношенія извѣстны въ черниговск.-малор. и галицко-малорус.), откуда, наконецъ, украинское кінь (черезъ *кӱінь); другое направленіе остановилось на лабіализаціи и не пошло дальше въ тѣхъ нарѣчіяхъ млр. языка, гдѣ мы и нынѣ видимъ и слышимъ: дуом, куонь и под.

III. Появленіе новаго (ē) ѣ на русской почвѣ, изъ стараго е, но не ь.

Во второмъ звуковомъ ряду палатализація уже дана была въ начальной стадіи процесса („-ее-“), откуда естественно въ однихъ говорахъ: *піечь* (сѣв.-млр.), въ другихъ *пічь* (украин. черезъ **пі̑ічь*). Такимъ образомъ, и изъ стараго домъ, и изъ стараго пеҷь въ украинскомъ получилось въ корнѣ словъ і: дім, піч; разница въ произношеніи этихъ словъ и нынѣ еще замѣчается: *і* изъ *о* почти не смягчаетъ предшествующей согласной, такъ что „дім“=почти „дым“, между тѣмъ какъ „піч“ изъ стараго пеҷь, гдѣ *і* изъ *е*, равно „*п'іч*“ съ мягкимъ „*п*“. Такъ получилось въ украинскомъ: дім, біг, ніс, віз, піч, шість, сім, съ одной стороны; ліс, біс, біл и проч.—съ другой, т. к. старое ѣ (=ē) во всякомъ положеніи дало въ малорусскомъ языкѣ звукъ *і* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго. Отсюда само собой понятно, во-первыхъ, то, что, когда появилось въ южнорусскомъ произношеніи долгое ē, то для графики писцами-южноруссами была взята буква ѣ, произносившаяся къ этому времени тамъ на мѣстѣ, какъ долгое ē (иначе не могло бы быть совпаденій въ начертаніяхъ: пѣҷь и сѣҷь и под.). Во-вторыхъ, то, что *новое* ѣ (изъ стараго ĕ→ē) переживало съ этого времени общую судьбу со старымъ ѣ (изъ стараго ē, восходящаго къ праславянскому ē и къ дифтонгу oj̯, который черезъ öj̯, ej̯ перешелъ въ звукъ передняго ряда ē или въ извѣстныхъ случаяхъ въ ī къ тому времени, когда въ праславянскую еще эпоху уже закончился процессъ образованія звуковъ č, ž и š изъ индоевроп. q, q^u, g, g^u и ихъ аспиратовъ, а также изъ праславянскаго ch въ ихъ фонетическомъ положеніи передъ гласными передняго ряда и *j*, и когда, слѣдовательно, эти q, q^u, g, g^u... должны были уже дать въ такомъ же положеніи не шипящіе передне-небные, а другіе звуки: они и дали къ этой эпохѣ, еще праславянской, но

позднѣйшей, чѣмъ первая, свистящіе передне-небные: *c*, *z*, *s*: vьlcѣ, bozѣ, dusѣ и vьlci, bozi, dusi. Подробности см. ниже.), и оба звука дали *і*: п'іч и с'іч и под.

IV. Выводы изъ данныхъ др.-р. графики и діалектологіи въ области буквъ и звуковъ ъ, ь и е (ѣ) относительно эпохи распаденія русскаго языка на нарѣчія.

Такъ какъ указанное выше явленіе графики характеризуетъ собой лишь *южнорусскую* письменность и то съ конца XII-го вѣка, но ни въ сѣверно - русской, ни въ средне - русской письменности не встрѣчается, какъ характерный и постоянный фактъ графики, *послѣдовательно встрѣчаемый въ строго опредѣленныхъ, указанныхъ выше случаяхъ*, то отсюда мы вправѣ сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) Къ концу XII вѣка обнаружилось уже въ письменности состоявшееся распаденіе русскаго языка на два нарѣчія: южнорусское съ его дифтонгами изъ старыхъ долгихъ гласныхъ, пережившихъ удлиненіе въ извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ. 2) Факторъ распаденія русскаго языка на два нарѣчія сталъ обнаруживаться, конечно, гораздо раньше конца XII-го вѣка, т. к. онъ обусловленъ, въ свою очередь, фонетическимъ явленіемъ общерусской эпохи, именно, исчезновеніемъ ирраціональныхъ гласныхъ ъ и ь въ концѣ словъ и сокращеніемъ словъ на одинъ конечный слогъ, какъ слѣдствіемъ этого исчезновенія ъ и ь изъ произношенія [1]). Ближайшія слѣдствія такого сокращенія

---

[1]) Исчезновеніе ирраціональныхъ ъ и ь въ концѣ словъ началось, конечно, еще въ общеславянскую эпоху, какъ это видно изъ того обстоятельства, что ни одно изъ слав. нарѣчій не имѣетъ гласнаго въ концѣ такихъ словъ, какъ: рабъ, влькъ, конь, богъ и под. Къ IX-му вѣку въ старо-болгарскомъ нарѣчіи еще слышались эти звуки, что видно изъ факта изобрѣтенія буквъ ъ и ь и изъ графики старославянскихъ памятниковъ. Но изъ послѣднихъ же видно также, что въ X—XI вѣкѣ эти звуки стали исчезать въ произношеніи и не только въ концѣ словъ, но и въ серединѣ,

словъ на одинъ слогъ въ концѣ съ потерей конечнаго гласнаго ъ и ь были слѣдующія: а) *слово*, потерявшее ъ и ь, какъ гласные, *стало оканчиваться на согласный, и конечный слогъ* съ утратою ъ или ь *сталъ закрытымъ* изъ открытаго. б) Въ новыхъ закрытыхъ слогахъ *гласные* изъ краткихъ *сдѣлались долгими* и *закрытыми*, *узкими*, *напряженными*. в) Такіе новые долгіе гласные въ одной части прарусской семьи обнаружили тенденцію къ распаденію на дифтонгическія сочетанія, и это обстоятельство, между прочимъ, послужило факторомъ распаденія русскаго языка на нарѣчія и выдѣленія въ особую группу тѣхъ племенъ-нарѣчій, въ которыхъ образовались дифтонги; эта группа была южно-русской. На сѣверѣ общерусской семьи, надо полагать, долгота гласныхъ сама по себѣ сократилась до распаденія на сочетанія изъ двухъ краткихъ звуковъ.

3) Зарожденіе особой жизни малорусскаго (южнорусскаго) языка надо относить къ эпохѣ до XII-го вѣка, т. к. въ концѣ этого вѣка были уже найдены и примѣнены графическія средства выразить *на письмѣ* звуковое явленіе южнорусской рѣчи, успѣвшее къ этому времени получить распространеніе и укрѣпиться въ языкѣ настолько, что даже проникло въ графику церковно-богослужебныхъ книгъ, графика которыхъ могла поддерживаться въ традиціонномъ видѣ благодаря справкамъ писца съ оригиналами, служившими для списыванія такихъ книгъ.

гдѣ ихъ не поддерживало особое фонетическое ихъ положеніе (см. ниже, въ текстѣ). Паденіе звуковъ ъ и ь различнымъ образомъ отразилось въ различныхъ частяхъ славянскаго языковаго міра на судьбѣ сосѣднихъ звуковъ въ словахъ, гдѣ исчезли ъ и ь. Въ древнѣйшемъ письменномъ памятникѣ русскаго языка (Остр. Ев. 1056 г.) мы тоже видимъ это явленіе. (См. Leskien. Handbuch der altbulg. Sprache. 1905[4]. Стр. 24—30. Особенно: 25. § 17. 1. 2. Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остр. Ев. Стр. 37—47. См. Изслѣдованія по русскому языку. Т. I. Спб. 1895 г. Изд. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ).

4) Сопоставляя факты южнорусской письменности конца XII-го вѣка съ фактами сѣверно-русской письменности и съ фактами современныхъ живыхъ нарѣчій русскаго языка, мы видимъ, что сѣверно-русское нарѣчіе (новгородское) выдѣлилось уже къ XI-му вѣку изъ общерусской семьи („цоканье„ и „чеканье“ даже въ церковныхъ новгородскихъ книгахъ: Минеи 1095—1097 гг. и др.), и уже въ XI-мъ вѣкѣ его звуковыя особенности нашли себѣ выраженіе въ письменности даже церковно-богослужебныхъ книгъ; эти особенности и донынѣ характеризуютъ собой новгородское нарѣчіе. Стало быть, документальная (по письм. памятникамъ) исторія новгородскаго нарѣчія можетъ быть прослѣжена до XI-го вѣка включительно отъ настоящаго времени. И въ данномъ случаѣ, какъ и по отношенію къ образованію дифтонгическихъ сочетаній въ южнорусскомъ нарѣчіи мы не должны считать XI-й вѣкъ (какъ въ южномъ нарѣчіи—XII-й вѣкъ) вѣкомъ образованія въ сѣверной части территоріи распространенія русскаго языка цокающаго и чекающаго произношенія (цернѐць, цело̀, чѐрковь, чари̂ча...): оно образовалось, конечно, гораздо раньше, чѣмъ появилась русская письменность, и чѣмъ оно нашло себѣ выраженіе въ этой письменности. Разобранные выше факты древней русской графики уполномочиваютъ насъ сдѣлать заключеніе, что распаденіе русскаго языка на сѣверное и южное нарѣчія произошло ранѣе XI-го вѣка, въ X-мъ, а, можетъ быть, и еще ранѣе.

О звукѣ, для котораго была придумана буква ь („ерь“), мы должны сказать то же самое, что говорили выше о звукѣ-буквѣ ъ, съ тою только разницею, что ь обозначалъ гласный передняго ряда, передъ которымъ согласный былъ сначала полумягкимъ, а потомъ мягкимъ, а передъ ъ—гласнымъ задняго ряда—согласный былъ твердымъ. Оба звука, и ъ и ь, будучи слоговыми звуками вообще, различались по *силѣ* звука въ зависимости отъ ихъ фонетическаго положенія: въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ, и въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ тоже съ ъ или ь, эти ъ и ь были сильными; это ихъ силь-

ное положеніе, и въ такомъ положеніи они, послѣ паденія ъ и ь въ концѣ словъ, перешли въ *о* и *е*: ъ—въ о, а ь—въ е, т. е. прояснились, стали гласными *полнаго образованія*, перестали быть *редуцированными*, или *ирраціональными*. Напр.: сънъ—сон; дьнь—ден'; дъскѫ—дôску; городъкъ—городок; остатъкъ—остатов; тѧжькъ—тяжек; ръпътъ—рôпот; ръпъта—рôпта (наше рôпота по аналогіи съ имен. п.) и проч. Но: съна—сна; дьни—дни; остатъка—остатка и проч. Въ этихъ формахъ ъ и ь были въ *слабомъ* положеніи, были обречены на исчезновеніе и въ первое время писались по традиціи, не имѣя звукового значенія.

V. Отдѣльно разсмотримъ сочетанія ъ и ь съ плавными и носовыми сонорными согласными.

Въ нашемъ отрывкѣ изъ разсужденія черноризца Храбра мы имѣемъ слѣдующіе примѣры сочетанія ь (ъ) съ плавнымъ *р*: црькъвь и грьчьскъ; другіе примѣры старослав. памятниковъ: гръдъ, кръвь, плънъ, сльза, чрьнъ, крьстъ, жльтъ, чрьвь, плъть и под. Чтобы осмыслить такія *графическія* изображенія въ старослав. письменности путемъ возстановленія ихъ *звукового* значенія, мы посмотримъ соотвѣтствія имъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: болг. гръд-, чш. hrdý доказываютъ собой, что старосл. (старо-болг.) грьдъ изображало *слоговое* „р“ (r̥), а ъ служило неслоговымъ звукомъ; болг. кръв, чш. krev, польск. krew доказываютъ, что стрсл. кръвь изображало собой *неслоговое* „р“ (r), а ъ служило слоговымъ звукомъ. Это особенно видно изъ русскаго языка, гдѣ мы видимъ: *гордъ*, но *кровь*. Изъ этихъ данныхъ мы возстановляемъ звуковой видъ для этихъ словъ въ общеславянскую эпоху: *gъr̥dъ, гдѣ r̥—въ виду показаній слав. языковъ со *слоговымъ* „р“, а ъ *передъ* плавнымъ—въ виду русскаго *о передъ*, а *не послѣ* плавнаго „р“. Изъ этихъ же данныхъ видно, что общеславянское для „кровь“

было: kȓ̥ъ̥vъ̥, гдѣ ȓ—въ виду неслоговыхъ „р“ въ слав. нарѣчіяхъ, а ъ̥ *послѣ* „р“—въ виду русскаго *о послѣ* „р“, а *не передъ* „р“. Замѣтимъ, что словамъ типа гръдъ (*gъ̑r̥dъ̑) никогда въ русскомъ языкѣ не соотвѣтствуетъ гродъ, какъ мы это видимъ въ словахъ типа кръвь, при русскомъ: „*кровь*“ и под. Звукъ ъ въ формѣ кръвь былъ въ *сильномъ* положеніи, а въ формѣ кръви и под.—въ *слабомъ*: срв. польск. krew, род. krwi; русск. *крови* при *кровь* вм. *крви*—по аналогіи съ формой имен. падежа. Отсюда же видно (изъ показаній живыхъ слав. языковъ), что стрсл. написаніе гръдъ и под. есть графическое изображеніе *слогового плавнаго* по образцу изображеній съ *неслоговымъ* плавнымъ, по образцу такихъ примѣровъ, какъ кръвь, гдѣ мы имѣемъ для эпохи составленія азбуки въ старо-болг. языкѣ (македонско-болгарскомъ) редуцированный гласный (неполнаго образованія относительно качества и количества) послѣ плавнаго „р“, однако составляющій собою *слогъ*. Само собой разумѣется, что изображеніе на письмѣ гръдъ по графической аналогіи съ кръвь и др. возможно было въ виду отсутствія въ алфавитѣ буквы для *слогового плавнаго*: срв. одинаковое изображеніе: плънъ, влъкъ и плъть, сльза и под., хотя въ другихъ слав. языкахъ мы имѣемъ: чш. plný, серб. пун (изъ старосерб. *плн; слоговое *л* въ сербскомъ дало по вокализаціи „у“), съ одной стороны, рус. *полнъ*—съ другой. Или: чш. vlk, серб. вук—съ одной стороны, рус. *волкъ*—съ другой. Между тѣмъ, какъ для такихъ словъ, какъ плъть, крьстъ и под., гдѣ они сохранились или не потерпѣли новаго образованія по аналогіи съ словами перваго типа, мы видимъ въ слав. языкахъ тоже *гласный послѣ плавнаго неслогового*: чш. kříž, польск. krzyż. Однако: серб. црн, болг. чрън[1]) со слоговыми „г“ („р“). Такъ же:

---

[1]) Въ виду польскихъ: pełny, hardy, czarny, żółty и друг. подобныхъ, гдѣ бы мы ожидали *слоговыхъ* плавныхъ, мы должны признать эти поль-

серб. црв, болг. чръвиј; серб. жут (изъ *жлт), болг. жлът со слоговыми „л“ („l“) или „р“ („r“). Срв. также: болг. чръква, серб. црква со слоговымъ „р“.

Такимъ образомъ, ясно, что ъ и ь въ тѣхъ случаяхъ сочетанія съ плавными, гдѣ они давали въ русскомъ языкѣ звуки полнаго образованія *о* и *е*: „полнъ“, „чернъ“, „гордъ“ и под.—передъ плавнымъ *р* или *л* безъ послѣдующей гласной,—имѣли особую силу въ произношеніи, сообщавшуюся имъ, вѣроятно, слоговымъ характеромъ „р“ и „л“, т. к. въ древне-русской графикѣ написанія, какъ гърдъ, пълнъ, чьрвь и под. держатся упорно и долго даже при написаніяхъ: сонъ, день и под., уже послѣ совершившагося проясненія ъ и ь въ сильномъ положеніи въ языкѣ въ *о* и *е*.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что стрсл. написанія грѣдъ, плънъ, влъкъ... восходятъ, именно, къ общеславянскимъ сочетаніямъ: ъr̥, ъl̥, ьr̥, ьl̥ между согласными, и этотъ типъ общеслав. послѣдовательности этихъ звуковъ доказывается не только свидѣтельствомъ русскаго языка, гдѣ мы находимъ: *ор*, *ол*, *ер*, *ел* со звуками полнаго образованія *о* и *е*, причемъ *р* и *л* къ этому времени уже давно потеряли

скія произношенія образовавшимися уже *на польской почвѣ* въ спеціальныхъ условіяхъ, и, именно, передъ твердыми зубными изъ стараго ѫ получалось, кажется, *а*, а изъ стараго ѧ въ такихъ случаяхъ *е* (безъ смягченія предш. согласной и *о*—послѣ исконно смягченныхъ). Были и другія сочетанія, напр., tłusty=тлъстъ, рус. толстъ и под., но недостаточно ясно еще, при какихъ фонетическихъ условіяхъ получались на польской почвѣ эти разновидности. Почему не *tółsty, не *tałsty, не *tḷsty? (По исторіи звуковъ польскаго языка см. новѣйшія сочиненія Улашина и Брикнера). Равнымъ образомъ, въ виду чш. slza и польск. łza при стрсл. слъза, рус. слеза, мы должны предположить (серб. «суза») общеславянское *sъ̆l̥za—*sьl̥za, а тогда русское «слеза» явится вмѣсто *сел(ь)за по какой-либо аналогіи.

свой слоговой характеръ изъ старыхъ ър, ъл, ьр, ьл между согласными звуками основы, гдѣ *ъ* и *ь* были еще звуками неполнаго образованія, хотя и слоговыми, т. к. *р* и *л* потеряли слоговое свойство еще въ эпоху прарусскаго единства, но *и свидѣтельствомъ согласныхъ звуковъ передъ этими сочетаніями*: неслоговая ирраціональная + слоговой плавный—*во всѣхъ слав. языкахъ*. Въ самомъ дѣлѣ, звуки ж, ч въ словахъ типа: жльтъ, чрьвь, чрьнъ, жрьны и под. (рус. жьлтъ, чьрвь, чьрнъ, жьрны) извѣстны всѣмъ слав. языкамъ, а въ балтійскихъ языкахъ мы въ соотвѣтствіи этимъ *общеславянскимъ* ж и ч въ этихъ словахъ находимъ g и k; лит. geltas, лит. kirmis, прус. kirsna-, лит. girnos. Стало быть, балтійско-славянскій праязыкъ имѣлъ здѣсь еще задне-небные согласные *g* и *k*, и факторомъ выдѣленія славянской семьи изъ балтійско-славянской было, между прочимъ, измѣненіе задне-небныхъ *g*, *k* въ передне-небные (шипящіе) *ž* и *č* въ положеніи ихъ передъ гласными передняго ряда и *j*, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ балтійской группы. Отсюда ясно, что общесл. *ž* и *č* словъ *žьltъ, čьrnъ и др. указываютъ на то, что *гласный передняго ряда ь стоялъ въ этихъ и под. словахъ непосредственно за звуками балт.-слав. эпохи g, k, и измѣнилъ ихъ въ общеславянскую эпоху въ ž, č*. Стало быть, и стрсл. написанія жльтъ, (жлътъ), чрьнъ (чрънъ) и под. суть *графическое* изображеніе *слоговыхъ р, л, передъ* которыми стоялъ *неслоговой ъ*.

VI. Общій выводъ о звукахъ-буквахъ ъ и ь.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвши изъ буквъ старославянскаго и древне-русскаго алфавита буквы ъ и ь, опредѣливши ихъ звуковое значеніе въ различныя эпохи и ихъ значеніе въ современной русской орѳографіи, мы переходимъ къ буквѣ ѣ

и такъ же постараемся возстановить ея звуковое значенія для различныхъ эпохъ жизни слав. языковъ. Изъ сопоставленія словъ (при)-льпе- 3 ед. аор. съ лит. lìpti; или: трьхъ, трьми съ лит. trisè, trimìs, греч. τρισί; или дьнь съ лат. (nun)-dinae; или: нощть (ноуь) съ лит. naktìs и др. мы видимъ, что слав. ь въ балт.-слав. эпоху соотвѣтствовало—ĭ, т.-е. на слав. почвѣ изъ ĭ образовалось ь. Изъ сопоставленія словъ: бъдѣти съ лит. budėti; или дъшти (доуь) съ лит. duktė̃, а также: сынъ съ лит. sūnùs; или бъдрь съ лит. bùdrùs и под. видно, что слав. ъ образовалось изъ болѣе ранняго, балт.-славянскаго ŭ. Равнымъ образомъ видно, что общеслав. ы—изъ балт.-слав. ū (примѣръ: сынъ—выше). Ко времени выдѣленія обще-славянскаго праязыка ĭ и ŭ артикулировались болѣе открыто, переходили въ болѣе открытые звуки вообще, приближаясь ĭ—къ ĕ, а ŭ—къ ŏ; однако въ извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ оставались *закрытыми напряженными*, именно въ положеніи передъ ȷ (j). Такъ какъ въ эту эпоху (праславянскую) звуки *r* и *l* еще были *слоговыми* въ извѣстныхъ положеніяхъ, то праславянскія сочетанія: ьr̥, ъr̥, ъl̥, ьl̥ между согласными имѣли еще *слоговые* r̥ и l̥, причемъ ъ и ь были въ такомъ случаѣ *неслоговыми*. Это слоговое свойство *r* и *l* продолжалось до эпохи выдѣленія праруссскаго языка, въ которомъ уже произошла потеря слогового характера звуковъ *r* и *l*, а въ связи съ этимъ въ такихъ сочетаніяхъ ъ и ь приняли *слоговой* характеръ. Срв. стрсл. съ-мрьть, рус. съ-мьрть и лит. mirtìs. Или: стрсл. тръгъ, рус. търгъ и лит. tur̃gus. Переходъ этихъ ъ и ь въ сильномъ положеніи ихъ въ гласные полнаго образованія въ русскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, завершился окончательно къ концу XII-го вѣка, когда начинаетъ свою документальную (письменную) исторію жизнь южнорусскаго нарѣчія. Такимъ образомъ, звуковая исторія въ связи съ данными исторіи письма въ области ъ и ь можетъ быть графически представлена такъ:

Балт.-слав. эпоха	Общеслав. эпоха	Эпоха письменности съ IX в.		Русскій языкъ съ XII в.
ŭ	Гласный неполнаго образованія (редуцированный, ирраціональный) задняго ряда.	Знакъ ъ для гласнаго звука	Для ст.-сл. яз. и рус. яз. въ XI в.	Знакъ ъ безъ звукового значенія или *о*—звукъ.
ĭ	Гласный неполнаго образованія (редуцированный, ирраціональный) перед. ряда	Знакъ ь для гласнаго звука		Знакъ ь безъ звукового значенія или *е*—звукъ.

ГЛАВА III.

Ѣ.

I. Происхожденіе звука ē (ѣ) въ слав. языкахъ.

Знакъ ѣ (у Черноризца Храбра въ словѣ: ꙁѣлѡ), имѣлъ, очевидно, иное звуковое значеніе, чѣмъ знакъ є (срв. у Храбра: ѵалинє, но: ꙁѣлѡ). Если пришлось придумывать особый отъ греч. ε=слав. є, є знакъ ѣ, то, значитъ, этого требовало особое произношеніе въ македонско-болгарскомъ ꙁѣлѡ и друг. эпохи составленія алфавита для славянъ: „по словѣньстѣи рѣчи“. Какое же это было произношеніе? И для какого звука придуманъ былъ знакъ ѣ („ять“)? Прежде всего изъ памятниковъ письменности стрсл. языка видно, что для эпохи нашихъ письменныхъ документовъ знакъ ѣ кирилловскаго алфавита соотвѣтствовалъ знаку ⰰ глаголическихъ памятниковъ, а въ этихъ послѣднихъ знакъ ⰰ служилъ и для выраженія звука, изображаемаго въ кирилловскихъ памятникахъ буквою ѣ, и для звукового сочетанія ꙗ въ тѣхъ же памятникахъ, т. е. *ја*. Отсюда ясно, что ѣ эпохи составленія азбуки былъ очень открытымъ звукомъ *е*: јӓ (ⁱä) или ea (ᵉa). Срв. въ современномъ польскомъ:

вѣра=wiara (v'ara), бѣлъи=biały (b'ały) и под. Съ другой стороны, сравните измѣненіе ѣ въ 'а послѣ ж, ч, ш, j, т.-е. исконно-мягкихъ согласныхъ: срвн. степень: мъножаи (рус. множайшій) изъ *mъnogěјь отъ мъногъ; слышати (рус. слышать) изъ *slychěti; горьчаи (рус. горчайшій) изъ *gorьkěјь отъ горькъ: ѩсти при ѣсти, какъ и изображается въ глаголич. памятникахъ и мн. др. Въ чш., сербскомъ и русскомъ языкѣ мы видимъ въ соотвѣтствіи со старымъ ѣ закрытое *e*, особенно въ русскихъ нарѣчіяхъ: чш. ě, i, серб. иje или je, рус. eⁱ, i͡e (малор., блр.-минск., южно-влкр. и др.). Отсюда мы вправѣ заключать, что общеславянское ѣ стало въ отдѣльныхъ слав. языкахъ закрываться и въ русскомъ языкѣ представляетъ собой закрытое произношеніе звука *e*. Кромѣ того, и русскій и сербскій языки, отчасти и старославянскій, какъ мы сейчасъ видѣли, намекаютъ на дифтонгическую природу звука ѣ. Изъ какого же звука это ѣ образовалось на общеславянской почвѣ? Изъ сопоставленія словъ: лит. dẽdas, стрсл. дѣдъ, рус. дѣдъ; лит. dėti, стрсл. дѣти, рус. дѣть, греч. *τί-θη-μι*; лит. sėti, стрсл. сѣти и сѣяти, сѣмѧ; рус. сѣять, сѣмя, лат. sēmen; лит. wydėti (vidėti), стрсл. видѣти, рус. видѣть, лат. vidēre и мн. др. мы видимъ, что ѣ, по свидѣтельству родственныхъ языковъ, соотвѣтствуетъ *долгому* ē. Слѣдовательно, звукъ, для котораго въ эпоху слав. письменности изобрѣтена была особая буква ѣ („ять"), „по словѣньстѣй рѣчи" въ отличіе отъ звука *e* (буква е, є) былъ звукомъ *долгимъ* по количеству, а по качеству—звукомъ типа *e*—звукомъ передняго ряда. Стало быть, особое, отличное отъ *e* (греч. ε), произношеніе заставило составителей слав. азбуки придумать букву ѣ, особое произношеніе заключалось *въ долготѣ*, слышавшейся еще, вѣроятно, въ IX вѣкѣ въ македонско-болгарскомъ нарѣчіи, и въ *нѣкоторой дифтонгичности* этого долгаго звука. Изъ свидѣтельства стрсл. памятниковъ письменности и живыхъ славянскихъ языковъ мы видѣли, что *діалектически* еще въ общеславянскую эпоху

звукъ ѣ=ē былъ извѣстенъ въ закрытомъ видѣ и въ эту же эпоху долженъ былъ распасться на дифтонгическое сочетаніе, передъ которымъ извѣстна была согласная только въ мягкомъ видѣ (исконно-мягкая или смягченная: ж, ч, ш, щ, ц, ʒ, с, р', л', н', j или впослѣдствіи и: d', t', m', p' и проч. Срв. ʒемлѣ и ʒемлѧ; волѣ и волѧ и др.). Изъ сопоставленія же словъ: стрсл. снѣгъ, серб. (штокав.) sn͡ijeg, чш. sněh и sníh, польск. śnieg, русск. (діалект.) снiγ (млр.-укр.), сн͡iеγ (блр.-минск.), śn'ek (литер.-московск.) и лит. snēgas съ готскимъ: snaiws при прусск. snaigis видно, что ѣ соотвѣтствовало индоевропейскому дифтонгу ai̯ (oi̯), а также видно, что ѣ совпало въ одномъ ē еще въ общеславянскомъ языкѣ, не смотря на различіе своего происхожденія изъ болѣе раннихъ (балтійско-славянскаго и, наконецъ, общеиндоевропейскаго) ē и ai̯ (oi̯): сравни: дѣдъ и снѣгъ и проч. Наконецъ, изъ этого же сопоставленія видно, что ē (ѣ) еще въ общеславянской же эпохѣ распалось на дифтонгическое сочетаніе i͡e съ е (вторымъ компонентомъ разнаго качества, то болѣе открытымъ, то менѣе открытымъ), которое въ части діалектовъ общеславянскаго языка, давшей начало прарусскому языку, представляло e[i], т. ч. дифтонгическое сочетаніе, дошедшее до прарусской эпохи, было: i͡e[i]. Сравните далѣе: стрсл. вѣдѣ, прус. waisei, гот. wait, греч. οἶδα изъ Ϝοῖδα; или: стрсл. вѣрѣмъ при греч. φέροιμεν. Здѣсь мы видимъ ѣ *изъ дифтонга* oi̯. Также: стрсл. тѣхъ, греч. τοῖσι; стрсл. (отъ)лѣкъ= остатокъ, греч. (λέ)λοιπα. Ѣ изъ ai̯ мы видимъ также въ: стрсл. дѣверь при греч. δαήρ изъ *δαιϜήρ, лит. dëverìs. Отсюда видно, что русское орѳографическое „деверь“ черезъ *е* неправильно и образовалось вслѣдствіе давняго звукового совпаденія ę и ѣ (видно уже изъ Остром. Евангелія 1056—1057 г., напр., въ написаніи прилѣжьнѣѥ; это ѣ въ этомъ словѣ извѣстно и въ позднѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Мы не говоримъ объ *иностранныхъ* словахъ, гдѣ ѣ смѣшивается съ е въ Остр. Евангеліи: ихъ довольно много), хотя

въ нарѣчіяхъ русскаго языка, гдѣ произносятъ ѣ какъ і, въ особенности въ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ, мы до сихъ поръ слышимъ: *дївир'* (Казан.-слободск., Олонецк., Арханг., Новгород. и др.). Ѣ *изъ ai̯* мы также видимъ въ стрсл. лѣвъ (рус. лѣвый) при греч. *λαιός* изъ *λαιϝός*, лат. laevus.

II. Ѣ двоякаго происхожденія въ положеніи послѣ исконныхъ k, g, ch.

Такимъ образомъ, общеславянское ē, потребовавшее въ эпохѣ составленія славянской азбуки отъ Кирилла и Меѳодія для себя въ отраженіи своемъ на староболгарской почвѣ *особой* буквы (ѣ), было *двоякаго* происхожденія: изъ индоевропейскаго ē и изъ индоевропейскаго дифтонга oi̯, ai̯. Сохранились ли слѣды такого двоякаго происхожденія ѣ въ произношеніи старо-славянскаго языка? Да сохранились! Эти слѣды особенно замѣтны въ положеніи звука ē (ѣ) послѣ согласныхъ, происшедшихъ на славянской почвѣ изъ обще-индо-европейскихъ согласныхъ *k* и *g* разнаго качества, и въ положеніи послѣ славянскаго *x* (общесл. *ch,* стрсл. χ) изъ болѣе ранняго (балт.-слав. и обще-индо-евр.) *s*. Именно, звуки *k*, *g*, *ch* передъ ē, какъ передъ звукомъ передняго ряда, давали въ старо-славянскомъ (какъ и во всѣхъ слав. языкахъ, т.-е. въ обще-славянскомъ праязыкѣ) языкѣ ч, ж и ш въ томъ случаѣ, если ē (ѣ) было *монофтонгическаго* происхожденія, т.-е. изъ индо-европ. ē; но эти же *k*, *g*, *ch* давали въ стрсл. языкѣ ц, ʒ (s) и с въ томъ случаѣ, если ē (ѣ) было *дифтонгическаго* происхожденія, т.-е. изъ индоевроп. oi̯, ai̯. Напр., мы имѣемъ: кричати изъ кричѣти, а это изъ *krikēti; сравни спряженіе: кричу, кричишь, кричитъ и проч., какъ: горю, горишь, горитъ, при неопр. н. однако горѣти; или: терплю, терпишь, терпитъ, при неопр. накл. трьпѣти; или: сижу, сидишь, сидитъ при неопр. н. сидѣти и

пр. Или: дрьжати изъ дрьжѣти, а это изъ *dь̯r̥gēti. Сравни выше: мъножаи изъ *mъnogējь. Или: слышати изъ слышѣти, а это изъ *slychēti. Если мы сравнимъ измѣненіе по лицамъ настоящаго времени во всѣхъ вышеприведенныхъ глаголахъ:

кричу	терплю	сижу	горю	держу
кричишь	терпишь	сидишь	горишь	держишь
кричитъ	терпитъ	сидитъ	горитъ	держитъ

Или:

слышу	дышу	вижу	дрожу
слышишь	дышишь	видишь	дрожишь
слышитъ	дышитъ	видитъ	дрожитъ

и т. п., то мы увидимъ, что всѣ приведенные глаголы по спряженію формъ настоящаго времени принадлежатъ къ одному классу: т.-е. имѣютъ основу наст. времени на *-и*, принадлежатъ къ такъ называемому 2-му спряженію; однако, если мы посмотримъ на формы *неопр. наклоненія* отъ этихъ глаголовъ, то замѣтимъ, что въ этихъ формахъ примѣтою неопр. наклоненія является то ѣ, то а, а именно: ѣ—послѣ согласныхъ, кромѣ шипящихъ: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*; а примѣта а является вмѣсто ѣ, именно, послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*. Въ самомъ дѣлѣ:

терпѣть, сидѣть, горѣть, видѣть, но:
кричать, держать, слышать, дышать, дрожать.

Сравни также: пищать (изъ *piskēti): пищу, пищишь, пищитъ и проч. Ясно, что по спряженію видно, что въ этихъ глаголахъ старое ѣ (ē) измѣнилось въ а, благодаря вліянію шипящаго звука, который самъ по себѣ, какъ мы увидимъ ниже, восходитъ къ общеиндоевропейскимъ *k*, *g* и общеславянскому *ch* (см. ниже), въ положеніи ихъ передъ гласными передняго ряда и передъ согласнымъ j. Слѣдовательно, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ въ ѣ—гласный передняго ряда, именно, монофтонгическаго происхожденія изъ индо-

европ. ē. Переходъ же этого ē въ *'а* совершился благодаря палатализованной природѣ звуковъ общеславянской эпохи: ž́, č́, š́, которые, какъ и самъ j, заставляли ē переходить въ *а*: срв. ѣсти. но: ꙗсти. Очевидно, звуки ž́, č́, š́ уже въ общеславянскую эпоху не могли соединяться съ ē: происходила диссимиляція относительно мѣста образованія, хотя это явленіе диссимиляціи и произошло, вѣроятно, позже другехъ явленій въ области звуковъ этой же эпохи; сравните: часъ при прус. kīsman (ī изъ ē на мѣстной почвѣ); чаꙗти изъ „kēją“ съ общеиндоевроп. $\bar{a}^e$ (ē): др.-инд.: cā́ya-ti.

Такимъ образомъ, процессъ надо представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: гласные передняго ряда (палатализованные гласные) и согласный *j* такъ вліяли на предшествующіе имъ согласные задненебные *k*, *g*, *ch* еще въ общеславянскую эпоху, что послѣдніе переходили въ ž́, č́, š́; уже послѣ этого перехода гласный передняго ряда ē (ѣ), самъ обусловившій этотъ переходъ, въ новомъ положеніи, испыталъ на себѣ вліяніе этихъ ž́, č́, š́, которые заставили его (ē, ѣ) перейти въ *'а* (со смягченной предшествующей согласной). Это — процессы еще общеславянской эпохи, какъ показываютъ свидѣтельства славянскихъ языковъ, гдѣ мы находимъ и *а* и *е* въ такихъ случаяхъ, послѣ ž́, č́, š́, (чш. křičeti, польск. krzyczeć; серб. држати, чш. držeti; чш. slyšeti, польск. słyszeć и под. Срв. также: чш. žába, серб. жаба, болг. жаба или: стрсл. жалъ, чш. žel, польск. žal, серб. жао, болг. жал(но) и проч. Въ теченіе этой эпохи общеславянскаго праязыка, скажемъ, *ранней* эпохи, *древнѣйшей* эпохи этого праязыка, которую будемъ называть *праславянскою* эпохою, въ отличіе отъ *позднѣйшей* эпохи этого праязыка, эпохи наканунѣ распаденія, которую будемъ называть *общеславянскою* эпохою, дифтонги oį, aį еще не перешли по своей артикуляціи изъ задняго ряда въ передній, а потому тамъ, гдѣ звукамъ *k*, *g*, *ch* приходилось стоять передъ дифтонгами oį, aį, эти задненебные согласные оставались *задне*небными, не мѣняли своего мѣста

артикуляціи и произносились такъ же, какъ и передъ всѣми согласными и прочими гласными задняго ряда, т.-е., какъ *k*, *g*, *ch*. Когда же законъ объ измѣненіи звуковъ *k*, *g*, *ch* передъ гласными *передняго* ряда завершился, и въ языкѣ получились *въ этихъ сочетаніяхъ* звуки ž́, č́, š́, то это измѣненіе уже не могло распространяться на явленія послѣдовавшей эпохи, эпохи послѣ прекращенія дѣйствія закона объ измѣненіи задненебныхъ въ переднепебные ž́, č́, š́. Такимъ образомъ, появленіе ѣ послѣ ц, ѕ (ꙁ), с и самые эти звуки ц, ѕ (ꙁ), с передъ ѣ мы должны понимать въ томъ смыслѣ, что въ эту эпоху, когда появились передъ ѣ звуки ц, ѕ (ꙁ), с, уже не могли появиться старые ж, ч, ш, успѣвшіе уже укрѣпиться въ языкѣ въ предшествующую эпоху. А, принимая во вниманіе, что это ѣ въ положеніи послѣ ц, ѕ (ꙁ), с изъ индоевроп. и болѣе старыхъ вообще звуковъ *k*, *g*, *ch*, было *извѣстно только дифтонгическаго происхожденія* изъ oį и aį, какъ показываютъ родственные языки, мы заключаемъ, что ѣ дифтонгическаго происхожденія, постепенно переходя изъ задняго ряда (пока оно было дифтонгомъ oį и aį) въ передній рядъ звуковъ, должно было пройти рядъ промежуточныхъ, физіологически необходимыхъ ступеней, пока дошло до ē (ѣ) и совпало съ ē (ѣ) стараго монофтонгическаго происхожденія: oį—öį—öę—єę (или ię)—ē (ѣ). Пока этотъ процессъ постепеннаго перехода звука oį въ передній рядъ длился, законъ объ измѣненіи *k*, *g*, *ch* въ ž́, č́, š́ прекратилъ свое существованіе, и появились въ *новыхъ* сочетаніяхъ: köį—keį—kē и проч. уже не č́ē, откуда было уже č́a, а—c'ē; равнымъ образомъ: не ž́ē (изъ göį), откуда уже ž́a, а—d'z'ē (z'ē) и не š́ē (š́a), а s'ē, т.-е. въ эпоху письменности: цѣ, ѕѣ (ꙁѣ) и сѣ: сравни: влъцѣ, пророцѣ, оученицѣ, коѕѣ, коꙁѣ, ноѕѣ, ноꙁѣ, доусѣ, въꙁдоусѣ, смѣсѣ и проч. въ мѣстн. падежахъ ед. числа, гдѣ ѣ изъ oį (а въ жен. родѣ—изъ aį), какъ показываютъ родственные языки. Срв. также 1 и 2 л. мн. ч. повел. накл.: рьцѣмъ, рьцѣте; лаѕѣмъ, лаѕѣте. Или: цѣлъ, прус.

kailus-; ѕѣло и ʒѣло (срв. у черноризца Храбра: ʒѣлѡ—выше), лит. gailùs; цѣна, лит. kaina, греч. ποινή, лат. poena, иран. (Авест.) kaēnā изъ общеиндоевроп. *q^{u}oinā. Для формъ словъ, въ родѣ вышеприведенныхъ: влъцѣ, тоцѣ, тоцѣхъ, рьцѣмъ, рьцѣте и проч. слѣдуетъ указать родственныя параллели и соотвѣтствія въ: греч. οἴκοι=дома, старый locativus—мѣстн. падежъ (им. οἶκος—домъ), греч. мѣстн. мн. λύκοισι, др. инд. vṛkēšu, греч. φέροιμεν, φέροιτε и под., гдѣ мы въ родственныхъ языкахъ имѣемъ oi̯, ai̯ (oe̯) въ соотвѣтствіи со стрсл. ѣ. Вотъ слѣды двоякаго происхожденія ē (ѣ) въ произношеніи старославянскаго языка въ эпоху составленія азбуки и позже, эти же слѣды мы видимъ и въ древне-русскомъ языкѣ; слѣды эти отразились и въ графикѣ стрсл. и др.-рус. языка (въ буквахъ ж, ч, ш, шт, ш+а [изъ ē—ѣ] и въ буквахъ ц, ʒ, (s), с+ѣ). Эти же слѣды сохранились и въ произношеніи прочихъ славянскихъ языковъ, слѣдовательно, явленіе это — различіе шипящихъ и свистящихъ согласныхъ одинаковаго происхожденія изъ *k*, *g*, *ch* въ положеніи передъ разными по происхожденію гласными звуками—принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, но *позднѣйшаго* ея періода.

III. Доказательство того, что а изъ ѣ указываетъ на ѣ монофтонгическаго происхожденія, бывшій искони гласнымъ передняго ряда.

А то обстоятельство, что эти же ж, ч, ш изъ старыхъ: *k*, *g*, *ch* мы видимъ не только передъ а изъ ē (ѣ), но и передъ *всѣми* гласными *передняго ряда* и передъ согласнымъ *j*, приводитъ насъ къ заключенію, что ē (ѣ) въ теченіе долгаго времени извѣстно было въ качествѣ звука *передняго ряда* и только *такого* звука до тѣхъ поръ, пока съ этимъ ē совпало *новое* ē совершенно *иного* происхожденія, изъ стараго дифтонга, первый компонентъ котораго былъ гласнымъ *задняго*, а *не передняго*

ряда. Сравните: плакати—плачѫ (плачѫ), рус. плакать—др.-рус. плачю—плачу (соврем. орѳографическое). Если бы мы здѣсь въ неопр. наклоненіи имѣли когда-то примѣту ē (ѣ)—гласный передняго ряда, то неопр. наклоненіе было бы: „*плачать“ (срв. „кричать“ —выше). Или: тоучꙗ—тоуча, рус. туча (орѳографическое, хотя *ч* и осталось *мягкимъ* звукомъ донынѣ; здѣсь ч изъ k): *tukja, какъ и выше изъ *płakją. На такое же присутствіе *j* указываютъ и прочія формы 1-го лица ед. числа глаголовъ типа „плакать“: плачу, скачу; а также формы 3-го лица множ. числа этого типа глаголовъ: „плачутъ“, „скачутъ“, „ищутъ“, гдѣ не просто *kj*, а *skj*: искати и под. Вообще тамъ мы должны предполагать *j*, не смотря на орѳографію, гдѣ произношеніе предлагаетъ намъ *шипящій* звукъ (ж, ч, ш) въ положеніи передъ старымъ гласнымъ *задняго* ряда: въ 1 л. ед. ч. наст. времени личное окончаніе ѫ (=ǫ), въ 3 л. мн. ч. наст.-буд. времени—-ѫтъ (=ǫtъ): носовое *о*—гласный *задняго* ряда.

Само собой разумѣется, что формы прочихъ лицъ глаголовъ типа „плакать“: *плачешь*, *плачетъ*, *плачемъ*, *плачете*, скачешь, скачетъ, скачемъ, скачете, ищешь, ищетъ, ищемъ, ищете и под. въ наст.-буд. времени имѣютъ шипящіе (ж, ч, ш, щ) въ положеніи передъ *гласными* передняго ряда, согласно закону, т. к. основа такихъ глаголовъ въ наст.-буд. времени оканчивается на *гласный передняго ряда*: *е*. Вотъ почему понятно, что изъ старыхъ задне-небныхъ согласныхъ (*k*, *g*, *ch*) мы получимъ въ спряженіи *всѣхъ лицъ* наст.-буд. времени, гдѣ за этими согласными слѣдовалъ *j* или гласный *передняго* ряда, *шипящіе* (ж, ч, ш, щ, а это послѣднее, какъ увидимъ ниже—изъ стараго *sk*: срв. выше „*искать*“, „*пищать*“), а изъ старыхъ согласныхъ другого мѣста образованія (*зубныхъ*) мы въ тѣхъ же формахъ глагола получимъ шипящіе (ж, ч, ш, щ, а это здѣсь изъ *st*, какъ увидимъ ниже) лишь только въ положеніи ихъ передъ *j*, но не передъ *гласными* передняго ряда, такъ какъ зубные измѣнялись въ шипящіе (*альвеолярные*) лишь пе-

редъ *j*, но не передъ гласными передняго ряда, какъ это мы видѣли у класса *задненебныхъ* согласныхъ. Сравни еще: лягу (*г* передъ гл. *задняго* ряда), но: ляжешь, ляжетъ... (*ж* вм. *г* передъ гл. *передняго* ряда); кричу, плачу (*ч* изъ *к* передъ *j*), кричишь, плачешь и проч. (*ч* изъ *к* передъ гл. *передняго* ряда); машу̊, пашу̊... (*ш* изъ *х* передъ *j*), машешь, пашешь (*ш* изъ *х* передъ гл. *передняго* ряда)... „пищишь", „ищешь", гдѣ *щ* изъ *sk* + гл. *передняго* ряда, и: „пищу̊", „ищу", гдѣ *щ* изъ *sk* + *j*, какъ и въ 3 л. мн. числа этихъ и такихъ глаголовъ. Или: двйжу (при „двигаю") имѣетъ *ж* изъ *г* передъ *j*, а движешь и проч.—*ж* изъ *г* передъ гл. *передняго* ряда. Примѣры для зубныхъ звуковъ: сужу̊, бужу̊, сижу̊, рожу̊, хочу̊ (хоштѫ), кучу̊, мучу̊, шучу̊, кручу̊... имѣютъ *ж* и *ч* (стрсл. жд и шт, щ) изъ dj, tj; грожу̊, ношу̊, кошу̊, вожу̊, ражу̊, (разить), пишу̊ и под. имѣютъ *ж*, *ш* изъ zj, sj, а такія формы, какъ: льщу̊, мщу̊; ѣжжу, гвожжу̊ (орѳ. ѣзжу, гвозжу) и под. имѣютъ свои: *щ*, *жж* (изъ здж—ждж—жд—жж: „*ѣздить*", *гвоздить*...) изъ stj; zdj: а формы: грозишь, носишь, косишь, возишь, разйшь, льстишь, мстишь, ѣздишь, гвоздишь и под. доказываютъ, что зубные *з*, *с*, *т*, *д* не измѣнялись по мѣсту образованія передъ гласными *передняго* ряда, а только передъ согласнымъ *j*. Формы же пишешь, пляшешь и под. доказываютъ, что въ нихъ присутствовалъ j не только въ формѣ 1-го лица ед. и 3-го лица множ. числа, но и во всѣхъ прочихъ личныхъ формахъ; также: лижу̊, лижешь, лижетъ, ма̀жешь, ска́жешь и проч. отъ гл. „*лизать*" и проч., гдѣ мы имѣемъ во всѣхъ формахъ со звукомъ *ж* или *ш* наличность *j*. Вотъ почему у насъ и получилась разница въ спряженіи прочихъ лицъ отъ тѣхъ глаголовъ, гдѣ мы имѣемъ въ 1 лицѣ ед. числа шипящіе *ж*, *ч*, *ш*. *щ*.

Мы видѣли выше, что ѣ (ē) *старое* въ извѣстныхъ случаяхъ (послѣ ж, ч, ш, щ) (ž, č, š, šč изъ *g*, *k*, *ch*, *sk*, *zg*) давало *'а*: дрьжати, кричати, слышати, пищати, рус. „*брежжетъ*" (изъ брѣзгъ=разсвѣтъ; слово, въ которомъ, кстати сказать,

мы пишемъ *по нашей орѳографіи* неправильно „*е*“: „*брезгъ*“ и производныя, такъ какъ древне-русское брѣзгъ и *своей старой графикой*, какъ и въ старосл. языкѣ, и *современнымъ русскимъ правописаніемъ* черезъ *е*, а не черезъ *о* (*ё*), доказываетъ здѣсь этимологическое ѣ (изъ ē), какъ и въ словѣ: „*блескъ*“—не „блёскъ“ и др.

IV. Звукъ и изъ вторичнаго ѣ общеславянской эпохи и изъ первичнаго ѣ той же эпохи.

Теперь мы отмѣтимъ то, что и *новое* ѣ (ē изъ oį, aį) тоже въ извѣстныхъ случаяхъ (послѣ ʒ, ц, с—*z*, с, s изъ *g*, *k*, *ch*, *sk*, *zg*) давало и (въ концѣ словъ), напр.: боʒи, влъци, доуси—имен. п. мн. ч.: сравни греч. λύκοι, οἶκοι и проч. Повел. накл. (старое „желательное“ — optativus): рьци, лаsи имѣютъ въ концѣ также и изъ *οι*: греч. φέροι(ς) —бери, 2-е л. ед. числа; срв. φέροιτε—берѣте, 2-е л. *множ.* числа пов. накл., гдѣ oi=ѣ *не въ концѣ слова*. Причину такой разницы между мѣстн. ел. на ѣ (влъцѣ, боʒѣ, доусѣ...) и имен. п. мн. ч. на и (влъци, боʒи, доуси) изъ основного дифтонга oį, давшаго въ обоихъ случаяхъ одно и то же ѣ (ē), передъ которымъ старые *k*, *g*, *ch* измѣнялись въ *c*, *z*, *s*, причемъ само ѣ (ē) въ концѣ словъ въ такихъ случаяхъ (какъ и во всѣхъ другихъ, въ указанномъ выше фонетическомъ положеніи, гдѣ основное oį стояло *въ концѣ слова*) давало то ѣ, то и, мы можемъ уяснить себѣ изъ различій въ качествѣ самихъ удареній въ индоевропейскую эпоху и послѣдующія эпохи на подобныхъ словахъ и ихъ формахъ. Такъ, напр., сравнивая греч. имен. пад. οἶκοι и греч. мѣстн. пад. οἴκοι *по ударенію*, мы видимъ, что въ именительномъ пад. мн. числа греч. слово (οἶκοι) имѣетъ *облеченное* удареніе, а въ мѣстн. п. ед. ч. (οἴκοι)—*острое*. Зная условія постановки греч. облеченнаго ударенія (не дальше второго слога отъ конца слова и при непремѣнномъ условіи, чтобы въ этомъ послѣднемъ случаѣ

неударяемый, послѣдній, слогъ слова былъ *краткомъ*, а ударяемый, на которомъ стоитъ облеченное удареніе, *долгъ*), мы заключаемъ, что въ греч. формѣ имен. падежа дифтонгъ oį былъ *краткимъ*, а въ формѣ мѣстн. падежа ед. ч. этотъ же дифтонгъ oį—*долгимъ*. Находя въ соотвѣтствіи съ этимъ греческимъ *долгимъ* дифтонгомъ ст.-славянское ѣ, а въ соотвѣтствіи съ греческимъ *краткимъ* дифтонгомъ ст.-слав. и, мы приходимъ къ заключенію, что необходимо допустить для древнѣйшихъ эпохъ (общесл., балт.-слав., общеиндоевропейской) *двоякое качество удареній*: длительное и прерывистое. Изъ этихъ удареній (слѣды которыхъ сохранились не только въ разсматриваемыхъ формахъ слав. языковъ, но и въ языкахъ балт. группы и въ прочихъ языкахъ индоевроп. семьи) длительное сохранило слѣдъ своей длительности на слѣдующемъ за ударяемымъ гласнымъ (было. значитъ, *восходящимъ*), а прерывистое прерывалось на ударяемомъ гласномъ, не передаваясь на слѣдующій слогъ (было, значитъ, *нисходящимъ*. Эти ударенія сохранили свое качество въ штокавскомъ нарѣчіи серб. языка до сихъ поръ). Далѣе, припомнивъ *дифтонгическое* происхожденіе поздняго ѣ и его дальнѣйшую исторію, которая выше показала намъ, что въ извѣстную эпоху общеславянскаго языка совпали въ одномъ e (ѣ) и исконное ē, и исконное oį (aį), мы видѣли по отраженію этого ѣ (ē) въ различныхъ слав. нарѣчіяхъ, что оно (ē) еще въ общеславянскомъ же языкѣ распалось на дифтонгическое сочетаніе *i͡e*. Это дифтонгическое сочетаніе, заставши различіе въ качествахъ ударенія—длительность долготы и восходящее по тону удареніе, съ одной стороны, и прерывистость долготы и нисходящее по тону удареніе,—съ другой, само стало извѣстно еще въ общеславянскую эпоху съ двоякой долготой и двоякимъ качествомъ ударенія: длительная долгота, сопровождавшаяся восходящимъ удареніемъ, давала перевѣсъ въ этомъ дифтонгическомъ сочетаніи (*i͡e*) второму компоненту, т. е. получилось *i͡e* откуда *ee*, ē (мѣстн. п. ед. ч. на ѣ: влъцѣ, доусѣ, козѣ,. рлкѣ и проч.), а прерывистая долгота, сопровождавшая-

ся нисходящимъ удареніемъ, давала перевѣсъ въ этомъ дифтонгическомъ сочетаніи (*ie*) первому компоненту, т. е. получилось *ie*, откуда *ii*, ī (им. пад. мн. ч. на и: влъци доуси, кози,... рабн и проч.). Сравни различія по ударенію въ литовскомъ и сербскомъ (штокавскомъ нар.) языкахъ въ словахъ: лит. vètra, серб. (шток.) vjȅtar, откуда мы видимъ, что лит. удареніе (') соотвѣтствуетъ праславянскому восходящему (т. е. на *второмъ* компонентѣ дифтонгическаго сочетанія *ie*: общесл. *viētrъ, отраженіемъ чего служитъ сербское vjȅtar); съ другой стороны,—лит. snẽgas, серб. (шток.)—snȉjeg, откуда мы видимъ, что литовское удареніе (˜) соотвѣтствуетъ праславянскому нисходящему (т. е. на *первомъ* компонентѣ дифтонгическаго сочетанія *ie*: общесл. *sníegъ, отраженіемъ чего служитъ сербское snȉjeg). Если въ сербскомъ (шток.) является *вторичное* (т. е. передвинутое на одинъ слогъ къ началу слова) удареніе, которое при передвижкѣ попадаетъ на сочетаніе *ije* (изъ праславянскаго ē, общесл. *ie*), то въ сербскомъ является *восходящее* удареніе (на *второмъ* компонентѣ и при томъ *краткое*): strijèla=общесл. strielá, срв. рус. *стрѣлá*. Эта *закономѣрность* соотвѣтствія ударенiй по ихъ качеству въ связи съ звуковыми соотвѣтствіями въ различныхъ языкахъ индоевроп. семьи указываетъ намъ причину различія формъ влъцѣ и влъци и под. въ звуковомъ отношеніи.

Что касается ѣ (ē) монофтонгическаго происхожденія изъ ē, то таковое тоже дало *въ концѣ словъ, однако въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ*, звукъ и. Изъ этихъ случаевъ *достовѣрныхъ* можно указать два: стрсл. мати и дъщи: срв. лит. mótė, duktẽ (изъ др.-инд. duhitā и греч. θυγάτηρ, др.-инд. mātā, греч. μήτηρ изъ *μάτηρ мы видимъ: 1) что стрсл. и въ этихъ словахъ изъ āᵉ=ē; 2) что въ стрсл., лит., др.-инд. отпало основное ρ (r): основы: mātēr-, dŭktēr-. Срв. вин. ед. ч. матерь, дъштерь).

V. Ѣ въ стрсл. формахъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ съ „полногласіемъ".

А. Русское „полногласіе" вообще.

Русскій языкъ отличается отъ всѣхъ славянскихъ языковъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ — единственный членъ славянской семьи языковъ, который въ области своихъ звуковъ имѣетъ слѣдующую особенность, одинаково отличающую русскій языкъ *во всѣхъ его нарѣчіяхъ* отъ прочихъ его братьевъ—славянскихъ языковъ. Эта особенность—такъ называемое *полногласіе*, или сочетанія звуковъ *оро*, *оло*, *ере*, *еле*, иногда—*ело*, въ положеніи этихъ звуковыхъ сочетаній *между согласными въ основной части слова*. Напримѣръ: *го̀родъ*, *борода̀*, *воро̀та*, *го̀лосъ*, *хо̀лодъ*, *го̀лодъ*, *поло̀нъ*, *холо̀пъ*, *боло̀то*, *молодо̀й*, *холосто̀й*, *бѐрегъ*, *берѐза*, *середа̀*, *пелена̀*, *железа̀*, *молоко̀* (изъ **мелеко̀*. См. ниже), *шело̀мъ* (изъ **шелѐмъ*. См. ниже) и мн. др. Въ другихъ слав. языкахъ мы находимъ такія соотвѣтствія вышеприведеннымъ формамъ русскаго языка: сербскій (штокавское нарѣчіе) языкъ представляетъ *закономѣрное* соотвѣтствіе русскимъ полногласнымъ формамъ *съ удареніемъ на первомъ слогѣ* („го̀родъ") *долгаго нисходящаго ударенія* [1]) на слогѣ

---

[1]) Въ сербскомъ (шток.) нарѣчіи есть четыре вида ударенія: *два нисходящихъ*, которыя изображаются такъ ̏; ̑; и *два восходящихъ*: ̀ ; ́; ударенія: ̏ и ̀ ставятся на *краткихъ* гласныхъ, а ударенія: ̑ и ́ —на *долгихъ*. Изъ этихъ четырехъ видовъ ударенія въ серб. (штокав.) языкѣ два вида ̏ и ̑— *первичныя* ударенія, сохранившіяся на исконныхъ ударяемыхъ слогахъ слова, именно. *на начальномъ слогѣ слова*, ̀ и ́—*вторичныя* ударенія, передвинутыя сравнительно съ исконными на одинъ слогъ къ началу слова уже въ отдѣльной жизни серб. языка. Поэтому сопоставленія серб. ударенія съ русскимъ, которое не пережило передвижки («оттяжки»), *въ случаѣ ихъ совпаденія по мѣсту*, укажутъ намъ всегда *мѣсто праславянскаго ударенія* въ словѣ; *въ случаѣ несовпаденій ударенія по мѣсту*, сербское окажется оттянутымъ [̀ и ́] на одинъ слогъ противъ русскаго, который въ этомъ послѣднемъ случаѣ сохраняетъ за удареніемъ его праславянское, исконное мѣсто. Кромѣ того, *качество* сербскаго ударенія ̑ и ́ укажетъ намъ *количество* (*долготу*) гласнаго; а сербскія ударенія ̏ и ̀ укажутъ намъ другое *количество* (*краткость*) ис-

ра̑, ла̑=[*rā, lā*]=рус. *о̀ро, о̀ло* между согласными основы словъ: го̀родъ = grād; *мо̀лодъ* = mlād; *во̀лосъ*=vlās; *во̀ронъ*=vrān; *зо̀лото*=zlāto; *го̀лову*=glāvu; *до̀рогъ*=drāg и под. Русскимъ полногласнымъ формамъ *съ удареніемъ на второмъ слогѣ* (типа: „воро̀га", „воро̀на", „горо̀хъ"...) такъ же *закономѣрно* отвѣчаетъ сербское (штокав.) *краткое нисходящее удареніе* (ʺ) на слогѣ *ра̏, ла̏*=[*rȁ, lȁ*]=рус. оро̀, оло̀ между согласными основы слова: воро̀та=vrȁta, воро̀на=vrȁna, горо̀хъ=grȁh, боло̀то=blȁto, доро̀га=drȁga, соло̀ма=slȁma и под. Изъ примѣчанія подъ предыдущей страницей мы знаемъ, что эти сербскія ударенія (ʺ и ˆ) *исконныя, первичныя* по мѣсту, слѣд., въ словахъ типа: „го̀родъ" и „горо̀хъ сербскія: grād и grȁh указываютъ, 1) что праславянское удареніе, когда эти и под. слова не имѣли полногласія, было здѣсь на *начальномъ* слогѣ слова: срв. zlāto и vrȁna при рус. зо̀лото, воро̀на; 2) что подъ удареніемъ ˆ былъ исконно *долгій* гласный (zlāto, grād и проч.—выше), а подъ удареніемъ ʺ въ серб. (штокав.) были извѣстны такіе гласные, которые *искони* были *долгими* съ *восходящимъ* тономъ, но на сербской уже почвѣ *подверглись сокращенію*; слѣд., сербскіе (штокав.) vrȁna, slȁma, grȁh и под. при русскихъ: *воро̀на, соло̀ма, горо̀хъ* указываютъ, именно, на такое сокращеніе гласной, первоначально долгой съ восходящимъ тономъ, а этотъ, именно, *восходя-*

коннаго гласнаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *сокращеніе гласной*, какъ увидимъ въ текстѣ, произошло уже на сербской почвѣ. Примѣры: nȅbo, kȍlo=рус. нѐбо, ко̀ло; vrȃn, dȗh=на *а* долгое нисходящее, на *и* тоже, и. ч. *а* въ этомъ случаѣ—исконно долгій звукъ, какъ «*и*». Или: žèna, pèro, gòra, nèsem=рус. жена̀, перо̀, гора̀, несу̀ (въ серб. *оттяжка* и *краткій* гласный). Или: dùša, zìma=рус душа̀, зима̀ (въ серб.—*оттяжка* и *долгій* гласный).

Такимъ образомъ, по *мѣсту* ударенія въ сербскомъ сравнительно съ русскимъ мы можемъ узнать *мѣсто исконнаго ударенія*, а по *качеству* сербскаго ударенія мы, вообще говоря, можемъ узнать *исконное качество* (т.-е. краткость и долготу) *ударяемаго гласнаго* въ праславянскомъ языкѣ. Значитъ, въ вопросѣ объ удареніи рѣшающее значеніе имѣютъ *сербскій* и *русскій* языки.

щій тонъ и сохраненъ *русскими* формами въ удареніи на *второмъ* слогѣ полногласныхъ сочетаній. (Срв. русское удареніе на *первомъ* слогѣ въ такихъ сочетаніяхъ, указывающее на первоначальный *нисходящій* тонъ гласнаго, напр., въ словахъ типа: „го̀родъ“, „во̀ронъ“, „го̀лосъ“ и пр.). Наконецъ, русскимъ полногласнымъ формамъ *съ удареніемъ на третьемъ слогѣ* (типа: борода̀, борона̀, молода̀ и проч.) такъ же *закономѣрно* отвѣчаетъ сербское (шток.) *передвинутое, вторичное удареніе* (') *восходящее долгое* на слогѣ *ра́, ла́*=[rá, lá]=рус. оро, оло, причемъ *удареніе въ русскихъ словахъ* въ такомъ случаѣ падаетъ не на слоги основы-оро,-оло, а на слогъ окончанія слова: борода̀ = bráda, борона̀=brána, дорога̀=drága (срв. выше: drȁga=доро̀га), голова̀=gláva (срв. выше: го̀лову=glȃvu), молода̀=mláda, ворота̀=vráta (срв. выше: воро̀та=vrȁta) и под. Мы знаемъ, что сербское (шток.) удареніе (') указываетъ, во-первыхъ, на *долгій* гласный, а, во-вторыхъ, на мѣсто *исконнаго* ударенія слогомъ дальше къ концу слова, чѣмъ стоящее нынѣ въ сербскомъ (шток.) нарѣчіи: т.-е. серб. mláda и под. имѣютъ ударяемый гласный *долгій* и указываютъ на восходящую долготу этого гласнаго въ слогѣ „*la*“ и под. въ другихъ словахъ, слѣд., русское „молода̀“ и проч. под. указываютъ исконное, праславянское мѣсто ударенія въ такихъ словахъ. Такая закономѣрность соотвѣтствій удареній въ русскомъ и сербскомъ языкахъ, въ особенности въ словахъ русскаго *полногласнаго* типа, даетъ намъ возможность: 1) построить праславянскія формы (общеслав. праязыка), изъ которыхъ образовались русскія полногласныя сочетанія; 2) представить себѣ тѣ процессы въ звукахъ, которые пережиты прочими славянскими языками въ словахъ, соотвѣтствующихъ русскимъ словамъ съ полногласными сочетаніями, послѣ распаденія общеславянскаго языка, на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ. Такъ, видя, что русскому *борода̀* соотвѣтствуетъ сербское (шток.) *bráda*, болг. *брада*, чешск. *brada* и польское *broda*, мы говоримъ: 1) что въ южно-слав. языкахъ, какъ и въ зап.-сла-

вянскихъ, гласный основы въ этомъ и под. словахъ стоитъ *послѣ плавнаго*; причемъ стрсл. брада и под. доказываютъ, что уже въ X—XI вѣкахъ южные славяне (болгарско-македон. нарѣчіе) имѣли *гласный въ такихъ словахъ послѣ плавнаго;* 2) что русскій и польскій языки имѣютъ въ этомъ и подобныхъ словахъ послѣ плавнаго гласную *краткую* (гласн. „о“ есть исконно *краткій* гласный, что̀ видно изъ сопоставленія литовскихъ и славянскихъ словъ съ гласнымъ *о* и *а*: литовскому ǎ соотвѣтствуетъ славянск. *о*, а литовск. ō соотвѣтствуетъ ā: сравни выше: мати, *μάτηρ*, māter, др.-инд. mātā, а лит. mótė; наоборотъ: око, oc-ulus, но въ лит. ǎkìs; или: ось, axis, *ἄξων*, но лит. ǎszìs и т. п.). Какой же гласный въ такихъ словахъ былъ въ праславянскомъ языкѣ: гласный *а*, или гласный *о?* Гдѣ же стоялъ этотъ гласный въ праславянскомъ языкѣ: послѣ плавнаго, или передъ плавнымъ? Которое изъ двухъ *о* въ русской формѣ: „борода“ *по мѣсту* соотвѣтствуетъ исконному: первое, или второе? Для рѣшенія этихъ вопросовъ намъ необходимо уже выйти изъ предѣловъ славянскаго языковаго міра и обратиться за указаніями къ другимъ родственнымъ языкамъ индоевроп. семьи. Здѣсь, въ нѣмец. яз., напр., мы находимъ *bart*, а въ романскихъ языкахъ—*barba*, слѣд., *древнѣйшій гласный стоялъ передъ плавнымъ.* Сравни также: *берегъ*, стрсл. брѣгъ, болг. брѣг., но нѣмецк. *berg* (первоначально означало „материкъ“ и „гора“. Срв. въ рус.-вят. нарѣчіи: „мы идём *горáм*“=мы идемъ берегомъ (рѣки), говорятъ про себя вятскіе матросы на р. Вяткѣ, когда имъ приходится тянуть судно за бечеву по водѣ, а самимъ идти берегомъ). Далѣе, привлекая для построенія праславянской формы слова „*бородá*“ и слова̀ типа „*бéрегъ*“ съ сочетаніемъ въ русскомъ яз. *ере*, мы видимъ, что стрсл. языкъ въ словахъ этого послѣдняго типа даетъ намъ ясныя указанія на то, что въ стрсл. языкѣ произошла 1) *перестановка гласнаго* (срв. выше нѣмец. *berg*) и 2) удлиненіе краткаго гласнаго *е* въ ē—ѣ. Отсюда мы вправѣ заключить, что и въ словахъ типа „*бородá*“=стрсл. брада произо-

шла перестановка и удлиненіе гласнаго (a—долгій гласный, какъ мы видѣли, а *o*—краткій). Слѣдовательно, праславянская форма должна была быть **bor̄da*; полногласія здѣсь не было, т. к. оно есть принадлежность *только* одного члена славянской семьи. языка *русскаго*, а это не даетъ намъ еще права возводить *русское* явленіе, *не раздѣляемое* прочими членами семьи, къ *обще* славянскимъ явленіямъ. Остается объяснить появленіе русскаго второго о (е) послѣ плавнаго: если мы, на основаніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія, сообразимъ, что въ общеславянскую эпоху были извѣстны *r* и *l* не только краткіе, но и *долгіе*, то именно, *долгота плавнаго r* и *l* въ такихъ словахъ, какъ *bor̄da, *bol̄to, *gol̄va, (срв. литов. galvá), *ber̄gъ, *pel̄na и под. и объяснитъ намъ дальнѣйшіе звуковые процессы, пережитые этими сочетаніями *уже на русской почвѣ послѣ выдѣленія русскаго языка изъ общеславянской семьи*: здѣсь, очевидно, долгій *r* или *l* потеряли свою долготу, сократились, перешедши въ два краткихъ *r* или *l*: *borrda, *bollto, *berrgъ, *pellna, а въ этихъ сочетаніяхъ *вторыя r* и *l*, какъ очутившіяся между согласными звуками, стали *слогообразующими*, а потомъ вокализовались, обратившись по ассимиляціи съ предшествующимъ гласнымъ въ такой, именно, гласный, какой стоялъ въ предшествующемъ слогѣ этихъ сочетаній. Такъ получились на русской почвѣ: boroda, boloto, beregъ, pelena и проч., съ которыми русскій языкъ началъ свою *самостоятельную* жизнь; этотъ процессъ, очевидно, и послужилъ однимъ изъ факторовъ отпаденія русскаго члена семьи отъ общеславянской группы-семьи. Графически этотъ процессъ можетъ быть представленъ такъ: bor̄da — borr̆da — bor̆r̥da — boroda или: ber̄gъ — berr̆gъ — ber̆r̥gъ — beregъ и под.

Такимъ образомъ, староболгарское ѣ еще разъ въ словахъ, соотвѣтствующихъ русскимъ полногласнымъ *ере*, *еле*, показало намъ, что оно есть *долгое е*, что мы видѣли и на другихъ соотвѣтствіяхъ выше.

Б. Ѣ, какъ звукъ ē и его буквенное обозначеніе въ русскомъ языкѣ и старой графикѣ.

Изъ всего предыдущаго, сказаннаго о звукѣ ē (ѣ), мы видимъ, что у составителей славянской азбуки былъ къ IX-му вѣку *прямой и особенный резонъ* придумать особое начертаніе (букву) для того звука, который въ эту еще эпоху слышался не какъ *ĕ*, а какъ *ē*, діалектически слышавшееся, какъ *дифтонгическое* сочетаніе *ie²* или *ieⁱ*. Само собой разумѣется, что эта придуманная буква „ять“ — ѣ имѣла тогда для себя особую сферу примѣненія, въ смыслѣ графической (письменной) передачи *особаго отъ е звука*: долгота его (ѣ) обнаруживалась въ произношеніи такихъ словъ, какъ: млѣко, врѣмѧ, плѣнъ, брѣгъ, чрѣво, дрѣво, прѣдъ, срѣда, шлѣмъ и проч. Срв. такія слова, какъ: грѣхъ, клѣть и под., которыя имѣли ѣ въ словахъ и формахъ, не представляющихъ изъ себя соотвѣтствій русскимъ полногласнымъ: рус. *грѣхъ*, *клѣть* и под. Выше мы видѣли изъ сербскаго, чешскаго и другихъ слав. языковъ, что такое староболгарское ѣ даетъ въ сербскомъ дифтонгическое сочетаніе, а въ чешскомъ— долготу. Русскій языкъ своими нарѣчіями тоже доказываетъ, что *общимъ* для всѣхъ нарѣчій русскаго языка, т.-е. *общерусскимъ*, является долгота такого звука, распавшагося въ отдѣльной жизни нарѣчій на сочетанія дифтонгическія, или измѣнившаго при этомъ и свое качество: напр., ю.-великор. „*сѣно*“ (произн. s’ѐnо), сѣв.-великор. (новгор.) сино, блр. (минск.) с͡iено, млр. сіно. Или: ю.-великор. *хлѣбъ* (произн. хл’ѐп), сѣв.-великор. (новгор.) хлип, блр. (минск.) хліéп, млр. хліб. Такимъ образомъ, звукомъ общерусской эпохи (русскаго праязыка), какъ видно изъ этихъ діалектическихъ разновидностей, долженъ былъ быть звукъ *͡iei*, между тѣмъ какъ гласнымъ звукомъ такихъ словъ какъ: „*плетъ*“, „*плетў*“, „*плелъ*“ и под. являлся звукъ *е* въ эту же эпоху, т. е. звукъ монофтонгическій, краткій, передняго ряда, средняго прибли-

женія, болѣе или менѣе открытый, болѣе или менѣе напряженный, т.-е. ближе къ *і* (пл'еⁱт') или ближе къ *а* (пл'еᵃл). Этотъ послѣдній звукъ, въ положеніи передъ лабіализованными согласными, а потомъ и передъ прочими (но *не* палатализованными), самъ подвергался лабіализаціи, т.-е. переходилъ въ звукъ *ӧ*: пл'ӧту̑, пл'ӧла̀, пл'ӧл, откуда впослѣдствіи— *'о* со смягченіемъ предшествующей согласной: пл'оту̑ (сѣв.-влкр.), пл'ола̀ (сѣв.-влкр.), пл'ол (ю.-влкр., сѣв.-влкр. и москов.-литературное). Слѣд., изъ этого видно, что общерусское *ě*, которое *на русской почвѣ* стало смягчать предшествующую согласную (въ общеслав. періодъ этой особенности звука *е* еще не развилось: срв. чш. *nebo*, серб. *нѐбо*, но рус. *н'еᵃбо̆*), въ общевеликорусскую эпоху измѣнилось въ *'о* при условіи слѣдующаго твердаго согласнаго или слога, но независимо отъ ударенія; а сравненіе млр. чоло́, јому̑, чоловік съ сѣв.-великор. ч'оло́, јому̑ и проч. доказываетъ, что явленіе измѣненія *'е* въ *'о* въ указанныхъ выше фонетическихъ условіяхъ началомъ своимъ восходитъ еще къ эпохѣ общерусскаго единства, въ позднѣйшій періодъ, наканунѣ распаденія этого единства. Вліяніе же ударенія, сказавшееся въ блр. и ю.-влкр., гдѣ мы имѣемъ *'о* изъ *'е* *только подъ удареніемъ* при старомъ условіи, наличности слѣдующаго твердаго согласнаго или слога, оказывается *позднѣйшимъ* явленіемъ, развившимся на почвѣ отдѣльной жизни *средне-русскихъ говоровъ*, по распаденіи русскаго языка на нарѣчія и по выдѣленіи изъ области сѣверно-русскихъ нарѣчій средне-русскихъ, еще позже распавшихся на *западную* (впослѣдствіи — *бѣлорусскую*) вѣтвь и *восточную* (впослѣдствіи — *южновеликорусскую*). Замѣчательно, что это *'о* изъ *'е* не получалось ни въ одномъ стадіи историческаго процесса измѣненія русскаго *ê* (ѣ), которое такъ и оставалось гласнымъ передняго ряда, все болѣе приближаясь или къ звукамъ верхняго приближенія въ переднемъ ряду, или къ звукамъ нижняго приближенія въ томъ же ряду: *'е*ⁱ, *'е*ᵃ [*'і*, *'ä*]. От-

сюда ясно, что и для эпохи русскаго языка въ отдѣльной его жизни, и для эпохи начала *русской* письменности начертаніе ѣ имѣло свой резонъ, пока это начертаніе оправдывалось въ русскомъ языкѣ всего состава, или въ его діалектахъ, *живымъ произношеніемъ*. Однако уже съ XI вѣка мы имѣемъ въ русской письменности, у нашихъ древнихъ книжныхъ „списателей", нерѣдкое смѣшеніе ѣ и є (даже въ Остром. Евангеліи), которое все чаще и чаще встрѣчается съ теченіемъ вѣковъ, и, наконецъ, на почвѣ московскаго діалекта, легшаго въ основу нашего литературнаго произношенія еще съ XIV-го вѣка, ясно доказываетъ намъ, что завершилось русское *діалектическое* совпаденіе старыхъ ѣ и є въ ихъ произношеніи. Этимъ отличается, между прочимъ, наше *литературное* произношеніе, нашъ *литературный* языкъ, хотя нарѣчія русскаго языка и до сихъ поръ кое-гдѣ различаютъ въ произношеніи старое ѣ и старое є. Вотъ со времени этого звукового совпаденія ѣ и є стало ужъ очень трудно справляться съ традиціей въ графикѣ, т. к. живой языкъ мѣстами (въ томъ числѣ и въ литературно-образованной средѣ) уже не поддерживалъ этой традиціи письма, и буква ѣ, какъ потерявшая свое особое звуковое значеніе, стала *лишней*: ее можно было употреблять на письмѣ правильно, т.-е. согласно съ традиціей, *только послѣ цѣлаго ряда справокъ* со старой письменностью и съ родственными языками. Это обстоятельство (звуковое совпаденіе въ литературномъ языкѣ ѣ и є) породило массу ошибочныхъ написаній (напр., опѐка, ночлѐгъ, блѐскъ, трѐскъ, плѐскъ, нѐкого и мн. др.) и произношеній по аналогіи (напр., з'в'ѐзды=ꙁвѣꙁды; гн'ѐзда=гнѣꙁда и мн. др.) къ такимъ словамъ, гдѣ было исконное 'ѐ подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ (напр., р'ѐбра, н'ос, с'ѐла и проч.). Срв., съ одной стороны, млр. опíка, ночлíг и проч., а,—съ другой, великор. діалект. —*з'в'ѐзды*... Наконецъ, ѣ является еще въ старой русской письменности въ опредѣленный моментъ исторіи русскаго

языка, какъ знакъ, необходимый и по особому произношенію, и по отсутствію въ азбукѣ другого, болѣе подходящаго, чѣмъ ѣ. Это—эпоха конца XII-го вѣка.

Цѣлый рядъ древне-русскихъ памятниковъ, изъ которыхъ древнѣйшій и самый цѣнный по графикѣ буквы ѣ—*Добрилово Евангеліе 1164 года* (Рум. Музей въ Москвѣ), *южнорусскаго происхожденія*, — употребляетъ въ своей графикѣ, кромѣ обычнаго ѣ, извѣстнаго намъ и въ болѣе раннихъ памятникахъ письменности (начиная съ Остр. Ев. 1056—1057 г.) и разсмотрѣннаго нами выше, еще новое ѣ, не извѣстное намъ въ этихъ новыхъ положеніяхъ и замѣнившее собой въ графикѣ старое є. Эти новыя положенія или, вѣрнѣе, это новое ѣ стало писаться нашими писцами только въ книгахъ южной Россіи со второй половины XII-го вѣка въ тѣхъ слогахъ, которые оказались закрытыми, вслѣдствіе исчезновенія изъ произношенія слабыхъ ъ и ь. Такъ какъ мы уже знаемъ (см. выше), что ѣ обозначало ē въ произношеніи, то отсюда надо заключить, что послѣ паденія слабыхъ ъ и ь (и, стало быть, *послѣ* измѣненія сильныхъ ъ и ь въ гласные *полнаго* образованія: *о* и *е*) звукъ *е* предшествующаго слога удлинился и сталъ изъ краткаго долгимъ, а для долгаго *ē* была уже буква ѣ: вотъ и стало писаться это ѣ, кромѣ старыхъ случаевъ, еще въ новыхъ случаяхъ: напр., ѣ писалось въ словахъ, какъ: хлѣбъ, клѣть, тѣсто, мѣсто и проч., а съ XII-го вѣка, на югѣ Россіи, еще и въ такихъ словахъ, какъ: пѣчь, шѣсть, сѣдмь, оучитѣль, боудѣть и проч. И это потому, что, послѣ исчезновенія ь слабаго (какъ въ этихъ примѣрахъ —въ концѣ слова) изъ произношенія всѣ слоги со звукомъ *е* (печ', шес'т', сед'м', оучител'...) оказались закрытыми (стали оканчиваться на согласный, вслѣдствіе сокращенія словъ на одинъ слогъ, въ которомъ исчезъ гласный ь или ъ), а взамѣнъ утраты гласнаго ъ или ь удлинили въ произношеніи звукъ *е* предшествующаго слога. Это *строго проведенная графика въ*

южно-русскихъ памятникахъ XII-го вѣка указываетъ намъ на совершившееся въ языкѣ паденіе слабыхъ ъ и ь къ этому времени и на распаденіе русскаго языка къ этому времени на два нарѣчія: *сѣверное*, въ которомъ долгота гласныхъ сократилась и не дошла до нашего времени, и *южное*, въ которомъ долгота гласныхъ распалась на дифтонгическія сочетанія, откуда получились тѣ діалектическія явленія, которыя мы видимъ нынѣ только въ южнорусскихъ (малорусскихъ) діалектахъ: піп, дім, біг (=богъ), рід и проч., пуоп, дуом, буог, руод и проч., но: рот (ротъ—рта), сон (сонъ—сна) и проч. такъ и остались со своимъ *о*, которое было *не исконнымъ*, но развившимся изъ ъ (ръть, сънъ) въ *сильномъ* положеніи къ XII-му вѣку. Значитъ, только *исконное о* (*не вторичное*, не то, которое образовалось изъ ъ) на почвѣ южнорусскихъ діалектовъ дало къ XII-му вѣку *долгое о*, потомъ *дифтонгъ*, потомъ дальнѣйшія его діалектическія южнорусскія видоизмѣненія. То же къ этому времени и съ *исконнымъ е* (не изъ ь) въ южнорусской средѣ;е—ē (ѣ)—ее—іе—і (см. выше): пеѵь—*пееч'—пieч'—піч и проч. Но: дьнь—день такъ и осталось въ малорусскомъ: д'ен', откуда потомъ: *дэн'*, (е отвердѣло и перестало діалектически здѣсь смягчать предшествующую согласную).

ГЛАВА IV.

Носовые гласные: ѫ и ѧ.

У Черноризца Храбра мы встрѣчаемъ два слова, относящіяся сюда, которыя, по мнѣнію Храбра, не могутъ быть изображены „греческими письмены": ѫдоу и ѧꙁыкъ (въ среднеболг. изводѣ по смѣшенію ѧ и ѫ написано: ѫꙁыкъ).

Еще въ 1820-мъ году знаменитый нашъ академикъ *Востоковъ* въ своемъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ" предста-

вилъ ясныя доказательства того, что „*юсы*“ (ж и ѧ) старославянской азбуки соотвѣтствуютъ носовому произношенію гласныхъ въ польскомъ языкѣ, въ соотвѣтствующихъ словахъ, такъ что ж = ą польскаго языка, т. е. *носовому о* (точнѣе было бы: ǫ), а иногда и ę польскаго языка, т. е. *носовому е* въ польскомъ произношеніи. Напр., стрсл. ꙁѫбъ = польск. ząb, стрсл. мѫжь = польск. mąż, стрсл. мѫка = польск. mąka, стрсл. мѫдръ = польск. mądry, стрсл. мѧсо = польск. mięso, стрсл. мѧта = польск. mięta, стрсл. вꙁѧти = польск. wziąć, стрсл. жѧти = польск. żąć, стрсл. кѫсъ = польск. kęs, стрсл. рѫка = польск. ręka, стрсл. гѫбъка = польск. gąbka, стрсл. дѫбъ = польск. dąb, стрсл. пѧть = польск. pięć, стрсл. голѫбь = польск. gołąb, стрсл. идѫ = польск. idę, стрсл. идѫть = польск. idą, стрсл. водѫ = польск. wodą и под. Наконецъ, стрсл. ѩꙁыкъ (ѧꙁыкъ) = польск. język; стрсл. ѫдоу (срв. въ сложныхъ: вьсѫдоу, кѫдоу, кѫдѣ и проч.) дало бы въ польск. *ąd (срв. въ сложныхъ: dokąd, odkąd, zkąd и проч.). Изъ этого сопоставленія ясно, что въ эпоху составленія славянской азбуки въ староболгарскомъ языкѣ были слышны въ рѣчи *носовые гласные*, которые нужно было изобразить на письмѣ; и вотъ для нихъ изобрѣтены были начертанія: „юсы“: ж и ѧ. Изъ соотвѣтствія съ польскимъ языкомъ мы видимъ, что ж былъ гласнымъ носовымъ задняго ряда лабіализованнымъ, а ѧ — носовымъ гласнымъ передняго ряда палатализованнымъ. Это же мы видимъ и изъ стрсл. графики: передъ согласными или въ концѣ слова здѣсь остаются ж и ѧ (примѣры см. выше), а передъ гласными вмѣсто нихъ мы имѣемъ: ъм (ън) и ьм (ьн). Въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ звуки ъ и ь имѣли ту же исторію, т. е. переживали тѣ же фонетическія измѣненія, что и ъ, ь внѣ этихъ сочетаній съ носовымъ согласнымъ. Напр., жѧти — жьнѫ или жьмѫ, наше: „жну“, „жму“. Но: жьмъ(шн) — прич. прош. дѣйств. зал. въ муж. и жен. родѣ безъименной (неопредѣленной) формы — дало фонетически: жем(ъ), откуда „жомъ“

(руки, „пожатіе"). Срв. „жомшы" — діалектич., а также — „жамшы" (другое образованіе, послѣ измѣненія на русской почвѣ ѧ въ 'а: жѧти—ж'ати. Срв. пѧть—п'ать). Или: дѫти—дъмѫ; прич. прош. стр. зал.: на-дъм-е-н-ъ, наше: „надменъ", „надменный" (=„надутый", „гордый"). На русской почвѣ, еще въ эпоху общерусскаго единства, носовое произношеніе гласныхъ утратилось, и ѫ дало здѣсь оу, наше „у": „дуть", „зубъ" и проч., а ѧ дало 'а или ꙗ: „ж'ать", „жать" (послѣ отвердѣнія ж), „ꙗзыкъ", орѳографическое „языкъ" (съ Петра Великаго, когда ꙗ было замѣнено гражданской буквой „я", въ которой однако скрываются два звука = ꙗ = ја, т. е. одинъ согласный средненебный *j*, а другой—гласный задняго ряда нижняго приближенія = *а*). *Въ положеніи послѣ согласнаго* буква „я" означаетъ смягченную согласную: бя, вя, дя, ля, ря... означаютъ: б'а, в'а, д'а, л'а, р'а... *А въ положеніи послѣ гласнаго* „я" означаетъ звуковой комплексъ ј + а или į + а: добрая =добраја и под. Если къ ѫ и ѧ приставлялись *j*: ѭ и ѩ (это бывало въ началѣ слова или послѣ гласнаго), то и въ русскомъ языкѣ ѭ давало ю (см. выше): добрѫѭ = добрую, а ѩ давало то же ꙗ (я), такъ какъ этотъ звукъ уже безъ того на почвѣ русскаго языка смягчилъ предшествующую согласную: въ общеслав. языкѣ męta имѣло еще „m" полумягкое, а въ общерусскую эпоху уже „*m'*": m'ęta—м'ѧта—м'ата. Уже послѣ утратъ носового произношенія гласныхъ *въ русской графикѣ* долгое время употреблялись ѫ (до XII-го вѣка) и ѧ (въ значеніи 'а ꙗ даже до XVIII в.). Но нынѣ эти буквы уже выведены, такъ какъ не имѣютъ соотвѣтственнаго звукового значенія. Такимъ же образомъ можно было бы вывести *для литературнаго письма* (общегосударственнаго) и ѣ, какъ выведено ѕ („зѣло"), и одно изъ двухъ *и* (и и і), и ъ, и ь (вмѣсто котораго можно было бы обозначать мягкость согласнаго апострофомъ: *кон'*, а въ значеніи звукоотдѣлительнаго знака—такъ: об"ем, п"явка и под.) и какъ выведено уже ѵ (ижица). Изъ сравненія съ литовскимъ языкомъ мы видимъ, что *юсы*—чи-

сто славянскіе звуки, образовавшіеся *на славянской почвѣ*, и потому необходимо было Кириллу и Меѳодію изобрѣсти для этихъ звуковъ буквы „по словѣньстѣй рѣчи". Срв. стрсл. памѧть лит. (at)mintìs; чѧсть лит. kim̃sztas, десѧть лит. deszim̃tas, пѧти лит. pìnti, пьнѫ лит. pinù и проч. Само собой разумѣется, что ъм (ън) или ьм (ьн) изъ ѫ и ѧ въ положеніи ихъ передъ гласными соотвѣтствовали литовскимъ ŭn, ĭn, какъ мы видѣли только что на примѣрахъ; слѣдовательно, въ балтійско-славянскую эпоху этихъ носовыхъ *гласныхъ* еще не было: это были *гласные + носовые согласные*. Срв. вин. ед. нощть лит. nãktin (nãktį) или вин. ед. сынъ лит. súnun (súnų). Изъ этихъ сравненій видно, что конечные носовые гласные (ą, ǫ, ę, į, ų), вѣроятно, были извѣстны еще въ балтійско-славянскую эпоху, однако уже по отпаденіи конечныхъ согласныхъ носовыхъ n и m, которые, отпадая, какъ согласные, давали, вмѣстѣ съ предшествовавшими имъ гласными, *носовые гласные*. Однако, по распаденіи балтійско-славянскаго праязыка носовые гласные въ отдѣльной жизни языковъ стали въ скоромъ времени утрачиваться, а ко времени появленія письменности сохранились лишь въ слав. языкахъ ǫ и ę, а въ литовскомъ ą (tãką=токъ вин. ед.), į (nãktį=нощть вин. ед.), ų (sùnų=сынъ вин. ед.). Но и эти носовые гласные стали утрачиваться на почвѣ отдѣльной жизни языковъ, такъ, напр., въ русскомъ языкѣ еще до распаденія его, т. е. *еще въ прарусскую эпоху*, носовые гласные утратили свое носовое произношеніе, какъ отмѣчено выше.

ОТДѢЛЪ II. Согласные.

ГЛАВА V.

Согласные: г, к, х, ж, ч, ш, ʒ, ц, с.

(Задне-небные и передне-небные).

§ 1. Палатальные $\hat{k}$ и $\hat{g}$ и ихъ исторія.

Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣнные выше гласные звуки и сонорные согласные, я остановлюсь теперь на классѣ *шумныхъ согласныхъ* съ полнымъ или неполнымъ затворомъ артикулирующихъ частей органовъ рѣчи. Сюда, такимъ образомъ, относятся согласные *взрывные* (съ *полнымъ* затворомъ и потому взрывомъ) и *фрикативные*, или *спиранты* (съ неполнымъ затворомъ и потому съ характернымъ треніемъ). На основаніи свидѣтельства родственныхъ языковъ, причемъ должны быть приняты во вниманіе и мельчайшія особенности звуковыхъ рефлексовъ *всѣхъ* членовъ индоевроп. семьи языковъ, можно установить для общеиндоевропейскаго праязыка слѣдующую систему согласныхъ взрывныхъ и фрикативныхъ (класса шумныхъ согласныхъ).

Индоевропейскій праязыкъ.		*Славянское отраженіе.*
Взрывные:		
Губные (билабіальные):	p, ph; b, bh.	п, б
Зубные (альвеолярные):	t, th; d, dh.	т, д
Палатальные:	k̑, k̑h; g̑, g̑h.	с, ʒ
Задненебные (велярные):	q, qh; g, gh.	к, г
Задненебные лабіализованные (лабіо-велярные):	q^u, q^uh; g^u, g^uh.	к, г
Фрикативные:		
	s, sh; z, zh.	с, χ (послѣ *i*, *u*, *r*, *k*, не передъ *p*, *t*, *k*); ʒ.
	ƀ, ƀh; đ, đh.	
	ƀ и đ = губн. и зубн. спиранты	
	j	і- (а, о, є).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что звуки: х, ж, ч, ш, ц не принадлежали индоевроп. праязыку: они появились позже, въ жизни отдѣльныхъ индоевроп. языковъ. Такъ, изъ сопоставленія литовскаго saũsas и стрсл. соухъ мы видимъ, что звукъ х явился на *славянской* почвѣ изъ болѣе стараго звука s при какихъ-то особенныхъ условіяхъ. О звукахъ же ж, ч, ш, ʒ, с мы знаемъ уже, что они явились на славянской почвѣ изъ задненебныхъ согласныхъ разнаго качества въ положеніи послѣднихъ передъ гласными передняго ряда и согласнымъ j. Звукъ ц есть аффриката, т.-е. составной звукъ изъ двухъ согласныхъ одного мѣста образованія, но различнаго способа образованія: первый изъ составныхъ—взрывной, а второй—фрикативный: ц=т+с=t+s. Эту слав. аффрикату мы тоже выше видѣли, какъ звукъ, образовавшійся на слав. почвѣ изъ задненебнаго q и q^u въ положеніи послѣднихъ передъ гласнымъ передняго ряда ѣ дифтонгическаго происхожденія въ позднѣйшую эпоху общеславянскаго языка. Наконецъ,

звукъ s (слав. с) и звукъ ʒ (z) намъ извѣстны въ слав. языкахъ изъ индоевропейскаго палатальнаго k̂ и ĝ. Эти звуки s и z изъ k̂ и ĝ извѣстны вообще, кромѣ общеславянскаго языка, въ цѣлой группѣ языковъ: въ индоиранскихъ (арійскихъ) языкахъ, въ армянскомъ, албанскомъ и балтійско-славянскомъ праязыкѣ. Въ другой группѣ индо-европ. языковъ, именно, въ греч., лат., кельт. и германскихъ языкахъ вмѣсто s и ż изъ k̂ и ĝ извѣстны звуки *k* и *g*, т.-е. взрывные задненебные, а не фрикативные (спиранты)—альвеолярные. Для удобства и краткости берутъ обыкновенно форму слова для названія „100" въ различныхъ языкахъ индоевроп. семьи и называютъ ту группу языковъ, гдѣ это слово „100" является со спирантомъ, „satəm"—группа[1]), т.-е. арійскіе языки, армян., албан. и балт.-слав. языки; а ту группу языковъ, гдѣ это слово „100" съ взрывнымъ задненебнымъ, „centum"—группа, т.-е. греч., итал., кельт. и герм. языки. Сравни: „100" по греч.—*ἑκατόν*, лат. centum (чит. kentum)[2]). гот. hund, кельт. cant. Напротивъ того: др.-инд.—šatám, авест. satəm, лит. szim̃tas, стрсл. съто. Общеиндоевр. *kmtóm. Это рефлексы *звука k̂*.

Другой палатальный звукъ (звонкій) ĝ рефлектировался въ родственныхъ языкахъ слѣдующимъ образомъ въ этихъ двухъ группахъ: „centum"—группа: греч. *γι-γνώσκω*, лат. gnōsco, кельт. gnāth, др.-в.-нѣм. knāen (срв. ново-верх.-нѣм. „kennen"). Напротивъ того, „satəm"—группа имѣетъ въ этомъ словѣ: др.-инд. jānā́ti, авест. zānatā, армян. caneay, лит. žinóti, стрсл. ʒнати. Наконецъ, гдѣ эти двѣ группы языковъ указываютъ въ лицѣ какого-либо своего члена на звукъ χ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, т.-е. при „centum"—„satəm", тамъ мы имѣемъ въ индоевроп. праязыкѣ палатальные придыхательные, аспираты: либо

---

[1]) *Satəm* — «сто» на древне-иранскомъ нарѣчіи, сохранившемся въ книгѣ Авеста, въ сборникѣ религіозныхъ текстовъ послѣдователей Зороастра.

[2]) *Centum* на латин. языкѣ означаетъ «сто».

kh, либо ĝh: такъ, греч. σχίζω при лат. scindo и др.-инд. chinát-ti указываютъ на общеиндоевроп. k̂h; а греч. χειμών при лат. hiems, др.-инд. himás, лит. žëmà, стрсл. ꙁимѧ; или греч. ὄχος, лат. veho, др.-инд. váha-ti, лит. vežù, стрсл. веꙁѫ указываютъ на общеиндоевроп. ĝh.

Итакъ, мы видѣли въ соотвѣтствіи съ k̂, ĝ (k̂h, ĝh) индоевроп. праязыка литовскіе sz и ż: szim˜tas и żinóti, слав. съто и ꙁнати. Слѣд., для балт.-слав. праязыка придется допустить въ такомъ случаѣ звуки š и ž (шипящіе), откуда на почвѣ отдѣльныхъ языковъ, по распаденіи балт.-слав. праязыка, въ лит. sz и ż, а въ слав.—s и z.

§ II. Зубные s и z, какъ потомки звуковъ k̂ и ĝ, въ сочетаніи съ другими звуками.

Эти общеславянскіе s и z (какъ зубные—альвеолярные согласные) разнаго происхожденія: или изъ k̂, ĝ, или исконные s и z, могли на слав. почвѣ встрѣчаться съ гласными и согласными разнаго мѣста образованія: оставаясь передъ всѣми гласными, какъ s и z: садъ, сънъ, сынъ, седмь, сила, соухъ, сокъ, съто, прасѧ, сь или: ꙁадъ, ꙁьдати, ꙁъвати, ꙁрьно, ꙁелиѥ, ꙁима, ꙁобати, ꙁѫбъ, (иа) ꙁывати и проч., эти s и z передъ согл. j давали еще въ общеславянскую эпоху š и ž: пишѫ (пьсати); лижѫ (лиꙁати). Вообще, зубные тѣмъ и отличались отъ задненебныхъ, что они измѣнялись въ шипящіе (š, ž, dž, tš) только передъ j, между тѣмъ какъ задненебные и передъ гласными передняго ряда: срв. *сужу* (изъ dž), но *судишь*; *прошу* (изъ sj), но *просишь*; *мѣчу* (изъ tš), но *мѣтить*; *вожу* (изъ zj), но *возишь* и проч. Отсюда ясно, что такіе глаголы, какъ: *пишешь*, *лижешь* и проч. *имѣютъ во всѣхъ лицахъ* j, утратившееся съ теченіемъ времени, но оставившее по себѣ слѣдъ въ шипящихъ звукахъ. Однако не то мы видимъ при задненебныхъ: здѣсь и j, и всѣ гласные передняго ряда

одинаково давали передъ собой шипящіе: кричу—кричишь и проч. (крик-); тужу̀—ту̀жишь и проч. (туг-; „туга̀“=печаль); кружу̀—кру̀жишь и проч. (круг-). Сообразно этимъ рефлексамъ задненебныхъ согласныхъ, сохранившимся особенно наглядно въ русскомъ языкѣ, приходится общеславянскую эпоху характеризовать въ данномъ отношеніи слѣдующимъ образомъ. Эта эпоха, болѣе или менѣе продолжительная (во всякомъ случаѣ—нѣсколько вѣковъ), пережила цѣлый рядъ фонетическихъ явленій въ области задненебныхъ согласныхъ, причемъ одинъ рядъ явленій—болѣе ранній, принадлежащій къ раннимъ вѣкамъ этой эпохи—къ праславянскому періоду; другой рядъ—болѣе поздній, принадлежащій къ позднѣйшимъ вѣкамъ этой эпохи—къ общеславянскому періоду наканунѣ распаденія общеславянскаго языка. Это дѣленіе на періоды возстановляется ролью звука ē (ѣ) разнаго происхожденія (см. выше: *отдѣлъ гласныхъ*. ѣ.). Такъ, старославянскій языкъ сохранялъ явные слѣды двухъ разныхъ процессовъ въ звуковыхъ измѣненіяхъ въ области задненебныхъ согласныхъ: одинъ рядъ явленій—это шипящіе звуки ж, ч, ш, щ (аффриката) въ положеніи передъ гласными передняго ряда и согласнымъ j; другой рядъ явленій — это свистящіе звуки ʒ, ц, с изъ тѣхъ же задненебныхъ въ положеніи ихъ передъ ѣ и и дифтонгическаго происхожденія, т. е. только передъ гласными передняго ряда. (Случаи, какъ: кльцати, стьʒа, лице, кьсь и проч. пока оставляемъ въ сторонѣ).

§ III. Задненебные k и g и ихъ судьба.

Вообще же изъ вышеприведенной таблицы видно, что праславянскій языкъ имѣлъ k, g (стрсл. к, г) изъ задненебныхъ (велярныхъ) и задненебныхъ лабіализованныхъ (лабіовелярныхъ), т. е. что на праславянской почвѣ слились q, g и q^u, g^u въ одной парѣ: k и g (к, г). Стало быть, общеиндо-

европейскіе q, q^u (какъ чистые, такъ и аспираты) давали *сами по себѣ* въ праславянскомъ звукъ *k*; а общеиндоевропейскіе g, g^u (какъ чистые, такъ и аспираты) давали *сами по себѣ* въ праславянскомъ звукъ *g*. А вопросъ, былъ ли въ общеиндоевропейскомъ языкѣ звукъ q, или q^u;—звукъ g, или звукъ g^u, рѣшается указаніями греческой и италійской группы языковъ: именно, если въ послѣднихъ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ *губной* звукъ, а въ греч. языкѣ, кромѣ того, и *зубной діалектически*, то въ общеиндоевроп. праязыкѣ надо предполагать *лабіовелярные* звуки:

общеиндоевр. q, qh; g, gh=греч. лат. k, g, χ, h
q^u, q^uh; g^u, g^uh=греч. π. β. φ (τ, δ, ϑ), κ, γ, χ.
лат. p. v. f. (qu, gu).

Изъ этого соотвѣтствія видно, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ необходимо предполагать два класса задненебныхъ согласныхъ, существовавшихъ здѣсь *діалектически*: одинъ—безъ губной артикуляціи, а другой—*съ губной артикуляціей*, такъ какъ различія въ отраженіяхъ праязычныхъ задненебныхъ согласныхъ въ греческихъ и италійскихъ діалектахъ указываютъ *на различія въ артикуляціяхъ самихъ задненебныхъ согласныхъ звуковъ въ діалектахъ общеиндоевроп. языка*. Далѣе, изъ предыдущаго мы знаемъ также, что звукъ х появился лишь *на славянской почвѣ*, и возникъ онъ здѣсь въ соотвѣтствіи съ общеиндоевропейскимъ *s* въ положеніи послѣдняго послѣ звуковъ *i*, *u*, *r*, *k*, но не въ сочетаніяхъ *sp*, *st*, *sk*, гдѣ *s* такъ и оставался *s*, не переходя на слав. почвѣ въ х. Напр., стрслав. трьхъ, лит. tri-su, др.-инд. tri-šú; стрсл. мъхъ, лит. musaĩ; стрсл. врьхъ (прасл. *vьrchъ), лит. virszùs, стр. тѣхъ (изъ *тѣкхъ) предполагаетъ основную форму аориста сигматическаго *tēqson отъ гл. текѫ и проч. Срв. аористъ рѣхъ такого же образованія, и проч. Подъ звуками *i*, *u*, обусловливающими возникновеніе звука *x* на слав. почвѣ изъ *s*, надо подразумѣвать и звуки ь, ъ.

Такъ, мы получили въ праславянскомъ три *задненебныхъ* звука: k, g, ch (к, г, х), которые стали переживать общую судьбу: 1) сами по себѣ, 2) въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ въ словѣ.

Сами по себѣ звуки *k*, *g*, *ch* праславянскаго періода давали эти же к, г, х и въ отдѣльныхъ слав. языкахъ; таковыми они оставались здѣсь и въ положеніи передъ гласными задняго ряда, и передъ всѣми согласными, кромѣ *j*. Напр., стрсл. кръвь, др.-инд. kravíš, лат. cruor. греч. *κρέας*—вездѣ k (q) передъ согласнымъ; *однако* передъ гл. передняго ряда и передъ согл. j мы имѣемъ изъ k (q), g (g), равно какъ и изъ k (q^u), g (g^u), въ слав. яз.: č (ч) и ž (ж): жеравь, лит. gérvė, др.-в.-нѣм. cranuh, лат. grūs, греч. *γέρανος*—здѣсь ž (ж) передъ гл. передняго ряда *е*. То же мы увидимъ и на слѣдующихъ примѣрахъ. Напр.:

Стрсл. остегъ (одежда), др.-инд. sthagaya-ti, лат. tego, греч. *στέγω*—вездѣ g (g).

Стрсл жглъ, лат. angulus;—вездѣ g (g).

Стрсл. гадаѭ, гот. bi-gitan, лат. prehendo, греч. *χανδάνω*
Стрсл. стигнѫ, др.-инд.—štígham, гот. steigan, греч. *στείχω*
} греч., лат. и др.-инд. отраженія указываютъ на gh (gh).

Срв. также стрсл. калъ, др.-инд. kālas, лат. cālīgo, греч. *κηλίς*—k (q).

Стрсл. грѣсть, др.-инд. grāma-s, лат. grex, греч. *ἀγείρω*—g (g).

Стрсл. мьгла, др.-инд. mēghás, греч. *ὀμίχλη*— } греч., лат. и др.-инд. отраженія указываютъ на праязычные gh (gh).

Однако: жлѣдица (прасл. *želdika), срв. гот. kalds, лат. gelu, греч. *γελαν*—здѣсь слав. ž (ж) изъ g (g) передъ гл. передняго ряда *е*.

Стрсл. гость, гот. gasts, лат. hostis—лат. отраженіе указываетъ на—gh (gh).

Стрсл. гладъкъ, др.-в.-нѣм. glat, лат. glaber

Стрсл. дльгъ, др.-инд. dīrghás, гот. tulgus, греч. δολιχός, лат. indulgeo	др.-инд. и греч. указываютъ на то же gh (gh).

Стрсл. ковѫ, лат. cūdo, др.-в.-н. houwan—k (q).

Стрсл. грѧдѫ, др.-инд. $g\underset{0}{r}$dhya-ti, лат. gradior, гот. griþs—гот. отраженіе указываетъ на gh (gh).

Стрсл. богъ, др.-инд. bhágas, греч. φαγεῖν—греч. отраженіе указываютъ на gh (gh).

Стрсл. копати, лит. kapóti, греч. κόπτω... Стрсл. прокъ, греч. πρόκα, лат. reciprocus Стрсл. глаголати, лат. gallus	вездѣ k (q) или g(g).

Однако: стрсл. по-чьнѫ, (срв. конъ), др.-инд. kánīyas, греч. καινός, лат. re-cēns. Рус. черемша, лит. kermùszė, гр. κρέμυον... Стрсл. течетъ (но: текѫ), др.-инд. takti. лит. tekù... Стрсл. боже, божьскъ (но: богъ. См. выше).	č (ч) и ž (ж) передъ гласными передняго ряда изъ тѣхъ же q, g... на слав. почвѣ.
Стрсл. плачѫ (но: плакати), лит. plakù, гр. πλῆκτρον, лат. planctus. Стрсл. остежа (но: остегъ)... см. выше остегъ.	ч и ж передъ j изъ тѣхъ же q, g... на слав. почвѣ.

Далѣе, если этимъ общеиндоевропейскимъ q, g (прасл. k, g) предшествовало *s* или *z*, т. е. получались сочетанія *sk*, *zg*, то въ положеніи передъ гласными передняго ряда или соглас-

нымъ j получались сочетанія: šč (т. е. s+č по ассимиляціи š+č, но č аффриката=t'š, стало быть: št'š, стрсл. шт или щ=št', откуда št). Такимъ же образомъ žd'ž=стрсл. жд изъ žd' изъ zg+гл. передн. ряда или j. Напримѣръ: стрсл. штапъ изъ skѣръ, латыш. schk'ēps=палка. Срв. щепа, щепка, расщепить и раск(е)ѣпъ (у пера). Или: ищж, иштѫ при искати. Изъ *iskją. Такъ и въ прочихъ лицахъ—гласные передняго ряда или j, что видно изъ звука щ: ищешь, ищетъ, ищемъ, ищете—*щ* передъ гласнымъ передняго ряда; ищутъ—*щ* передъ j, который не изображается на письмѣ. Срв. стрсл. дъждь изъ *dъzgjь; розга при рождие изъ rozgije; можданъ изъ *мозгѣнъ—мозгъ. (О гласномъ а изъ ѣ: штапъ, можданъ послѣ исконно-мягкихъ согласныхъ мы говорили выше).

Итакъ: если этимъ согласнымъ праславянскаго языка (k, g, ch) приходилось стоять передъ гласными передняго ряда (e, ē, ę, i, ь), то эти согласные переходили еще въ праславянскомъ языкѣ, какъ мы только что видѣли, въ č, ž, š: жерлвь, жлѣдица, поуьнж, черемиа, течетъ, коже, кожьскъ... Но въ одномъ случаѣ: именно, передъ ē (ѣ) дифтонгическаго происхожденія эти k, g, ch давали c, dz (z), s: тоцѣ, козѣ, доусѣ... Это же явленіе наблюдается и передъ i (и) изъ такого ē (ѣ): тоци, кози, доуси. (См. выше—объ ѣ). Дѣйствительно, стоитъ сравнить стрсл. цѣна=греч. ποινή, съ одной стороны, и члиж=др.-инд. cāya-ti изъ *kēją,—съ другой, чтобы убѣдиться, что слав. ē изъ oį, aį еще отличалось отъ слав. ē изъ индоевроп. ē въ праславянскомъ языкѣ: въ первомъ случаѣ были свистящіе (c, dz, s), а во второмъ—шипящіе (č, ž, š). То же явленіе наблюдается и въ сочетаніяхъ *k* и *g* съ предшествующими *s* и *z*: *sk*, *zg* въ положеніи ихъ передъ ē (ѣ): дъска — мѣстн. ед. дъстѣ, гдѣ ст (st) изъ скѣ=сцѣ=стсѣ=стѣ. Равнымъ образомъ, слово дразга въ мѣстн. п. ед. ч. имѣетъ драздѣ, гдѣ здѣ изъ згѣ=здзѣ=зsѣ=здѣ и под. Эти формы: дъстѣ и драздѣ доказываютъ своими звуками т и д, какъ составными элементами аффрикатъ ц и ѕ (тс и дz), то, что передъ ѣ=

оį (аį) и сочетанія *sk*, *zg* давали то же, что и простые *k* и *g* въ подобномъ фонетическомъ положеніи: эти т и д могли образоваться только изъ аффрикатъ ц и ѕ по диссимиляціи съ предшествующими с и ʒ въ этихъ формахъ вышеприведенныхъ словъ: дъстѣ и дрaʒдѣ. Вообще, какъ мы видѣли, звуки *s* и *z* въ сложеніи съ задненебными, слѣдующими за *s* и *z*, не измѣняли фонетическихъ эквивалентовъ *k* и *g*, т. е звуковъ č, c, ž и dz (ч, ц, ж, ʒ). Это же мы увидимъ и при сочетаніяхъ *s*, *z* съ зубными *t* и *d* ниже.

Теперь перейдемъ къ рефлексамъ общеиндоевропейскихъ *лабіовелярныхъ* согласныхъ, т.-е. задненебныхъ лабіализованныхъ: q^{u}, $q^{u}h$; g^{u}, $g^{u}h$. Зная, что въ группѣ „satəm" какъ задненебные (велярные) не лабіализованные, такъ и задненебные лабіализованные (лабіовелярные), совпали между собой такъ, что мы въ общеславянскомъ языкѣ имѣемъ уже *k*, *g*, *ch* безъ различія ихъ по происхожденію, мы ожидаемъ, что въ общесл. праязыкѣ мы встрѣтимъ *k*, *g*, *ch* и въ такихъ случаяхъ, какъ: къто при лит. kàs, др. инд. kás, но при гот. hwis, лат. quis, греч. *τίς*, греч. *πόθεν* отъ той же основы: q^{u}o-, q^{u}ā-, q^{u}i-, гдѣ мы имѣемъ общеиндоевропейское q^{u}. (Срв. выше стрсл. кръвь, копати и проч. изъ общеиндоевр. q). Или: стрсл. горѣти, имѣющее г при: др.-инд. gharmás, лат. formus, греч. *θερμός*: др.-инд., греч. и лат. указываютъ на общеиндоевропейское $g^{u}h$. Равнымъ образомъ стрсл. снѣгъ своимъ г при лит. snẽgas указываетъ на балт.-слав. *g*, а готское snaiws, лат. nivem, ninguit, греч. *νίφα* своими губными звуками даютъ намъ понять, что балтійско-славянское *g*, въ словѣ снѣгъ восходитъ къ общеиндоевропейскому $g^{u}h$. На такое же общеиндоевропейское q^{u} указываетъ намъ и старославянское цѣна, образовавшееся на славянской почвѣ уже послѣ того, какъ завершилъ свои дѣйствія законъ объ измѣненіи *k*, *g*, *ch* въ *č*, *ž*, *š* передъ гласными передняго ряда и согласнымъ *j*, изъ праславянскаго *koįnā; срв. лит. pus-kainiu (=„за полцѣны"), авест. kaēnā, греч. *ποινή*. Или: стрсл. отълѣкъ (=„остатокъ"), лит. lėkù,

ātlēkas, др.-инд. rìṇákti, гот. leihwa, лат. linquo, греч. λείπω. Съ другой стороны, стрсл. жьрѫ при лит. geriù, др.-инд. giráti и лат. vorāre, греч. βορά (βιβρώσκω) указываетъ на измѣненіе общеиндоевропейскаго g^u на слав. почвѣ въ положеніи передъ гласнымъ передняго ряда въ ж черезъ г (g). Такъ же стрсл. жрѣбл (жербл—źerˇbę) при греч. βρέφος. На такое же g^u, но только не передъ гласнымъ передняго ряда, указываетъ стрсл. бѣгъ при лит. bėgu и греч. φέβομαι. Общеиндоевропейское g^uh, давая на слав. почвѣ g, если последнее здѣсь становится въ положеніи передъ гласнымъ передняго ряда или согл. j, рефлектируются какъ ž (ж): стрсл. женѫ, но изгонъ, лит. genù др.-инд. ghn-ánti, кельт. gonim, лат. of-fendo, греч. φόνος.

Само собой разумѣется, что примѣры: женѫ, жрѣбл (изъ žeřbę), жьрѫ указываютъ на судьбу общеиндоевропейскаго лабіовелярнаго звука g въ праславянскомъ языкѣ въ положеніи этого звука передъ гласнымъ передняго ряда; примѣръ цѣнл— на судьбу лабіовелярн. звука k въ положеніи его передъ ē дифтонгическаго происхожденія. Такіе же лабіовелярные звуки въ трехъ ихъ видахъ на славянской почвѣ: либо к, г, χ, либо č, ž, š, либо c, z, s, мы увидимъ и на слѣд. примѣрахъ: стрсл. четырие при лит. keturì, др.-инд. catvár-as, лат. quattuor, іон. τέσσερες, аттич. τέτταρες, лесб. πέσσυρες; стрсл. чаѭ (изъ *kēją) при греч. τηρέω; стрсл. цѣна при греч. τίσις, τίνω, др.-инд. ápa-citi-š, cáya-tē при греч. ποινή. Стрсл. пѧть (изъ *пѧкть, гдѣ т, вѣроятно, поддерживалось звукомъ т въ косв. падежахъ: пѧти и проч., а k исчезло, вѣроятно, подъ вліяніемъ формы порядковаго числит. пѧтъ) при лит. penkì, др.-инд. páñca, лат. quinque (первый слогъ по ассимиляціи со вторымъ), греч.-аттич. πέντε, өессал. πέμπε—все это указываетъ на общеиндоевроп. q^u въ этомъ словѣ. Срв. стрсл. пекѫ, др.-инд. pácati, лат. coquit, греч. πέσσω, πεπτός, ἔπεψα. Стрсл. жена, прусск. genna, др.-инд. gnā́-, гот. qinō, беот. βανό (срв. іонич. μνάομαι изъ *βνᾱ-...), аттич. γυνή, гдѣ исчезла лабіализація въ положеніи передъ u на греч. почвѣ.

Срв. также стрсл. влъкъ (вльк҄ъ), лит. vilkas, др.-инд. vr̥kas, гот. wulfs, греч. λύκος, гдѣ въ положеніи послѣ u исчезла лабіализація задненебнаго согласнаго: срв. лат. lupus. Стрсл. живъ, лит. gývas, др.-инд. jīvás, гот. qius, греч. βίος, лат. vivos, оск. bivus указываютъ на g^u, попавшее на слав. почвѣ въ положеніе передъ гл. передняго ряда.

Стрсл. нагъ, лит. nů'gas, др.-инд. nagnás, лат. nūdus изъ *nogu̯edos.

Стрсл. гов҄ѣти, лит. gausi, лат. faustus, fove, faveo—g^uh.

Стрсл. коло, др.-инд. cárati, эолич. πέλομαι, лат. colus, colo изъ *quelō, греч. πόλος. Срв. βούκολος и проч.—тоже изъ q^u.

Стрсл. желѫдь, лит. gilė, гр. βάλανος, лат. glāns. Здѣсь g^u на слав. почвѣ въ положеніи передъ гл. передняго ряда.

Стрсл. говѧдо, латыш. gůws, др.-инд. gâúš, кельт. bō, лат. bov-is, гр. βοῦς—g^u.

Стрсл. покои (срв. передъ гл. передн. ряда: почити), лат. quies, др. инд. cirás—q^u.

Русск. иаглый, лит. jėgiu, гр. ἥβη—общеиндоевропейское g^u.

Стрсл. чесо, чьто при къто показываютъ, что общеиндоевропейское q^u, давши на слав. почвѣ *k*, подверглось въ этомъ видѣ дальнѣйшимъ фонетическимъ измѣненіямъ, попавъ въ положеніе передъ гласными передняго ряда. Такъ же стрсл. жрьны (изъ *žьr̥ny) при лит. gírnos, др.-инд. grâvan, гот. qaírnus, гдѣ ж восходитъ къ g^u, откуда *g* и далѣе, передъ гласными передняго ряда,—ж. Такъ же стрсл. снѣжьнъ, гдѣ ж изъ праязычнаго g^uh (срв. греч. νίφα выше), праслав. *g* въ положеніи передъ гл. передняго ряда ь. Однако срв. выше снѣгъ.

Въ положеніи передъ согласнымъ *j* праславянскіе *k*, *g* изъ праязычныхъ лабіовелярныхъ (q^u, q^uh; g^u, g^uh) даютъ тоже *č* и *ž* (ч, ж): стрсл. тъча, гот. þeihwō; русск. перепеча при стрсл. пекѫ, рус. пеку. Новослав. кѣжа при стрсл. кѣгъ—

изъ праязычнаго $g^{u}h$. (Срв. выше греч. *φέβομαι*). И въ этомъ классѣ праязычныхъ задненебныхъ согласныхъ съ губной артикуляціей (лабіовелярныхъ), т. е. въ классѣ q^{u}, $q^{u}h$, g^{u}, $g^{u}h$, мы на славянской почвѣ встрѣчаемъ то же явленіе, что встрѣчали въ классѣ задненебныхъ безъ губной артикуляціи (в классѣ велярныхъ согласныхъ), въ случаѣ встрѣчи этихъ звуковъ со слѣдующимъ звукомъ ē *дифтонгическаго* происхожденія (ѣ). Именно, выше мы видѣли примѣры: тоцѣ, коꙁѣ, доусѣ—тоци, коꙁи, доуси для общеиндоевроп. согласныхъ *велярныхъ*; теперь возьмемъ такое же фонетическое положеніе на слав. почвѣ для рефлексовъ общеиндоевропейскихъ *лабіовелярныхъ*: влъцѣ (мѣстн. ед. отъ влъкъ, гдѣ к восходитъ къ общеиндоевропейскому q^{u}. См. выше), снѣꙁѣ (мѣстн. ед. ч. отъ снѣгъ, гдѣ г восходитъ къ общеиндоевроп. $g^{u}h$. См. выше). Такъ же въ имен. п. мн. ч.: влъци, снѣꙁи и проч. Примѣромъ для звука *χ* можетъ остаться тотъ же: доусѣ и доуси, такъ какъ звукъ *χ* образовался лишь на славянской почвѣ изъ общеиндоевропейскаго *s* въ извѣстномъ фонетическомъ положеніи (см. выше): его не было еще даже въ балтійско-славянскую эпоху въ языкѣ (хотя въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ этотъ звукъ развивался, повидимому, независимо на мѣстной почвѣ и въ разное время; такъ, напр., появилось греч. *χ* изъ стараго *kh* уже въ историческое время, въ тѣсномъ смыслѣ).

Такимъ образомъ, въ общеславянскомъ языкѣ было извѣстно два звука *s*, разныхъ по происхожденію, но, повидимому, одинаковыхъ по артикуляціи органовъ рѣчи: одно *s* *исконное* (срв. ásti—*ἔστί*—est—ѥсть—ist и проч.), другое *s* изъ k̂ *палатальнаго* (срв. съто—сто изъ *k̂m̥tóm—выше).

§ IV. Различныя сочетанія задненебныхъ согласныхъ съ согласными же.

Переходя теперь къ сочетаніямъ задненебныхъ согласныхъ съ различными согласными звуками, мы должны прежде всего замѣтить, что зубные *s* и *z* въ сочетаніи съ задненебными играютъ, какъ мы отчасти видѣли уже выше, какую-то особую роль. Поэтому мы и разсмотримъ прежде всего задненебныя въ различныхъ сочетаніяхъ съ зубными, и прежде всего, въ сочетаніи съ *s* и *z*, т.-е. съ *фрикативными*, а потомъ со *взрывными* („съ полнымъ затворомъ"). Эти сочетанія могутъ образовать или аффрикаты въ томъ случаѣ, если первый компонентъ сочетанія — взрывная одного органа и мѣста образованія со слѣдующей фрикативной, т.-е. *ts*, *dz*, —стрсл. ц и ѕ, которыя мы уже изучали, какъ результаты измѣненія задненебныхъ разнаго способа образованія [1]; или

[1]) Эти аффрикаты *ts* и *dz* (стрсл. ц и ѕ, ꙁ) не разсмотрѣны нами въ сочетаніи съ губнымъ *v* (стрсл. в) передъ слѣдующимъ гласнымъ передняго ряда. Въ юговосточной группѣ славянскихъ языковъ (т.-е. въ русскомъ яз., въ старо-болгарскомъ, въ ново-болгар., въ сербскомъ яз.) мы имѣемъ сочетанія цв и ꙁв при kv и gv западно-славянскихъ языковъ. Такъ, стрсл. цвѣтъ, цвисти, серб. цвести, цветати, рус. цвѣсти, цвѣтъ, между тѣмъ какъ въ чш. kvésti, kvisti, польск. kwitnąć, kwiść. Или: стрсл. ѕвѣꙁда, серб. звиjезда, рус. звѣзда, но польск. gwiazda, чш. hvězda и проч. Очевидно, появленіе этихъ аффрикатъ передъ *v*—явленіе *діалектическое* общеславянской эпохи, и понять его можно только при предположеніи, что въ юговосточной группѣ языковъ *v* оставалось долѣе неслоговымъ u̯, между тѣмъ какъ въ зап.-слав. группѣ языковъ u̯ стало ранѣе зубно-губнымъ *v*, который уже не допускалъ измѣненія задненебныхъ въ свистящіе. Этотъ процессъ слѣдуетъ представить себѣ такъ: древнѣйшая эпоха—дифтонгъ oi̯ (ai̯) и неслоговое u̯; въ это время во всемъ славянствѣ—ku̯oi̯tъ и gu̯oi̯zda. Вторая эпоха праславянскаго единства — измѣненіе задненебныхъ k, g, ch въ положеніи передъ гласнымъ передняго ряда и согласнымъ *j* въ шипящіе č, ž, š; третья эпоха — измѣненіе u̯ въ v въ западно-славянской группѣ; четвертая эпоха—постепеннаго перехода сочетанія oi̯ (ai̯) въ гласный передняго ряда ē, откуда ie. Въ эту эпоху, надо думать, произошло распаденіе общеславянскаго языка, изъ котораго выдѣлилась западная группа діалектовъ этого языка, въ которой развилось зубно-губное *v*: такъ получилось здѣсь

—сочетанія: *ks*, *gz*, *chs*, *sk*, *zg*, *sch*; или—наконецъ—*lt*, *tk*, *gd*, *dg*. Вотъ эти послѣдніе два ряда сочетаній мы и разсмотримъ, остановившись на тѣхъ изъ нихъ, которые даютъ намъ закономѣрныя, изученныя въ языкахъ соотвѣтствія, именно: *ks* и *sk*, *zg*, *kt*. Такъ, напримѣръ: сочетанія *sk* и *zg* въ словахъ dъska и dręzga въ положеніи своемъ передъ ē (ѣ) дифтонг. происхожденія даютъ, какъ намъ уже извѣстно, тѣ же с (ц) и dz (ʒ), что и простые k и g въ такомъ положеніи: sc=сц=стс, откуда ст; zdz=ʒʒ=ʒдʒ, откуда zд: дъстѣ, дрѧʒдѣ.

Кромѣ того, сочетанія sk и ks при k палатальномъ общеиндоевропейскаго происхожденія давали, по всей вѣроятности, еще въ прабалтійско-славянскую эпоху šš, которое, надо думать, образовалось такъ: k̑ давало на слав. почвѣ s (припомнимъ сѧто), а на балтійской—š, прабалтійско-славянское—š. Вотъ s по ассимиляціи со слѣдующимъ š дало šš; то же, вѣроятно, получилось и изъ обратнаго сочетанія: k̑s—šs—šš. Такъ, по крайней мѣрѣ, показываютъ примѣры: šš упростилось въ š, откуда слав. s, а лит. sz: пасѫ при лат. pāsco; соуѭ при лит. száuju, др.-в.-нѣм. sciuʒu. Или: сочетаніе k̑s возстановляется изъ примѣровъ: стрсл. ось, лит. aszìs, др.-инд. ákšas, лат. axis. Слѣд., наше „ось“ изъ *оксь.

Наконецъ, общеиндоевроп. сочетаніе kt съ q или q^u дало въ праслав. эпоху по ассимиляціи (черезъ tt?) одно t: стрсл. лѣтати, лит. lẽkti, lekiù, греч. λακτίζω. Слѣд., наше „летать“ изъ *лѣктать (слѣдовало бы писать въ многокр. видѣ „лѣтать“, но

---

*kvētъ, *gvēzda, а въ прочихъ діалектахъ, жившихъ еще общею жизнью было уже *cṷētъ, zṷēzda при ṷ, такъ какъ законъ объ образованіи č, ž, š уже закончилъ свои дѣйствія, а звукъ ṷ здѣсь еще оставался неслоговымъ гласнымъ. Что касается такихъ образованій, какъ: цвьтѫ, цвисти, то въ нихъ звукъ ц—по аналогіи съ цвѣтъ и под.

Значитъ, при старыхъ общеславянскихъ vьl̥cѣ—vьl̥ci и под. были новыя (діалектическія), съ одной стороны, kvētъ и проч., съ другой,—cṷētъ и проч.

мы неправильно пишемъ *е* по звуковому смѣшенію *е* и ѣ: стрсл. лѣтати. Срв. стрсл. тешти и въстѣкати, истѣкати и проч. под. Это обычное чередованіе е и ѣ въ стрсл. языкѣ, какъ и во всѣхъ слав. языкахъ, стало быть, законъ фонетики общеславянской эпохи, въ формахъ глагола несоверш. и многократ. вида, а также при замѣнительномъ растяженіи, напр., въ формахъ аориста: тѣхъ изъ тѣ̄кхъ изъ тѣ̄ксъ = *tēqsom; глаголъ текѫ. Если это сочетаніе kt стояло передъ гласнымъ передняго ряда или передъ согл. *j*, то здѣсь оно давало k't', откуда χ't' и, вслѣдствіе обычной перестановки аспираціи,—*t'χ'*: tešt'i изъ tek't'i—teχ't'i—tet'χ'i—teχ't'χi — tešt'ši —tešt'i — тешти. Такимъ образомъ, kt передъ гласной передняго ряда въ концѣ своихъ фонетическихъ измѣненій совпало съ основнымъ tį, т.-е. t передъ į (j): срв. свѣшта изъ *svētja, мештѫ изъ *metjǫ—мѣтати. Стало быть, tj и ktj или kt + гласный передняго ряда давали въ праславянскомъ одинаково—št'—št. Параллельно съ этимъ шло измѣненіе dj и gdj или gd + гласный передняго ряда въ žd' — žd (черезъ gd' — zd' — d'z — zd'z — žd'ž — žd' — žd (жд): на сталіи d'z произошло совпаденіе рядовъ: dj и gdj, какъ и выше на стадіи t'χ'—рядовъ: tj и ktj). Напримѣръ: межда, др.-инд. mádhyā, лат. media изъ *medja и проч. Или: стрсл. плештє изъ *plektjo. Срв. рус. подо-п л ё к а, плечо́, латыш. plakt, греч. πλάξ (πλακός). Срв. еще для q^ut: стрсл. пѧтъ, лит. peñktas, греч. πεμπτός и проч. (См. выше при q^u: пѧть). Стрсл. потъ при пекѫ изъ *поктъ, основная форма: *poq^{u}to-s. Передъ гласными передняго ряда и передъ *j* такъ же, какъ выше: стрсл. шт: пешти изъ pekti—pek't'i—peχ't'i—pet'χ'i—peχ't'χ'i—pešt'ši—pešt'i—пешти.

§ V. Звукъ ch праславянской эпохи.

Теперь остановимся на общеславянскомъ звукѣ „χ", а затѣмъ—на сочетаніяхъ: *sj* и *zj*. Наконецъ,—на tj и dj.

Происхожденіе звука „*x*“ въ праславянскую эпоху.

Намъ остается еще изъ области задненебныхъ согласныхъ звуковъ разсмотрѣть звукъ *ch* (стрсл. χ). Выше мы видѣли, что этотъ звукъ сравнительно недавняго происхожденія: онъ появился много времени спустя послѣ распаденія общеиндоевропейскаго праязыка, въ которомъ вовсе не было звука *ch*, а были только звуки *k* и *g* разнаго образованія по мѣсту и участію органовъ рѣчи. Праязычные аспираты не образовывались присоединеніемъ звука *ch*, да и самъ *h* былъ здѣсь звукомъ другого образованія и по мѣсту и по способу, такъ что изъ него нельзя выводить общеславянское *ch* или *ch* другихъ языковъ. Звукъ *ch* образовался на почвѣ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, въ ихъ самостоятельной жизни, и притомъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр., въ греческомъ, уже на глазахъ документальной исторіи (въ смыслѣ письменныхъ памятниковъ). Объ этомъ мы говорили уже выше.

Въ славянской вѣтви языковъ звукъ *ch* образовался изъ общеиндоевропейскаго *s*, которое *само по себѣ* перешло и въ славянскую вѣтвь языковъ, какъ звукъ *s*, но уже здѣсь, на мѣстѣ, въ извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ образовало звукъ *ch*. Звукъ *s* мы встрѣчаемъ въ соотвѣтствіи съ общеиндоевропейскимъ *s* и в ъ н а ч а л ѣ с л о в а: седмь, лит. septynì, др.-инд. saptá; свои, др.-инд. svá—и проч. И м е ж д у г л а с н ы м и: небесе, лит. debesìs, др.-инд. nábhasas. И м е ж д у г л а с н о й и с о г л а с н о й: юсмь, лит. esmì, др.-инд. ásmi. И м е ж д у г л а с н о й н о с о в о й и п р о с т о й г л а с н о й: мѧсо, прусск. mensā, др.-инд. māsám. И м е ж д у п л а в н о й и г л а с н о й: *golsъ изъ *golsos (стрсл. гласъ). Такимъ образомъ видно, что праязычный *s* сохранился въ слав. вѣтви во всевозможныхъ положеніяхъ, кромѣ положеній: 1) въ абсолютномъ концѣ слова, гдѣ *s* фонетически отпалъ: срв. влъкъ (праслав. vḷkъ), лит. vìlkas; сынъ, лит. sūnùs; сынове, др.-инд. sūnávas; небо, греч. νέφος; теѵе—2 л. ед. ч. аориста, въ греч.

срв. *ἔφερες*. Или отъ гл. ꙗмь, ѣмь; ꙗсти, ѣсти сигматическій аористъ будетъ имѣть во 2-мъ и 3-мъ лл. ед. ч. формы: ꙗ или ѣ. 1-е лицо: ꙗсъ или ѣсъ изъ ꙗдсъ, ѣдсъ—ꙗссъ, ѣссъ, откуда: ꙗсъ, ѣсъ; 2 и 3 лл. ед. ч. ꙗ или ѣ. Основная форма корня ēd-; аор. ēds—ēts—изъ *ētsom; 2 л. ед. *ēts-s; 3 л. ед. ч.—*ēts-t; срв. стрсл. иꙁъѣ—3 л. ед. ч. сигмат. аориста. 2) Послѣ звуковъ *i*, *u*, *r*, *k* праславянскій *s* переходилъ въ *ch*, причемъ подъ звуками *i* и *u* надо понимать для славянской почвы и тѣ звуки, которые образовались здѣсь изъ этихъ *i* и *u* (краткихъ и долгихъ), т. е. ь, ъ, и, ы, а также и дифтонгическаго происхожденія, изъ *ei*; ѣ дифтонгическаго происхожденія изъ oi̯, ai̯. Словомъ, звуки *i* и *u* во всѣхъ ихъ видахъ и сочетаніяхъ. Однако если такое *s* находилось въ сочетаніяхъ: *sp*, *st*, *sk*, то это *s* оставалось въ этихъ сочетаніяхъ безъ измѣненія въ *ch*: срв. спѣѭ, стигнѫти, юстъ, скѫдити и проч.: во всѣхъ этихъ словахъ и въ прочихъ языкахъ индоевроп. семьи мы находимъ соотвѣтственное *s*.

Теперь посмотримъ примѣры съ *ch*: праслав. trьchъ, стрсл. трьхъ, рус. трехъ; однако лит. trisu, др.-инд. trišú. Праслав. mъchъ, стрсл. мъхъ, рус. мохъ; однако лит. musaĩ, др.-в.-нѣм. mos. Праслав. vьrchъ, стрсл. врьхъ, др.-рус. вьрхъ; однако лит. virszùs, др.-инд. váršiyas. Праслав. tēkchъ. стрсл. тѣхъ, общеиндоевроп. *tēqsom, аористъ глагола текѫ. Праслав. rēkchъ, стрсл. рѣхъ изъ *rēqsom.

Мы взяли примѣры со звукомъ *ch* (*x*) изъ *s* въ положеніи послѣ звуковъ *i*. *u*, *r*, *k*. Это *ch* (x) такъ же, какъ и прочіе заднenебные: *k* и *g* (к, г), подвергалось измѣненію передъ слѣдующими гласными передняго ряда и передъ согласнымъ *j*, именно: въ *š* (ш) и въ *s* (с): 1 л. ед. ч. врьхѫ, во 3 л. ед. ч. будетъ: врьшетъ = молотитъ; стрсл. мышь имѣетъ свое ш изъ *ch* подъ вліяніемъ слѣдующаго ь: др.-инд. mūš-, лат. mus; прич. прош. дѣйств. залога жен. рода: стрсл. влъкъши, лит. vilkusi. Стрсл. влъшве — зват. пад. ед. ч. отъ влъхвъ. (Срв. что выше было сказано о діалектическомъ обще-

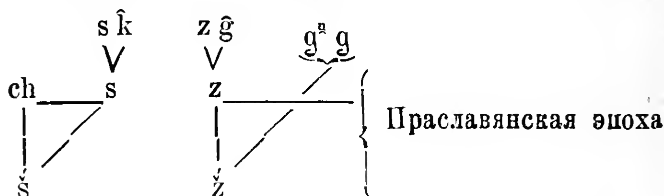
славянскомъ u̯=v). Зват. пад. ед. ч. отъ доухъ—доуше. Стрсл. доуша изъ *duchja. Стрсл. шити изъ *sjyti, лит. siúti. Стрсл. прич. прош. вр. дѣйствит. залога род. п. ед. ч. м. р. несъша, лит. neszusio. Эти звуки ш въ словахъ: доуша, шити, несъша и под., при которыхъ мы въ стрсл. языкѣ не находимъ формъ отъ этихъ же словъ или отъ этихъ же основъ со звукомъ *ch* (*x*), даютъ намъ право предполагать, что и *s*+*j* давало въ общеславянскомъ *š* (ш), такъ что не къ чему предполагать вездѣ ступень *ch* (*x*) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ нынѣ ш передъ гласнымъ передняго ряда или *j*: именно, звуки *s* и *z* и непосредственно на слав. почвѣ давали *š* и *ž* въ положеніи передъ *j*: пишѫ—пьсати, лит. pësziu; лижѫ—лизати, лит. lëžiù. Эти ш и ж изъ *sj* и *zj* восходятъ, какъ мы знаемъ, къ палатальнымъ k̂ и *ĝ* или *ĝ*h, дававшимъ *s* и *z* въ satəm—группѣ языковъ.

Какъ зубные, эти *s* и *z* передъ *j* давали *š* и *ž*. Но самъ звукъ *ch*, давая *š* передъ гласными передняго ряда и *j*, давалъ передъ ē (ѣ) дифтонгическаго происхожденія звукъ *s* (с): мѣстн. пад. мн. ч. отъ врьхъ — врьсѣхъ; срв. доухъ — доусѣ — доуси — доусѣхъ и проч.

Такимъ образомъ, въ слав. вѣтви языковъ мы видимъ: 1) *s* изъ *ch*+ѣ (oi̯, ai̯) *на славянской же почвѣ*; 2) *s* изъ *s* *на индоевроп. почвѣ*. А звукъ *ch* въ слав. вѣтви языковъ мы видимъ: 1) изъ *s* послѣ *i*, *u*, *r*, *k* *на слав. почвѣ* (еще на балт.-слав. почвѣ было *s*). Звуки ш и ж (š и ž) мы видимъ въ слав. вѣтви языковъ: а) изъ *sj*, *zj*, причемъ *s* и *z* могутъ быть или исконными по происхожденію, или изъ палатальныхъ k̂ и *ĝ*: шити — ш изъ *sj* исконнаго; несъша — ш изъ *sj* исконнаго: пишѫ, лижѫ, жьвѫ—имѣютъ ш и ж изъ k̂, ĝ, ĝh: срв. пьсати, откуда 1-е лицо должно бы быть *писјѫ, лат. pictus, греч. ποικίλος. Для примѣра лижѫ мы имѣемъ др.-инд. lih-, греч. λείχω. Для примѣра жьвѫ, (срв. жьвъ, жьвачька) мы имѣемъ др.-в.-нѣм. chiuwu и проч.; б) изъ *chj*—доуша.

Наконецъ, ж (ž) мы видѣли на слав. почвѣ изъ g, g^u, gh, g^uh + гласный передняго ряда или согласный j: стрсл. лъжь при лъгѫ, др.-в.-нѣм. luggi, прагерм. *lugja-; ложе при логъ, лег, леж(г)а(ѣ)ти (см. выше) и проч.

Происхожденіе на слав. почвѣ звуковъ *ch*, *š*, *ž* можно представить себѣ нагляднѣе въ слѣдующей таблицѣ:

s ← s: седмь, есть...
s ← k̂: сь, срьдьце, прасѧ, сѧто...
s ← ch: доусѣ, доуси, доусѣхъ...
ch ← s: трьхъ, врьхъ, мъхъ, тѣхъ...
š ← s: шити, несъша...
š ← ch: доуша, доуше...

z ← z: мьзда, розга...
z ← ĝ: зьнно, брѣза... зима, везѫ... (ĝh).
ž ← z: нижѫ, грожѫ...
ž ← g, g^u: жива, боже, снѣжьнъ, божьскъ, жена, лъжь, бѣжа...

§ VI. Звуки с (ц) и z (ʒ) изъ k и g подъ вліяніемъ предшествующаго гласнаго передняго ряда.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію оставшихся сочетаній, которыя мы находимъ въ такихъ словахъ, какъ лице, пользa и проч. Дѣло въ томъ, что есть цѣлый рядъ словъ съ суффиксомъ ьць, ьца, ьце, напр.: коупьць, юньць, коньць, ловьць, овьца, творьць—род. ед. творьца, коупьца..., кольце, сьрдьце (стрсл.

срьдьце), полотьньце (стрсл. платьньце) и под.; далѣе, есть глаголы многократнаго вида съ такимъ образовательнымъ суффиксомъ („формантомъ“), какъ: а, передъ которымъ мы имѣемъ звуки ц или ѕ, ӡ при звукахъ к и г въ однократномъ, несовершенномъ видѣ глаголовъ, напр.: клицати, но кричати, кликнѫти, крикнѫти, кликъ и крикъ; тицати при текѫ; двиӡати при двигнѫ; саӡати при сягнѫ; наконецъ, единичныя именныя образованія, какъ: лице, польза, стьӡа. Сюда же слѣдуетъ отнести заимствованныя: кънѧӡь, пѣнѧӡь, оусерѧӡь (серьга) и др. Съ перваго взгляда представляется несомнѣннымъ, что во всѣхъ этихъ словахъ звуки ц, ӡ (аффрикаты ts, dz) появились подъ вліяніемъ предшествующихъ гласныхъ передняго ряда: ь, и, ѧ (ь, i, ę), такъ какъ другой причины ихъ появленія нѣтъ на лицо: мы, вѣдь, знаемъ, что ц, ӡ появляются изъ к, г (q, q^u, g, g^u, qh, q^uh, gh, g^uh) въ положеніи этихъ к и г передъ ѣ дифтонгическаго происхожденія и передъ и такого же происхожденія (изъ oį, aį) въ исходѣ слова въ формахъ имен. п. мн. числа и вообще въ падежныхъ окончаніяхъ. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ: дифтонгическое ē (ѣ) и его фонетическіе варіанты отсутствуютъ, а гласные передняго ряда иного происхожденія, а равно и согласный *j* долженъ бы дать не ц и ӡ, а ч и ж, и мы могли бы получить или личе, польжа..., или, въ случаѣ, если есть наличность согласнаго *j* послѣ звуковъ, давшихъ на славянской почвѣ s и *z* изъ основныхъ k и ĝ и проч., то мы имѣли бы ш и ж: срв. пишѫ, жьвѫ (наше: „жую“). Но и этого мы не видимъ; стало быть, остается предположить *вліяніе предшествующаго ъ, і, ę* (ь, и, ѧ). Однако этимъ еще не рѣшается вопросъ о происхожденіи конечнаго ь въ словахъ, какъ: коньць, юньць... Изъ *jъ* оно, или нѣтъ? Другими словами, послѣ ц и ӡ въ этихъ и под. словахъ вызывалось ли *j* прогрессивнымъ дѣйствіемъ предшествующаго гласнаго, и это j измѣняло слѣдующій ъ въ ь, или этотъ *j* возникалъ *непосредственно* позади велярнаго, заднанебнаго к и г? Наконецъ, еще одна возможность: к и г подъ

дѣйствіемъ предшествующаго ь, и, а измѣнялись безъ всякаго j въ ц и ʒ, а послѣ ц и ʒ, какъ послѣ смягченныхъ искони уже самъ собой стоялъ ь, а не ъ, а также долженъ былъ стоять ꙗ, ѥ, хотя въ древней графикѣ и не требовалось этихъ обозначеній, вслѣдствіе мягкости ц, ʒ: кличати, стьʒа, лице и проч., а также: вин. пад. мн. ч. коньця, род. ед. стьʒа и проч. Если сравнить со стрсл. юньць литовское jaunìkis при род. ед. jaunìkio, то мы ожидаемъ на слав. почвѣ соотвѣтственно съ литовскимъ *юньків, *юньkjъ, *юньkjь..., но могло быть и безъ į, j: изъ *jūnькъ, откуда непосредственно—юньць, гдѣ ц —подъ вліяніемъ предшествующаго ь, а само ц обусловило слѣдующее ь за собой. Срв. формы: льʒѣ, нѣльʒѣ при именительномъ однако льʒа, льʒꙗ, а не *льга: срв. льг-от-а, льгъкъ, рус. леговъ, легкій, греч. ἐλαχύς, гдѣ α изъ основного а= ŋ̥, т. е. изъ велярнаго, задненебнаго носового слогового звука: др.-в.-нѣм. „lungar“.

§ VII. Звукъ s (с) подъ вліяніемъ предшествующаго гласнаго передняго ряда.

Звукъ *с* интересуетъ насъ еще въ словѣ: вьсь. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ въ древне-русскомъ языкѣ форму вин. п. ед. ч. жен. рода отъ этого мѣстоименія вхоу. Эта форма, хотя и единичная, но написана очень чётко въ дарственной грамотѣ Варлаама Хутынскому Монастырю около 1192 года: вхоу же тоу ʒемлю хоутиньскоую вдале стмоу спсоу и съ челядию и съ скотиною... Въ виду лит. vìsas мы должны опять предполагать, что слав. *с* вызвано предшествующимъ ь, а ь послѣ *с* (вьсь) есть прогрессивное дѣйствіе этого *с* на слѣдующій гласный. Но само *с* здѣсь принадлежитъ балтійско-славянской эпохѣ (лит. vìsas), хотя на славянской почвѣ сохранились указанія на то, что это *s* (с) изъ *ch* (χ), какъ показываетъ форма грамоты 1192 года. Если такъ, то *s* (*с*) явилось прежде

всего въ этомъ словѣ въ такихъ формахъ, какъ вьсѣ(-хъ) и под., откуда *s* (*с*) могло проникнуть и въ другіе падежи; а, можетъ быть, основное k̂ черезъ *s* вошло въ русло исторіи звука *s*, чтò можно было бы заключить изъ лит. vìsas, такъ какъ мы не видимъ здѣсь *sz*, какъ ожидали бы на литовской почвѣ изъ основного k̂. Замѣчательно, что почти всѣ формы склоненія вьсь приводятъ насъ къ основѣ: *vьcho*-. Прежде всего—форма вин. п. ед. ч. жен. рода въ грамотѣ 1192 г.: вхоу. Само собой разумѣется, что въ этой русской грамотѣ передано современное ей русское произношеніе этой формы, а потому мы уже не находимъ ь въ слабомъ положеніи послѣ в: вхоу вм. стараго вьхоу (см. выше объ исчезновеніи гласныхъ неполнаго образованія въ слабомъ положеніи и о переходѣ ихъ въ гласные полнаго образованія въ сильномъ положеніи къ концу XII вѣка: Добрилово Евангеліе 1164 г.). Далѣе цѣлый рядъ формъ въ стрсл. и др.-рус. памятникахъ: вьса—им. ед. жен. р., им.-вин. мн. ч. средн. рода, вьсѫ—вин. п. ед. ч. жен. рода—эти формы предполагаютъ основу на *-о* въ сред. родѣ и основу на *-ā* въ жен. родѣ. Слѣд. основы: vьcho- и vьchā. Если предполагать въ нихъ звукъ *ch* (*x*), то надо допустить будетъ, что это *ch* образовалось на слав. почвѣ въ положеніи послѣ ь (*i*) — изъ *s*; см. выше. Но, допустивъ это, мы должны предполагать въ лит. языкѣ въ соотвѣтствіе съ славянскимъ *s* — тоже *s* или *sz*, и литовское vìsas подтверждаетъ это предположеніе: срв. выше трьхъ — trìsu; стало быть, вьхъ — vìsas. Изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что старое вьхъ (припомнимъ форму вхоу) уступило свое мѣсто новому вьсь, развившему свое *с* подъ вліяніемъ предшествующаго ь и укоренилось въ имен. п. ед. числа подъ вліяніемъ такихъ древнихъ формъ, какъ: вьсѣ—вьси—вьсѣхъ. Срв. доусѣ — доуси — доусѣхъ, глоухъ — глоусѣ—глоуси — глоусѣхъ. Вѣроятно, паденіе звуковъ неполнаго образованія въ слабомъ положеніи и появленіе звуковъ полнаго образованія въ сильномъ. положеніи, послѣдовавши уже по завершеніи дѣйствія

со стороны закона объ измѣненіи *s* въ *ch*, застало рядъ формъ отъ этого слова съ разными основами: vьso- и vьcho-, такъ что при имен. п. ед. ч. *vьchъ род. падежъ былъ vьsego и т. д.; вин. ед. ж. р.—*vьchǫ, имен. ед. ж. р.—*vьcha, им.-вин. мн. ср. р.—*vьcha при прочихъ падежахъ съ *s*, откуда по аналогіи съ прочими падежами послѣдовали и эти формы: vьsь, vьsǫ, vьsa, и въ концѣ XII вѣка, быть можетъ, въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ еще не закончилась борьба между этими формами: съ одной стороны, — живыя формы: вхоу, *вха, съ другой,—церковно-книжныя: весь, всю, вся, всѣ, всѣхъ и проч. Но врядъ ли позволительно въ словѣ vьsь видѣть *s* на слав. почвѣ изъ индо-европейскаго k̑, такъ какъ въ такомъ случаѣ въ лит. языкѣ надо было бы ожидать не *s* (vìsas), а *sz*, чего однако нѣтъ. Западно-славянскіе языки въ словѣ vьsь и его основѣ предлагаютъ намъ звукъ š, но это явленіе—особенность западно-славянской фонетики, развившаяся на почвѣ отдѣльной жизни этихъ языковъ: въ южной группѣ слав. языковъ мы имѣемъ здѣсь тоже *s*. Допущеніе балтійско-славянскаго *s* изъ k̑ встрѣтило бы новыя затрудненія (см. выше), а потому остается принять образованіе *s* изъ *ch* подъ вліяніемъ предшествующихъ *ь*, *i*, *ę* и образованіе слѣдующихъ за *s* палатальныхъ гласныхъ, какъ прогрессивное дѣйствіе палатальнаго согласнаго *s*, вызваннаго предшествующимъ *ь*, *i*, *ę*. То же слѣдуетъ сказать и о звукѣ z изъ g: польза и друг., а, быть можетъ, и въ заимствованныхъ словахъ: кънязь, пѣнязь и друг.

ОТДѢЛЪ III.

Краткія свѣдѣнія по физіологіи звуковъ.

Предварительныя замѣчанія:

Двѣ стороны языка: Звуки и значенія. Физіологія звуковъ. Фонетика. Психологія рѣчи.

Обыкновенно отдѣлъ физіологіи звуковъ предшествуетъ во всѣхъ курсахъ грамматики и исторіи отдѣльныхъ языковъ отдѣламъ фонетики и морфологіи. Съ точки зрѣнія послѣдовательности, методичности и цѣльности научнаго представленія о предметѣ и научности изложенія это обыкновеніе, конечно, имѣетъ много основаній для себя. Но съ точки зрѣнія психологической я предпочитаю слѣдовать естественному пути развитія представленій о языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, безспорно, что языкъ есть органъ духовнаго общенія между людьми, но такъ же безспорно, что языкъ не воспринимается нашимъ слухомъ и не усваивается нашими органами умственнаго воспріятія въ отдѣльныхъ звукахъ: онъ воспринимается и усваивается нами *по наслышкѣ* такими своими частями, которыя удобнѣе всего назвать звуковыми комплексами большей или меньшей сложности со всѣми особенностями звуковыхъ сочетаній, составляющихъ въ совокупности звуковую рѣчь большей или меньшей продолжительности: законы ассимиляціи звуковъ, законы редукціи (сокращенія) гласныхъ, законы развитія полушепотныхъ звуковъ изъ звуковъ полнаго образованія по

отношенію къ участію голоса и проч. обнаруживаются во всей полнотѣ своей и силѣ при разговорномъ употребленіи даннаго языка въ данное время и въ данной діалектической мѣстности. Но всетаки никогда не слѣдуетъ забывать, что *звуки еще не составляютъ языка, что звуки есть лишь матеріалъ, изъ котораго состоитъ языкъ, но сами по себѣ звуки не есть языкъ.* Само собой разумѣется, что, получивъ общее представленіе о языкѣ, усвоивъ въ общихъ чертахъ тѣ процессы жизни языка, которые постепенно переводятъ языкъ во времени изъ одного состоянія въ другое, которые характеризуютъ движеніе, или жизнь языка во времени, мы должны познакомиться и съ матеріаломъ, изъ котораго состоитъ языкъ, и со способомъ производства (артикуляціи) звуковъ—этого матеріала, но это наше знакомство, мнѣ кажется, будетъ тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ большей площадью своей оно покоится на звуковыхъ представленіяхъ, именуемыхъ *словами* языка, въ ихъ возможно разнообразныхъ и реальныхъ сочетаніяхъ. Вотъ почему съ указанной точки зрѣнія, въ особенности для будущихъ педагоговъ, т.-е. *практическихъ* дѣятелей, я предпочитаю излагать физіологію звуковъ послѣ фонетики языка. Прежде всего я скажу о терминахъ „*физіологія звуковъ*“ и „*фонетика*“. Уже въ своей критической статьѣ по поводу книги проф. В. А. Богородицкаго „Общій курсъ русской грамматики“ (Изв. Ак. Наукъ по Отдѣл. рус. яз. и слов. Т. X (1905), кн. 1) я высказалъ, какъ я понимаю эти термины, и какъ они употребляются въ западно-европейской лингвистической литературѣ: напомню, что „физіологія звуковъ“ занимается изученіемъ анатоміи органовъ рѣчи и ихъ функцій, т.-е. вопросомъ о томъ, какими органами рѣчи и какъ артикулируются (производятся) звуки рѣчи въ данномъ языкѣ, нарѣчіи, говорѣ, въ данное время. Далѣе, на основаніи детальнаго изученія функцій органовъ рѣчи классифицируются звуки, слышимые въ данномъ языкѣ (нарѣчіи, говорѣ), а изъ наблюденій надъ работой органовъ рѣчи при воспріятіи слышимаго нами языка мы получаемъ

въ результатѣ тѣ свѣдѣнія, которыя объясняютъ намъ условія, въ которыхъ происходятъ акустическія варьяціи и отличія при воспріятіи рѣчи говорящаго и при попыткѣ нашей говорить на данномъ нарѣчіи. Мы, такимъ образомъ, получаемъ связь между акустикой и физіологіей, учитываемъ факторы акустическаго видоизмѣненія слышимой рѣчи и справедливо относимъ различіе въ произношеніи различныхъ лицъ къ различію въ ихъ артикуляціи органовъ рѣчи. Усвоенная съ дѣтства путемъ подражанія окружающимъ и ставшая привычной артикуляція звуковъ рѣчи образуетъ ту систему *привычныхъ укладовъ* органовъ рѣчи, которую мы называемъ *національною* и по которой мы отличаемъ одну націю отъ другой, языкъ одного народа отъ языка другого народа или другой діалектической области. Именно, въ этомъ смыслѣ, съ *матеріальной* своей стороны, *языкъ есть вѣрнѣйшій представитель и устойчивѣйшій хранитель національности*: для примѣра возьму хоть слово *п'ат'* (пять), по которому русскій человѣкъ *всегда* узнаетъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ представителемъ русской народности, или нѣтъ. Также слово со звукомъ *л* и *ы* („лыко“) и мн. друг. Вотъ почему безъ изученія физіологіи звуковъ даннаго языка не можетъ быть *научнаго* знанія этого языка, и останутся непонятными тѣ процессы звуковыхъ измѣненій въ языкѣ, которые съ теченіемъ времени способны измѣнить весь звуковой обликъ языка, т.-е. его *звуковую физіономію*, являющуюся *всегда* представительницей національной стихіи въ каждомъ языкѣ. Безъ физіологіи звуковъ даннаго языка невозможна его діалектологія, а безъ діалектологіи его невозможна и его исторія, такъ какъ основной процессъ каждаго языка, принадлежащаго крупному народу, есть процессъ распаденія языка на нарѣчія, на діалектическія группы, а это распаденіе въ матеріальномъ, въ *звуковомъ* смыслѣ, обусловливается возникновеніемъ звуковыхъ разновидностей, различій, воспринимаемыхъ на слухъ, т.-е. образованіемъ новыхъ акустическихъ впечатлѣній, факторомъ

которыхъ въ концѣ концовъ является измѣненіе въ привычныхъ укладахъ органовъ рѣчи, перемѣщеніе мѣста артикуляціи работающихъ органовъ рѣчи и физіологическое измѣненіе самой работы этихъ органовъ. Все это даетъ физіологія звуковъ языка. Фонетика же изучаетъ лишь *акустическія* воспріятія, т.-е. готовыя работы органовъ, какъ эти работы въ видѣ слышимыхъ звукосочетаній усваиваются слушающими. Такимъ образомъ, я бы сказалъ, что физіологія звуковъ языка есть описательная наука, изучающая звуки рѣчи на говорящемъ субъектѣ; а фонетика—наука, изучающая звуки рѣчи слушающимъ эту рѣчь, т.-е. наука, изучающая акустическія воспріятія отъ даннаго языка.

Отсюда ясно, что прежде всего надо знать, какіе органы и какъ дѣйствуютъ при изглашеніи, при говорѣ на данномъ языкѣ; а затѣмъ.—какимъ законамъ подвержены звуки и ихъ сочетанія въ данномъ языкѣ при разговорѣ. Эти законы будутъ *фонетическими законами*, и поскольку эти законы обусловлены физіологическими причинами, постольку они обязательны и обнаруживаются въ данномъ языкѣ въ данное время *безъ всякихъ исключеній*. Однако нельзя сказать, чтобы каждому звуку или звуковому сочетанію соотвѣтствовало только одно опредѣленное значеніе въ языкѣ: напр., сочетанію однихъ и тѣхъ же звуковъ въ словѣ „*коса*“ соотвѣтствуютъ совершенно различныя значенія этого слова; именно, „коса“ означаетъ и *землю*, и *волосы*, и *земледѣльческое орудіе* и т. п. Вотъ, именно, то обстоятельство, что въ каждомъ языкѣ, кромѣ звуковъ, слѣдуетъ считаться еще и со смысломъ, съ значеніемъ звуковыхъ словъ, дѣлаетъ языкъ такимъ явленіемъ человѣческой природы, которое мы должны назвать *психофизическимъ явленіемъ, служащимъ въ качествѣ органа духовнаго общенія. Звуки языка—явленіе физики и физіологіи органовъ рѣчи и называются матеріальной, или внѣшней стороной языка, а значенія звуковыхъ словъ и звуковыхъ представленій—явленіе психики человѣка и называются психической, или вну-*

тренней стороной языка. Явленія психики, конечно, и живутъ въ языкѣ только въ психической средѣ или обстановкѣ, т.-е. въ сознаніи говорящихъ, и управляются психическими, а не физіологическими законами, т.-е. управляются законами ассоціаціи представленій. Звуки слова, поскольку эти звуки являются спутниками различныхъ словесныхъ группъ, связанныхъ или разъединенныхъ извѣстными звуковыми отличіями, начинаютъ жить въ сознаніи говорящихъ, какъ факторы образованія извѣстныхъ грамматическихъ категорій, благодаря которымъ вся наличность, весь инвентарь языка, укладывается и легко держится въ памяти говорящихъ лицъ. Послѣ всего сказаннаго можно остановиться на слѣдующемъ *научномъ* опредѣленіи языка. *Языкъ есть такое психофизическое явленіе человѣческой природы, которое служитъ органомъ духовнаго общенія. Языкъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю, или матеріальную, т.-е. звуки, и внутреннюю, или психическую, т.-е. значеніе звуковыхъ словъ.* Здѣсь, конечно, разумѣется *звуковой языкъ*, а не какой-либо другой, напр., языкъ жестовъ, мимики и под., такъ какъ *лингвистика, какъ наука, имѣетъ дѣло только со звуковымъ языкомъ человѣка.*

Теперь приступимъ къ изученію органовъ человѣческой рѣчи.

§ I. *Органы рѣчи.* При наблюденіи надъ говорящимъ человѣкомъ мы замѣчаемъ, что его языкъ (въ особенности это замѣтно, если смотрѣть на ротъ беззубаго человѣка во время его разговора) и губы находятся почти въ безпрерывномъ движеніи. Отсюда, даже при поверхностномъ наблюденіи, можно вывести, что языкъ и губы—*активные* органы рѣчи. Другіе органы рѣчи, напр., зубы вовсе не двигаются, а потому не они артикулируютъ (производятъ) сами, а активные органы артикулируютъ (принимаютъ извѣстное положеніе при движеніи) относительно пассивныхъ органовъ. Поэтому всѣ органы рѣчи раздѣляются на *активные* и *пассивные*.

§ II. Активные органы рѣчи суть: 1) *дыхательный аппаратъ*, т.-е. легкія съ своими мускулами; 2) *гортань*, замыкающая собой дыхательное горло и лежащая въ передней части шеи; 3) *мягкое небо*, лежащее въ задней части полости рта, ближе къ горлу; 4) *нижняя челюсть*, которая можетъ двигаться въ вертикальномъ направленіи, то приближаясь къ верхней челюсти, то отодвигаясь отъ нея къ низу и открывая тѣмъ ротъ; 5) *языкъ*, самый активный, самый подвижной органъ, представляющій изъ себя мягкій мясистый органъ, лежащій внутри полости рта и снабженный чрезвычайно сложной системой подвижныхъ мускуловъ и мышцъ и 6) *губы*, которыя представляютъ собой также очень подвижной органъ рѣчи.

§ III. Пассивные органы рѣчи суть: 1) *полость рта и полость носа*; 2) *твердое небо*, лежащее въ передней части полости рта и сливающееся заднимъ своимъ краемъ съ заднимъ, мягкимъ небомъ, а переднимъ своимъ краемъ доходящее до верхнихъ переднихъ зубовъ; 3) *зубы*.

Вотъ этими органами человѣческаго тѣла образуются звуки человѣческой рѣчи.

§ IV. *Дѣйствіе органовъ рѣчи.* Для того, чтобы получить звукъ рѣчи, необходимо изъ дыхательнаго аппарата (изъ легкихъ) выпустить черезъ дыхательное горло струю воздуха: эта струя воздуха проходитъ черезъ гортань, чтобы попасть въ полость рта или полость носа и выйти наружу. Однако, прежде чѣмъ звучащая струя воздуха выйдетъ наружу и дойдетъ до слуха слушающаго рѣчь, она попадаетъ въ полость *зѣва* и оттуда уже идетъ или въ полость рта, или въ полость носа. Полость рта отдѣлена отъ полости носа мягкимъ небомъ и твердымъ небомъ. Сообщеніе между этими двумя полостями обусловливается положеніемъ мягкаго, или подвижного, задняго неба: если мягкое, подвижное небо *поднято*, причемъ оно то-

гда касается задней стѣнки зѣва, то полость носа *разобщена* съ полостью рта. А если мягкое небо *опущено* до спинки языка, то полость носа разобщена съ полостью рта, но сообщеніе полости носа съ полостью зѣва остается свободнымъ. При обыкновенномъ дыханіи всѣ три полости сообщены.

§ V. *Голосъ, какъ результатъ дѣйствія органовъ рѣчи.* Голосъ образуется въ гортани. *Гортань* есть полый органъ, замыкающій собою дыхательное горло, и состоитъ изъ слизистой оболочки, мускуловъ и хрящей. Спереди гортань окаймляетъ щитообразный хрящъ, а съ задней стороны—кольцеобразный хрящъ. Въ глубинѣ послѣдняго хряща, на заднемъ краѣ его, находятся два подвижныхъ хрящика; отъ этихъ хрящиковъ черезъ полость гортани тянутся двѣ мускульныя эластичныя полосы, соединяющіяся подъ угломъ на щитообразномъ хрящѣ. Эти полосы называются *голосовыми связками*, а щель, образуемая этими связками, называется *голосовой щелью.* Въ зависимости отъ того, расширена ли голосовая щель, или сужена до того, что проходящій черезъ эту щель токъ воздуха заставляетъ связки дрожать при своемъ прохожденіи, не получается или получается *голосъ.* При значительно суженной щели *голосовыя связки* отъ проходящаго между ними воздуха *дрожатъ*, и тогда получается *голосъ.* Такимъ образомъ, дрожаніе голосовыхъ связокъ производитъ собой *голосъ*, а положеніе при этомъ органовъ рѣчи обусловливаетъ собой появленіе того или другого *голосового звука человѣческой рѣчи.* При свободномъ выдыханіи воздуха голосовая щель расширена, а голосовыя связки не соприкасаются другъ съ другомъ. При *шопотѣ* голосовая щель суживается очень мало, такъ что проходящій черезъ нее токъ воздуха производитъ только *треніе* о края голосовыхъ связокъ. При этомъ потому то и не получается *голосъ*, а получается *шопотъ.* Такимъ образомъ, *шопотные звуки* обусловливаются *треніемъ* воздуха о связки, а *не дрожаніемъ самыхъ связокъ.*

§ VI. *Классификація звуковъ человѣческой рѣчи.* Въ зависимости отъ того, участвуетъ ли *голосъ* при произнесеніи звуковъ рѣчи, эти послѣдніе называются *голосовыми* или *безголосыми.* Шопотъ и полушопотъ представляются, какъ модификація, разновидности голоса. Въ зависимости же отъ того, *какое положеніе занимаетъ подвижное, мягкое заднее небо*, звуки видоизмѣняются и бываютъ или *чистыми*, если мягкое небо приподнято и касается задней стѣнки зѣва, или *носовыми*, если мягкое небо опущено, и тѣмъ открытъ доступъ воздуха изъ гортани черезъ полость зѣва въ полость носа. *Получается носовой резонансъ звука. Въ зависимости отъ участія губъ* въ образованіи звуковъ эти послѣдніе называются или *лабіализованными* (при участіи губъ: лат. labium=губа), или *нелабіализованными* (безъ участія губъ). *Въ зависимости отъ положенія нижней челюсти* звуки могутъ быть *узкими* или *закрытыми*, если эта челюсть приподнята къ верхней, и ротъ имѣетъ *узкое* отверстіе между губами, почти *полузакрытъ;* или звуки могутъ быть *широкими*, *открытыми* при оттянутой къ низу нижней челюсти и при болѣе широко открытомъ ртѣ. Обыкновенно узкое или закрытое произношеніе звука вызываетъ ощущеніе *напряженія* языка, губъ или даже голосовыхъ связокъ; между тѣмъ какъ широкое, или открытое произношеніе звука такого напряженія не вызываетъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется, почему пѣвцамъ труднѣе пѣть голосомъ слова съ узкими гласными (гл.: *i*, *e*), чѣмъ слова съ широкими (ненапряженными) гласными (*a*, *o*, *y*). Наконецъ, *въ зависимости отъ положенія языка* получается специфическая окраска гласныхъ и согласныхъ звуковъ, о которой скажемъ ниже.

§ VII. *Образованіе звуковъ русской рѣчи.* Мы видѣли, что звуки рѣчи видоизмѣняются отъ того или иного положенія мягкаго неба. Въ этомъ отношеніи звуки могутъ быть *чистыми* или *носовыми.* Но и чистые звуки, при образованіи которыхъ звучащій токъ воздуха проходитъ черезъ полость рта,

могутъ отличаться другъ отъ друга по своему *характеру. Характеръ звука* человѣческой рѣчи опредѣляется тѣми условіями, которыя встрѣчаетъ токъ воздуха при своемъ прохожденіи черезъ полость рта. Здѣсь, именно, въ полости рта происходятъ различныя комбинаціи работъ органовъ, различныя степени сближенія артикулирующихъ органовъ рѣчи, заложенныхъ въ полости рта, и эти различные способы и сочетанія работъ опредѣляютъ собой характеръ звука, какъ увидимъ подробнѣе ниже. Въ полости рта, какъ мы уже знаемъ, заложенъ самый подвижной, самый активный органъ рѣчи,—*языкъ*: при опредѣленіи звука имѣетъ огромное значеніе различное положеніе языка. Артикулируетъ ли относительно другихъ органовъ рѣчи въ полости рта *кончикъ языка*, или *его передняя часть*, или *задняя часть языка*. Языкъ можетъ занимать различныя положенія *относительно мягкаго неба*, *относительно твердаго неба*, *относительно альвеолъ* (т.-е. тѣхъ мѣстъ на деснахъ, гдѣ вростаютъ въ нихъ зубы) и *относительно зубовъ*. И всѣ эти различныя положенія языка вліяютъ на различіе самихъ звуковъ, воспринимаемыхъ нашимъ ухомъ. Мы сказали, что, кромѣ языка, своей подвижностью отличаются еще губы: въ самомъ дѣлѣ, правда, что далеко не всѣ звуки артикулируются при участіи губъ (такъ же, какъ и при участіи голоса), однако участіе губъ придаетъ особую окраску звуку рѣчи: качество звука видоизмѣняется въ зависимости отъ того, соединены ли губы, или нѣтъ; соприкасается ли нижняя губа съ верхнимъ рядомъ зубовъ, и выдвигаются ли кольцеобразно губы впередъ при произнесеніи звука. (Срв. выше звуки: билабіальные-двугубные, губно-зубные, лабіализованные и проч.).

Въ полости рта происходятъ различныя комбинаціи работъ органовъ рѣчи: одна изъ такихъ комбинацій—это *затворъ*, образуемый органами рѣчи при *полномъ* или *неполномъ* соприкосновеніи органовъ въ полости рта: если происходитъ *полное соприкосновеніе*, то для прохожденія черезъ этотъ затворъ органовъ звучащей струи воздуха требуется *уничтоженіе*, *раз-*

рывъ этого затвора, т. е. *взрывъ звука*, сопровождающій собой уничтоженіе преграды, образуемой затворомъ. Такіе звуки называются *взрывными звуками*: *п*, *б*, *т*, *д*, *к*, *г* съ ихъ разновидностями по мѣсту образованія. Если же происходитъ *неполное соприкосновеніе* органовъ рѣчи въ полости рта, т. е. если происходитъ лишь *приближеніе* другъ къ другу этихъ работающихъ органовъ (а какіе, именно, органы работаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при образованіи каждаго звука,—это служитъ основаніемъ для дѣленія звуковъ не *по характеру* и *наличности затвора*, а *по органамъ произношенія*, да и въ предѣлахъ этого дѣленія возможны, какъ увидимъ ниже, разновидности звуковъ *по мѣсту артикуляціи* работающихъ органовъ произношенія и *по способу этой артикуляціи* при затворѣ, или безъ него, при участіи голоса, или безъ него, при прохожденіи воздуха черезъ носовую полость, или только черезъ полость рта, при участіи губъ, или безъ нихъ и проч.), то взрыва, конечно, нѣтъ, но *происходитъ треніе* звучащей струи воздуха въ полости рта (не надо смѣшивать это треніе съ треніемъ о связки голосовой щели въ гортани при опредѣленіи степени участія *голоса* въ образованіи звука, а не при опредѣленіи характера и качества звука). Это треніе въ полости рта происходитъ при прохожденіи струи воздуха черезъ *преграду въ полости рта*, образуемую приблизившимися другъ къ другу органами произношенія, заложенными въ полости рта. Эти звуки, образуемые *треніемъ*, называются *фрикативными*, отъ лат. слова *fricare*, что̀ значитъ *„тереть“*.

Какъ звуки, образуемые *взрывомъ*, такъ и звуки, образуемые *треніемъ* въ полости рта, при изглашеніи сопровождаются *характернымъ шумомъ*, а потому всѣ эти звуки (взрывные и фрикативные) называются *шумными*.

Такимъ образомъ, *шумные* звуки всѣ характеризуются *затворомъ* органовъ рѣчи въ полости рта; эта ихъ общая особенность позволяетъ намъ всѣ эти шумные звуки назвать *затворными звуками*.

Графически можно удобно представить въ слѣдующей таблицѣ звуки, распредѣленные *по способу образованія ихъ въ полости рта.*

Затворные, или шумные звуки.

Полный затворъ —	взрывные звуки: *п*, *т*, *к*, *б*, *д*, *г*, *н*, *м*. звукъ *л* —взрыва нѣтъ; звукъ *р*—взрыва нѣтъ.
Неполный затворъ — фрикативные	звуки: *ф*, *с*, *ш*, *х*, *в*, *з*, *ж*, *j*, *γ*. звуки: *р*, *л*, *м*, *н*.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что звуки *р*, *л*, *м*, *н* физіологически, по способу образованія, помѣщаются заразъ въ двухъ рубрикахъ: заразъ эти звуки принадлежатъ къ первой рубрикѣ—съ полнымъ затворомъ (*н*, *м*) и взрывомъ, и ко второй рубрикѣ—къ звукамъ, образуемымъ *треніемъ, но при полномъ затворѣ* артикулирующихъ органовъ, а изъ нихъ звуки *р* и *л* образуются *безъ взрыва*, хотя и *при полномъ затворѣ.* Характерной особенностью этихъ звуковъ (*р*, *л*, *м*, *н*), стало быть, служитъ *полный затворъ*, но при этомъ *безъ взрыва* (*р*, *л*) или *со взрывомъ и одновременно съ этимъ при отсутствіи характернаго шума* (*н*, *м*). Такимъ образомъ, эти звуки (*р*, *л*, *м*, *н*) физіологически не подходятъ безъ оговорки ни подъ одинъ отдѣлъ *шумныхъ звуковъ*, а потому они и не будутъ шумными. О нихъ мы скажемъ нѣсколько ниже.

Кромѣ класса шумныхъ звуковъ, характеризующихся *затворомъ въ полости рта* при взрывѣ или треніи *и шумомъ*, есть еще другой классъ звуковъ, образуемый *при отсутствіи затвора и при отсутствіи связаннаго съ затворомъ шума.* Этотъ классъ звуковъ, въ отличіе отъ класса шумныхъ, мы будемъ называть по особенностямъ его образованія въ полости рта—*классомъ гласныхъ звуковъ.* Тогда классъ шумныхъ придется назвать, въ отличіе отъ класса гласныхъ звуковъ, *классомъ шумныхъ согласныхъ звуковъ*, по особенностямъ ихъ обра-

зованія въ полости рта же. Вотъ при какой оговоркѣ и въ какомъ смыслѣ можно сохранить старые, ненаучные (не основанные на физіологіи звуковъ) термины: „*гласный*“ и „*согласный*“ звукъ.

Изъ предыдущаго мы убѣдились, что звуки *р*, *л*, *м*, *н* не подходятъ въ классъ гласныхъ звуковъ, такъ какъ они образуются *затворомъ* въ полости рта; но эти же звуки не подходятъ и въ классъ шумныхъ согласныхъ, такъ какъ при ихъ образованіи или нѣтъ шума (*н*, *м*), или нѣтъ взрыва, при которомъ всегда слышится шумъ (*р*, *л*). Однако если глубже вникнуть въ причину, почему при нихъ нѣтъ взрыва или нѣтъ шума, хотя и есть затворъ, то окажется, что причина этой особенности лежитъ въ томъ, что звучащій голосъ при ихъ образованіи имѣетъ свободный проходъ, не смотря на затворъ, и при этомъ имѣетъ резонансъ *въ полости носа*, при звукахъ *н* и *м*, а при звукахъ *р* и *л*—свободный проходъ и резонансъ *въ полости рта*. Въ частности при образованіи нашего звука *р* звучащая струя воздуха *проходитъ черезъ затворъ*, не взрывая его, а приводя затворившіеся органы въ дрожаніе („дрожащій“ *р*). Вотъ вслѣдствіе этой особенности образованія звуковъ *р*, *л*, *м*, *н*, именно, вслѣдствіе наличности свободнаго прохода звучащей струи воздуха, они по своему образованію подходятъ подъ классъ гласныхъ, а потому особенность ихъ образованія позволяетъ помѣстить ихъ *въ серединѣ между гласными и согласными*.

Свободный проходъ въ полости рта или носа для звучащей струи воздуха при наличности затвора органовъ въ полости рта даетъ возможность этимъ звукамъ (*р*, *л*, *м*, *н*) произноситься съ полнымъ голосомъ, имѣющимъ свой свободный выходъ. Вотъ за эту характерную особенность звуковъ *р*, *л*, *м* и *н* сохранять *полноту голоса* они и называются *сонорными* звуками (отъ лат. „sonor“=звукъ). Изъ предыдущаго ясно, что по особенностямъ своего образованія, по способу своего образованія, звуки дѣлятся на три класса:

I. Классъ гласныхъ звуковъ (свободный проходъ звучащей струи воздуха безъ затвора и шума);
II. Классъ сонорныхъ согласныхъ (свободный проходъ звучащей струи воздуха, *не смотря на затворъ*).
III. Классъ шумныхъ согласныхъ (нѣтъ свободнаго прохода; проходъ образуется взрывомъ сомкнутыхъ органовъ или щелью между приблизившимися, но не сомкнувшимися органами. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ взрыва, но есть треніе).

§ VIII. *Дѣленіе звуковъ на гласные и согласные.* Если мы положимъ въ основу дѣленія звуковъ *наличность или отсутствіе затвора* органовъ рѣчи, заложенныхъ въ полости рта, то мы получимъ дѣленіе звуковъ на *затворные* и *незатворные*, т. е., по школьной терминологіи, *гласные* и *согласные*: затворные = согласные, незатворные = гласные, т. е. со свободнымъ проходомъ для звучащей струи воздуха.

Нужно имѣть въ виду еще и то, что здѣсь пока разумѣются только тѣ звуки, которые образуются въ полости рта, но не въ полости гортани, такъ какъ есть еще звуки, образуемые, какъ увидимъ ниже, и въ полости гортани.

Промежуточные между гласными и согласными звуками, т. е. звуки, сближающіеся по своему образованію, съ одной стороны, съ гласными, такъ какъ для звучащей струи воздуха остается свободный проходъ, съ другой стороны,—съ согласными, такъ какъ звучащая струя воздуха встрѣчаетъ на своемъ пути затворъ и потому стремится въ обходный путь: или въ полости рта или въ полости носа,—составляютъ *классъ сонорныхъ звуковъ*. Вотъ почему мы часто видимъ во многихъ языкахъ нашей семьи (см. выше), въ томъ числѣ и въ русскомъ языкѣ, именно, *звуки сонорные въ роли гласныхъ звуковъ*, вѣрнѣе, въ роли звуковъ, способныхъ образовывать слогъ, т. е. въ роли *слогообразующихъ* звуковъ (см. ниже).

§ IX. *Научное дѣленіе (классификація) звуковъ человѣческой рѣчи.* Классифицировать звуки рѣчи можно *единственно* на основаніи изученія физіологіи звуковъ. Поэтому при классификаціи звуковъ *всегда* въ научныхъ сочиненіяхъ предполагается *физіологическая основа классификаціи.* Всякое дѣленіе звуковъ рѣчи, не покоящееся на физіологіи звуковъ, т. е. не обоснованное физіологически, значитъ, не принимающее въ разсчетъ *способа образованія звуковъ, мѣста образованія ихъ*, того, *какіе, именно, органы рѣчи участвуютъ въ образованіи даннаго звука*, а также *наличности или отсутствія голоса при образованіи звука*, будетъ ненаучнымъ, а практическимъ, если это дѣленіе имѣетъ цѣлью удовлетворить потребностямъ практики. Замѣтимъ, что *научная* классификація звуковъ рѣчи должна всегда покоиться на какомъ-нибудь *опредѣленномъ принципѣ*; таковымъ принципомъ является *принципъ физіологіи звуковъ, физіологическій принципъ.*

Наша школьная система дѣленія вполнѣ безпринципна, а потому и не научна, и не логична: наше школьное дѣленіе звуковъ на гласные, согласные и полугласные смѣшиваетъ нѣсколько основаній для дѣленія вмѣстѣ: участіе голоса („голосовой", „гласный"), способность сочетанія звуковъ другъ съ другомъ („согласный") и простую традицію перевода чужеязычныхъ терминовъ („полугласный"). Срв. оригинальные лат. термины: vocalis (vox=голосъ; vocalis=голосовой, гласный); consonans (con=cum=съ=co; sonans=звучащій, т. е. consonans=„созвучащій", иначе: „согласный") и semivocalis= „полугласный". Подъ „полугласными" наша школьная грамматика разумѣетъ звуки, которые изображаются на письмѣ такъ: ъ, ь и й. На самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія принципа современности, т. е. научной грамматики современнаго русскаго литературнаго языка, значитъ, съ точки зрѣнія физіологіи его звуковъ и ихъ исторіи, ъ и ь не звуки русской рѣчи, а старыя буквы безъ всякаго звукового значенія въ

наше время: прежде же (см. выше) ъ и ь были *гласными неполнаго образованія въ отношеніи количества* (т. е. нормальной краткости и долготы звука: ъ и ь были звуками въ количественномъ отношеніи *болѣе краткими, чѣмъ нормально-краткіе.* См. ниже) и *гласными неполнаго образованія въ отношеніи качества,* т. е. они не были тожественными по качеству съ гласными звуками *о* и *е*, но приближались по своему качеству къ нимъ. Звукъ же, для котораго имѣется буква *й*, какъ былъ, такъ и остался *звукомъ гласнымъ*, но *неслоговымъ*, т. е. не составлявшимъ и не составляющимъ слога, а примыкавшимъ въ слоговомъ отношеніи къ предыдущему или послѣдующему слоговому (=гласному) звуку, при чемъ въ положеніи передъ слѣдующимъ гласнымъ онъ становился самъ шумнымъ фрикативнымъ согласнымъ *j* (см. выше) и въ старину на письмѣ изображался, какъ *і*, присоединенное къ слѣдующему гласному, напр., ꙗко, ѥже, юньць (см. выше)= jако, jэж'э, jун'эц' (буквою „э" я обозначаю звукъ *е*, не смягчающій предшествующую согласную, а надъ исконно мягкой или смягченной согласной ставлю апострофъ. См. выше). Въ положеніи же послѣ гласнаго этотъ звукъ оставался *гласнымъ* į *неслоговымъ* и въ старину на письмѣ изображался, какъ и, напр., ѹли, краи, скои, ѵии, костьи, костеи, крыи, коѹи и под. Съ Петра же Великаго мы въ гражданской азбукѣ усвоили для этого неслогового į въ такой его функціи письменное изображеніе „*й*". Такимъ образомъ, ясно видно, что наше школьное дѣленіе звуковъ русской рѣчи ненаучно, нелогично, потому что безпринципно. Значитъ, никакихъ *полугласныхъ* звуковъ мы въ русскомъ языкѣ не наблюдаемъ.

§ X. *Гортанные звуки, т. е. образуемые въ полости гортани.* Итакъ, научное дѣленіе звуковъ русской (какъ и всякой другой) рѣчи покоится на изученіи образованія этихъ звуковъ и на вытекающемъ изъ этого изученія различеніи

мѣста и способа этого образованія звуковъ. Образованіе звуковъ рѣчи, въ свою очередь, чрезвычайно разнообразно. Прежде всего звуки могутъ образовываться въ двухъ мѣстахъ, въ двухъ полостяхъ: а) въ полости гортани, б) въ полости рта.

Далѣе, такъ какъ голосъ образуется въ гортани, то съ точки зрѣнія участія голоса всѣ звуки, какъ *гортанные* по мѣсту образованія, такъ и *ротовые* по мѣсту образованія, могутъ быть или *голосовыми*, или *безголосыми* (шопотными, полушопотными). Само собой разумѣется, что звучащая струя воздуха, заставляющая дрожать голосовыя связки въ гортани, сообщаетъ *голосъ* звуку, а этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ уже тѣ или другіе оттѣнки въ полости рта, встрѣчая здѣсь ту или другую артикуляцію активныхъ органовъ рѣчи и самъ направляя уклады ихъ. Такимъ образомъ, *внѣ предѣловъ гортани* голосъ получаетъ ту или другую окраску, самъ же образуется въ гортани. Если голоса въ гортани *не образуется*, то звукъ рѣчи можетъ получать тѣ же оттѣнки въ полости рта и носа, что и при голосѣ, но не будетъ голосовымъ, т. е. физіологически,—не будетъ сопровождаться дрожаніемъ голосовыхъ связокъ. Напр., можно говорить шопотомъ на томъ же языкѣ, на которомъ мы говоримъ обыкновенно; слѣдовательно, вся наличность звуковъ даннаго языка будетъ артикулироваться безъ дрожанія голосовыхъ связокъ въ гортани. Собственно гортанныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ очень немного, но всетаки они есть. Но, какъ гортанные, эти звуки и въ гортани могутъ быть *взрывными* или *фрикативными*, а каждый изъ этихъ классовъ, въ свою очередь, можетъ имѣть *глухіе* и *звонкіе* гортанные звуки. Взрывные гортанные звуки глухіе мы наблюдаемъ въ русской рѣчи при произнесеніи словъ-междометій, начинающихся съ гласной, напр., при произнесеніи: „ахъ“, „ухъ“, „эй“.... въ началѣ которыхъ мы слышимъ глухой взрывной *гортанный*, который мы можемъ обозначить греч. spiritus lenis (’).

Звонкаго взрывного гортаннаго звука въ русскомъ языкѣ пока не наблюдалось.

Что касается *фрикативныхъ* гортанныхъ, то въ нарѣчіяхъ русскаго языка извѣстны и глухіе, и звонкіе: глухой такой мы обозначимъ на письмѣ лат. буквою *h*, а звонкій— лат. буквою $\underset{o}{h}$, т. е. той же лат. буквой съ ноликомъ подъ нею: $\underset{o}{h}$. Напр., въ діалектахъ великорусскаго нарѣчія намъ извѣстно произношеніе *коhó* = почти *коб* (срв. нѣм. *h* въ словѣ „hatte“). Звонкій $\underset{o}{h}$ мы имѣемъ въ такихъ произношеніяхъ, какъ: to$\underset{o}{h}$dý = почти toγdý, но *γ* — звукъ *ротовой звонкій фрикативный заднеязычный.* (Срв. діалектич. вологод. „ковдá“, „товдá“ → „коўдá“, „тоўдá“ → „колды́“, „толды́“, объяснимые физіологически только изъ *фрикативныхъ*, *звонкихъ*, образуемыхъ во рту по перемѣщеніи изъ гортани).

Такимъ образомъ, *гортанные звуки*:

Взрывные	глухіе: ’ звонкіе: —
Фрикативные:	глухіе: h звонкіе: $\underset{o}{h}$.

Изъ предыдущаго ясно, что наша школьная грамматика и въ этомъ пунктѣ неправильно, ненаучно называетъ звуки *г*, *к*, *х* *гортанными*, такъ какъ эти звуки, какъ они звучатъ въ русскомъ литературномъ языкѣ („гора“, „колъ“, „ходъ“...), образуются во рту, а не въ гортани. Гортанные звуки ясно могутъ быть подмѣчены и разслышаны при разговорѣ, напр., армянъ, татаръ и друг. народовъ, имѣющихъ въ своей рѣчи много гортанныхъ звуковъ.

§ XI. *Ротовые звуки, т. е. образуемые въ полости рта. Гласные.* Какъ звуки гласные, такъ и звуки согласные, при своемъ изглашеніи, проходятъ черезъ одну и ту же среду, прежде, чѣмъ достигнуть слуха: именно, проходятъ черезъ по-

лость рта или полость носа. Въ полости носа звучащая струя воздуха не встрѣчаетъ на своемъ пути никакихъ преградъ, образуемыхъ какими-либо органами, лежащими внутри полости носа, такъ какъ въ этой полости нѣтъ органовъ рѣчи. Но полость рта, какъ мы знаемъ (см. выше), сама по себѣ служитъ мѣстомъ нахожденія органовъ рѣчи, какъ пассивныхъ, такъ и активныхъ (см. выше); относительно пассивныхъ органовъ активные артикулируютъ, т. е. занимаютъ то или другое положеніе, образуя тѣмъ самымъ въ полости рта различныя преграды для проходящей черезъ эту полость струи воздуха. Въ этихъ условіяхъ, т. е. въ условіяхъ прохожденія звучащей струи воздуха черезъ полость рта, получаются различные оттѣнки звука, гласнаго или согласнаго. Такъ какъ согласный звукъ и обусловливается по преимуществу этими условіями, т. е. артикуляціей органовъ рѣчи во рту, то *участіе органовъ, заложенныхъ въ полости рта, составляетъ самую природу согласнаго звука*; между тѣмъ какъ гласный звукъ, требуя *свободнаго прохода* черезъ полость рта (или носа), хотя и различается *по своимъ оттѣнкамъ* въ зависимости отъ положенія органовъ рѣчи въ полости рта, но *природу гласнаго звука составляютъ не эти органы рѣчи*, какъ при звукѣ согласномъ, когда эти органы рѣчи играютъ главную роль, *а фактъ свободнаго движенія звучащей струи воздуха*. Слѣдовательно, степень участія полости рта съ ея органами обусловливаетъ собой различіе гласнаго и согласнаго звука вообще. Выше (§ VI) мы видѣли, что *общее* дѣленіе гласныхъ звуковъ обусловлено:

а) *положеніемъ мягкаго неба*, при чемъ могутъ получиться или *чистые* гласные, или *носовые*. Носовые прежде были и въ русскомъ языкѣ, но уже въ памятникахъ XI-го вѣка мы видимъ признаки ихъ исчезновенія изъ произношенія. (Въ Остр. Ев. уже смѣшивается ǫ—ѫ съ оу и ę—ѧ съ ꙗ, а). Въ современномъ произношеніи носовые гласные слышатся, какъ звуки *индивидуальной* рѣчи, напр., кто произноситъ не „ко̀нка“, а „кǫва“; носовые звуки извѣстны въ произношеніи француз-

скихъ словъ у нашей старой аристократіи или старой интеллигенціи, учившейся прежде русскаго французскому языку. Срв. произношеніе: „фина́сы", „ша́сы", „ко́курс", „бала́сы" и проч. Срв. замѣчанія Пушкина о произношеніи Татьяной Лариной французскаго „*н*" въ „Евгеніи Онѣгинѣ". Въ послѣднемъ случаѣ такое произношеніе, конечно, можно назвать *классовымъ* русскимъ произношеніемъ. (См. мои труды: „Очеркъ исторіи русскаго литературнаго языка". Энциклопедія слав. фил. Вып. XII. Изданіе Ак. Наукъ. СПб. 1908 г. „Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII в. и начала XIX-го". Ж. М. Н. Пр. 1901, № 2 „Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина". Вып. I. Изд. Ак. Наукъ. СПб. 1901 и др.).

б) — *участіемъ губъ*. Въ зависимости отъ участія губъ гласные вообще могутъ быть *лабіализованными*: *о*, *у*; или *нелабіализованными*: *а*, *е*, *і*. Бо̀льшее или мѐньшее участіе губъ обусловливаетъ степень лабіализаціи звука (все равно — гласнаго или согласнаго): напр., звукъ *у* требуетъ образованія губной трубы, т. е. выдвиганія губъ впередъ особенно сильно; меньше—при звукѣ *о*; если мы произнесемъ звукъ *і* съ участіемъ губъ, т. е. выдвигая ихъ впередъ, то мы получимъ губные оттѣнки звука *і*: *ӥ*; напр., въ словѣ „надѣ́йсь" и т. п. Если мы произнесемъ съ участіемъ губъ звукъ *е*, то получимъ его губныя разновидности: *ӧ* и под. Напр., „Гёте" (произн. „Гӧ́те") и проч.

Выше мы видѣли лабіализацію и согласныхъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ. Вообще, можно сказать, что, если мы произносимъ какой-либо звукъ (гласный или согласный—безразлично), приближая укладъ органовъ рѣчи къ произношенію звука *у*, то мы этотъ звукъ *лабіализуемъ*; наоборотъ, если мы произносимъ какой-либо звукъ, приближая укладъ органовъ рѣчи къ произношенію звука *і* (небнаго, палатальнаго), то мы звукъ *палатализуемъ*.

в)—*положеніемъ нижней челюсти*. Въ зависимости отъ положенія нижней челюсти гласные вообще могутъ быть или

узкими, *закрытыми*, *напряженными*, при которыхъ нижняя челюсть приближена къ верхней и образуетъ вмѣстѣ съ послѣдней *узкій растворъ рта*, или *ротъ почти закрытый* при чемъ при произношеніи звука при такомъ укладѣ чувствуется мускульное напряженіе: напр., звуки: *і*, *е*, *й*, *ӧ* и проч. Если нижняя челюсть удалена отъ верхней, то ротъ *открытъ*, и тогда звуки получаются *широкіе*, *открытые* и *ненапряженные*, такъ какъ въ этомъ случаѣ при произношеніи звука почти не чувствуется напряженіе мускуловъ въ этихъ органахъ рѣчи. Напр., звуки: *а*, o^a, e^a и т. д. Этими обозначеніями мы выражаемъ, что звукъ *а* берется здѣсь какъ типичный *открытый* звукъ, хотя и онъ можетъ быть болѣе или менѣе открытъ въ зависимости отъ условій въ сосѣднихъ звукахъ, а, стало быть, въ самой артикуляціи. Сравнимъ, напр., произношеніе словъ: „мѣра" и „мѣрить", и мы на слухъ ясно опредѣлимъ, что звукъ *е* въ первомъ словѣ ближе стоитъ къ *а*, т. е. есть звукъ *е* открытый: e^a, а во второмъ словѣ—онъ ближе къ *і*, т. е. закрытый: e^i.

Такіе оттѣнки гласнаго *е* въ этихъ двухъ словахъ зависятъ отъ слѣдующаго за этимъ *е* согласнаго: въ словѣ „мѣра" онъ—твердый, а въ словѣ „мѣрить" мы имѣемъ *р* мягкое, и поэтому, языкъ, приспособляя свое положеніе къ произнесенію *палатальнаго*, *мягкаго*, *небнаго р*, сообщаетъ уже предшествующему гласному *е* болѣе палатальное произношеніе: это, такъ сказать, *предуготовленіе*, *предвосхищеніе* уклада слѣдующаго звука и отраженіе этого уклада на звукѣ предыдущемъ. Это своего рода *антиципація укладовъ*, или *ассимиляція звуковъ* по способу произношенія, — основной законъ звуковъ русской рѣчи, подмѣченный еще въ 50-хъ годахъ XIX-го ст. акад. Я. К. Гротомъ въ статьѣ, перепечатанной въ его „Филологическихъ Разысканіяхъ". Звукъ *е* въ словѣ „мѣра" сопровождается и меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ звукъ *е* въ словѣ „мѣрить". Академикъ Шахматовъ наблюдалъ въ Олонецкомъ произношеніи e^i, т. е. *е* закрытое, напряженное, въ положеніи этого *е* передъ твердымъ согласнымъ и слогомъ.

Такое *e* закрытое въ произношеніи Олончанъ соотвѣтствуетъ старому ѣ, откуда можно вывести заключеніе, что въ Олонецкомъ говорѣ еще сохранилось различіе между произношеніемъ *e* и *ѣ*, и это различіе ясно слышится въ положеніи звука *e* (ѣ) передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ: *мѣра*, *мѣлъ*, *пѣла*, *вѣра* и проч. Звукъ *ѣ*, выходитъ, здѣсь=звуку *e* закрытому. Этотъ *законъ ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ* обнаружился еще въ эпоху общерусскаго единства и, какъ я думаю, между прочими факторами обусловилъ отпаденіе русской вѣтви славянства. Въ силу этой ассимиляціи все слово русскаго языка какъ бы проникается общей идеей приспособленія каждаго звука слова къ его сосѣднему слѣдующему звуку: приспособленіе это въ способѣ артикуляціи звуковъ. Напр., сравните наше произношеніе слова „слѣдствіе" съ написаніемъ этого слова, и вы услышите, что мы произносимъ: ś́ĺèt'ś́t'v́ije, т. е. *всѣ звуки мягкіе, палатальные*; палатальность артикуляціи, т. е. приближеніе языка къ твердому переднему небу, обусловлена артикуляціей гласнаго *i*, который сообщилъ этотъ укладъ предшествующему звуку *v*, а этотъ—предшествующему звуку *t*, а этотъ—звуку *s* и т. д.—всѣ звуки проникнуты сравнительнымъ однообразіемъ артикуляціи. Такого рода ассимиляцію, кажется, надо считать однимъ изъ древнѣйшихъ и основныхъ отличій фонетики восточной славянской вѣтви.

Итакъ, *общее дѣленіе гласныхъ звуковъ*:

а) въ зависимости отъ положенія мягкаго неба: { чистые. носовые.

б) въ зависимости отъ положенія губъ: { лабіализованные. нелабіализованные.

в) въ зависимости отъ положенія нижней челюсти: { открытые. закрытые.

Теперь разсмотримъ, отчего зависитъ *частное дѣленіе гласныхъ звуковъ*, т. е. *специфическую окраску гласныхъ*, по которой эти звуки дѣлятся въ частности, а не вообще. Здѣсь играетъ главную роль самый подвижной органъ рѣчи—*языкъ*: въ зависимости *отъ положенія языка* гласные могутъ артикулироваться либо ближе къ заднему мягкому небу, и тогда они называются *гласные задняго ряда*; либо—ближе къ серединѣ неба, т. е. къ мѣсту соприкосновенія мягкаго и твердаго неба,—*гласные средняго ряда*; либо, наконецъ,—ближе къ переднему, твердому небу: *гласные передняго ряда*.

Итакъ, *частное дѣленіе гласныхъ*, въ зависимости отъ положенія языка:

А. Гласные задняго ряда: *а*, *о*, *у* (конечно, они, въ свою очередь, могутъ быть чистыми или носовыми, лабіализованными или нелабіализованными, открытыми или закрытыми. См. выше).

Б. Гласные средняго ряда: *ы* (въ русскомъ языкѣ только *ы* съ его оттѣнками согласно принципу *общаго* дѣленія гласныхъ. См. выше).

В. Гласные передняго ряда: *е*, *і* (такъ же съ разновидностями согласно принципу *общаго* дѣленія гласныхъ. См. выше).

Само собой разумѣется, что и по положенію языка гласные дѣлятся по существу такъ же, какъ согласные: если языкъ приближается своей спинкой къ заднему небу, то звукъ будетъ—задняго ряда, или заднеязычный, или задненебный, или мягконебный и т. д. Терминомъ „задній рядъ" и проч. мы обозначаемъ лишь то, что *въ природѣ гласнаго звука* главную роль играетъ *не органъ рѣчи*, а мѣсто образованія, а терминомъ „заднеязычный" или „задненебный" мы обозначаемъ, что *въ природѣ согласнаго звука* играетъ главную роль *органъ рѣчи*, относительно котораго артикулируетъ

языкъ, или *органъ рѣчи*, артикулирующій своимъ движеніемъ данный звукъ. Различіе въ этихъ терминахъ имѣетъ лишь въ виду научную точность опредѣленія класса гласныхъ и класса согласныхъ звуковъ.

§ XII. *Ротовые звуки, т. е. образуемые въ полости рта. Согласные.* Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣнные нами факторы: *мѣсто образованія* (гортань и ротъ), *способъ образованія* (полный и неполный затворъ, т. е. взрывъ и треніе), *участіе голоса* (звонкіе и глухіе звуки), мы и здѣсь будемъ слѣдить *за положеніемъ языка* и при этомъ обратимъ вниманіе *на органы рѣчи,* такъ или иначе комбинирующіе свои работы съ работой языка. Такимъ образомъ, не забывая, что согласные, какъ и гласные, могутъ образовываться и въ гортани, и во рту, мы займемся только *ротовыми,* такъ какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ нѣтъ гортанныхъ согласныхъ (см. однако выше). Далѣе, не забывая, что согласные вообще могутъ быть *взрывными* и *фрикативными*, *звонкими* и *глухими*, мы будемъ теперь разсматривать *согласные по органамъ произношенія во рту* (см. таблицу на стр. 106).

Примѣчаніе I. Въ этой таблицѣ помѣщены звуки не только *литературнаго* русскаго языка, но и діалектическіе для полноты и указанія того, какъ артикуляція звуковъ служитъ факторомъ діалектическаго развитія звуковъ языка. Напр., въ произношеніи: „к этому“, „к избѣ“ мы имѣемъ *к* среднеязычное. Вообще, въ предлогѣ „къ“ передъ слѣдующимъ гласнымъ передняго ряда: это произношеніе литературное. Въ словахъ же: „кинь“, „гибкій“, „верьхь“, „кнеȷіня“ мы имѣемъ *к*, *г*, *х*, *ȷ*—переднеязычные—тоже въ литературномъ русскомъ языкѣ. Въ словахъ: тина, день, сѣть, зять, а также въ малорусскомъ произношеніи словъ: жинка, шість мы имѣемъ звуки: *т*, *д*, *с*, *з*, *ш*, *ж*—зубно-небные смягченные.

Согласные по органамъ произношенія.

		Взрывные		Фрикат.		
		Глух.	Звонк.	Глух.	Звонк.	
А. Язычные:	Заднеязычные:	к,	г,	х,	γ	(въ сочетаніи съ гласными передняго ряда).
	Среднеязычные:	к̇,	г̇,	ẋ,	γ̇	
	Переднеязычные:	к',	г',	х',	j	
	Зубно-небные:	t',	d',	s',	z', š́, ž́	(смягченные).
	Альвеолярные:			ṣ,	ẓ, š, ž	
	Зазубные:	t,	d,	s,	z	
	Межзубные:					
	Церебральные (какуминальные):			ṭ,	ḍ	(въ индивид. произношеніи).
Б. Губные:	Губно-губные (билабіальные):	п,	б,	φ,	w	(послѣдніе два діалектически извѣстны).
		Взрывные				
	Губно-зубные:	ф,	в			
		Фрикативные.				

Примѣчаніе II. Въ словахъ же: малор. сила, зима, рус.-литер. шумъ, жукъ и проч. мы имѣемъ звуки альвеолярные. Звуковъ межзубныхъ пока въ рус. яз. не найдено, а звуки церебральные, или какуминальные (лат. cacumen), ṭ и ḍ имѣются въ діалектахъ рус. яз., между прочимъ, звукъ ḍ найденъ мною въ произношеніи γaspaḍín (=почти „ды“) въ Тульск. губ., Новосильск. у. Звуки зазубные имѣются въ рус. литер. произношеніи: тонкій, дубъ, самъ, заря и проч.—*т*, *д*, *с*, *з*. Вообще, русскіе *т*, *д*, *с*, *з*—звуки зазубные.

Звуки: зубнонебные, альвеолярные, зазубные, (межзубные), церебральные обозначены въ таблицѣ лат. буквами, такъ какъ они выходятъ изъ области названія „язычные“, хотя при нихъ и *артикулируетъ языкъ* или относительно переднихъ верхнихъ зубовъ и соотвѣтствующей, прилегающей части твердаго передняго неба, или относительно альвеолъ, т.-е. той части верхнихъ десенъ, гдѣ вростаютъ передніе зубы, или, наконецъ, относительно зубовъ, къ которымъ съ внутренней стороны прикасается кончикъ языка, или просовывается межъ верхними и нижними зубами, или, наконецъ, загибается кверху передней своей частью („церебральные“).

Звуки губные: рус.-литер.: попъ (*п* — глухой взрывной билабіальный), бобъ (*б*—звонкій взрывной билабіальный); діалектическіе звуки билабіальные: глухой—*φ*—взрывной и звонкій—w—взрывной обозначены нами греческой буквой (*φ*) и англійской (w) и извѣстны въ рус. говорахъ: *φ*óрост=хворостъ и wдова=почти ўдовá. Наши литературные *ф* и *в*: фунтъ, водка и проч.—имѣютъ губно-зубные *ф* и *в* фрикативные, изъ которыхъ *ф* — глухой, а *в* — звонкій.

Звуки: γ, γ̇ и j обозначены греч. и лат. буквами, такъ какъ въ русскомъ алфавитѣ не имѣется соотвѣтствующихъ буквъ, а между тѣмъ рус.-литер. „благо“ имѣетъ γ — заднеязычный звонкій фрикативный; рус.-литер. „боги“ — γ̇ — среднеязычный звонкій фрикативный, а рус.-литер. „jихъ“ — j — переднеязычный звонкій фрикативный. Надо также различать три артикуляціи для каждаго изъ звуковъ *к*, *г* и *х* въ русскомъ литературномъ произношеніи: три *к*: *котъ* и под., *к* этому и под. и *кинь* и под. (въ таблицѣ: *к*, *к̇*, *к'*); три *г*: *годъ* и под., „*итȯг* э̇тъва“ и под., *гибель* и под. (въ таблицѣ: *г*, *ġ*, *г'*); и три *х*: *холмъ* и под., „*их* э̇ти причуды“ и под., *хилый* и под. (въ таблицѣ: *х*, *ẋ*, *х'*).

Разсмотрѣвши эту таблицу ротовыхъ согласныхъ звуковъ, мы видимъ, что малѣйшее перемѣщеніе мѣста артикуляціи или видоизмѣненіе способа артикуляціи вліяетъ на качественное измѣненіе звука: измѣняется качество звука, его характеръ, его окраска. Это же можно видѣть и на другихъ таблицахъ звуковъ и гортанныхъ и гласныхъ звуковъ. А такъ какъ характеръ звука, зависящій отъ его артикуляціи, составляетъ *звуковую физіономію* языка, т.-е. всю его внѣшнюю сторону, то звуковыя различія языковъ въ сущности сводятся къ различію артикуляцій звуковъ. Само собой разумѣется, что мы далеко не всѣ звуки перебрали въ своихъ таблицахъ выше: многіе звуки должны еще найтись въ русскихъ діалектахъ при ихъ дальнѣйшемъ изученіи и наблюденіи, и чѣмъ полнѣе представлена звуковая система языка въ его нарѣчіяхъ, тѣмъ нагляднѣе видны процессы распаденія языка на нарѣчія, нарѣчій на говоры, вліяніе индивидуальныхъ звуковыхъ образованій и, наконецъ, тѣмъ яснѣе представляется неизбѣжность звуковыхъ варьяцій, отражающихъ самую жизнь языка въ устахъ говорящаго на немъ народа. При физіологическомъ изученіи звуковъ

языка становится также понятнымъ то обстоятельство, что, чѣмъ сложнѣе и многолюднѣе племя, нація, общество, общественная группа, тѣмъ болѣе задатковъ своего распаденія носитъ въ себѣ языкъ этого племени-группы, его органъ духовнаго общенія. Наконецъ, при изученіи *въ деталяхъ* самой артикуляціи звуковъ даннаго языка становится понятной связь звуковыхъ сочетаній съ дифференціаціей значеній словъ и съ неизбѣжностью самой этой дифференціаціи. Поэтому для уясненія процессовъ жизни языка, для изученія его исторіи во всемъ объемѣ, необходимо прежде всего детально изучить внѣшнюю сторону языка во всемъ разнообразіи его нарѣчій, и тогда представится картина звуковыхъ отношеній даннаго языка къ его потомкамъ, т.-е. къ его нарѣчіямъ, образовавшимся по его распаденіи, и къ его предкамъ, среди которыхъ онъ самъ въ своемъ быломъ единствѣ, до распаденія, представлялъ одно изъ нарѣчій общаго праязыка, напримѣръ, общеславянскаго.

§ XIII. *Таблицы гласныхъ и согласныхъ звуковъ русскаго языка и знаки для нихъ.* Прежде, чѣмъ изобразить наглядно въ таблицѣ звуки русскаго языка, необходимо сказать, что представленное нами выше какъ *общее* дѣленіе гласныхъ, такъ и *частное* ихъ дѣленіе, имѣло въ виду и въ классѣ гласныхъ, и въ классѣ согласныхъ звуковъ, дать лишь самое общее понятіе о физіологическихъ факторахъ измѣненія звуковъ и намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ мѣста артикуляціи звуковъ. Собственно говоря, звуковъ въ каждомъ живомъ языкѣ такое большое количество, что всѣ ихъ дать въ таблицѣ очень трудно, да и не всѣ можно точно-физіологически опредѣлить; отсюда ясно, что вообще не можетъ быть такой системы буквенныхъ знаковъ (такой азбуки), которая бы могла претендовать на исчерпывающую полноту и точность въ письменномъ изображеніи всѣхъ слышимыхъ звуковъ живого разговорнаго языка со всѣми разновидностями въ произношеніи отдѣльныхъ индивидуумовъ. А между тѣмъ въ процессѣ звукового пере-

рожденія языка во времени и звукового видоизмѣненія на всемъ пространствѣ слышимаго языка даннаго народа играютъ роль, именно, всѣ мельчайшіе оттѣнки въ характерѣ звуковъ, такъ какъ эти оттѣнки уясняютъ намъ способъ образованія звуковъ и дѣлаютъ понятными такіе звуковые переходы, которые безъ изученія всѣхъ звуковыхъ оттѣнковъ остались бы непонятными, какъ прежде, въ періодъ донаучной лингвистики, до физіологическаго и психологическаго изученія языка, и было: довольствовались заявленіемъ, что такой-то звукъ перешелъ въ такой-то, а *какъ* оказался возможенъ этотъ переходъ и *почему*, именно, этотъ переходъ могъ оказаться возможнымъ, до этого наука не доходила еще и въ 80-хъ годахъ XIX-го столѣтія. Напр., извѣстная надпись анა рънна (Anna regina) дочери Ярослава Мудраго, бывшей замужемъ за Францискомъ I, на монетѣ, не могла быть осмыслена безъ знанія физіологіи произношенія g=γ, γ=j и безъ знанія соотношенія между др.-русской графикой и живыми звуками русскаго языка въ его нарѣчіяхъ (въ частности, въ южно-русскомъ нарѣчіи). Срв. древн.-моск. *книгиня* или современное ю.-в.-р. „ноjи"= ноги и под.

Равнымъ образомъ, обозначая звуки по рядамъ: задняго ряда, средняго и передняго, мы не вдавались въ подробности, а между тѣмъ скàла звуковъ очень велика: между заднимъ и среднимъ рядомъ возможно образованіе *задне-средняго ряда*, если спинка языка приподнимается не въ задней части неба и не въ серединѣ его, а въ промежуточной области, то ближе къ заду: тогда можетъ получиться звукъ *задне-задне-средній*, то ближе къ серединѣ—*средне-средне-задній* и под. И этого мало: мы считаемся *не только съ мѣстомъ* поднятія спинки языка къ небу (мягкому или твердому), *но и со степенью* поднятія: такъ, звукъ можетъ быть *верхнимъ* во всѣхъ рядахъ, *среднимъ* во всѣхъ рядахъ и *низкимъ* во всѣхъ рядахъ въ зависимости отъ того, *насколько* приближена спинка языка къ соотвѣтствующему мѣсту соотвѣтственной части неба.

Нагляднѣе можно выразиться такъ, что звуки допускаютъ дѣленіе во рту *горизонтальное* (если возьмемъ все протяженіе языка, спокойно лежащаго въ области нижней челюсти и будемъ слѣдить, какая часть языка, задняя-ли, средняя-ли, или передняя, ближайшая къ переднимъ зубамъ, выгибается и приподнимается къ небу) и *вертикальное* (если будемъ слѣдить за степенью выгиба и поднятія языка къ соотвѣтствующей части неба). (См. таблицу на стр. 112—113).

Примѣчаніе. Звуки *ы* съ ихъ оттѣнками вообще образуются въ *среднемъ* ряду при *верхнемъ* приближеніи: это—рус. литературное *ы*. Греческой буквой *α* обозначенъ звукъ *неполнаго* образованія относительно качества послѣ твердой согласной: его мы слышимъ въ первомъ слогѣ слова „*хорошó*" въ литер. произношеніи. Знакомъ ^ надъ буквой обозначено напряженное произношеніе. Въ рус. языкѣ *напряженные* гласные слѣдующіе: *ê* въ положеніи передъ слѣдующей мягкой согласной; *і*, *ы*, *у*—подъ удареніемъ; *а* и *о* въ положеніи передъ или послѣ *л* твердаго (см. таблицу на стр. 114).

Объясненіе. Въ этой таблицѣ согласныхъ звуковъ русскаго языка необходимы слѣдующія поясненія:

1) Всѣ буквы взяты или изъ лат., или изъ греч., или изъ англійскаго (w) алфавитовъ, такъ какъ изображеніями иностранныхъ буквъ вызываются болѣе точныя произношенія, не сбивающіяся на произношенія привычнаго русскаго литературнаго языка.

2) Апострофами (запятой сверху буквы) обозначены въ таблицѣ смягченныя (палатальныя) произношенія.

3) Такъ какъ въ классахъ зубно - небныхъ и средне-небныхъ звуковъ отъ ихъ палатализаціи за-

Таблица гла

		Задній рядъ.		Задне-средній рядъ.	
		Ненапряж.	Напряж.	Ненапряж.	Напряж.
Нелабіализованные	*Верхнее* приближеніе языка	х[о]рошо́ α	ст[а]рика α̂'	шить ы[1]	мы́ло ы̂
	Среднее приближеніе языка		мыти (угрорус.) ы̂		
	Низкое приближеніе языка	насъ даръ станъ а	лапа балъ сталъ â		
Лабіализованные	*Верхнее* приближеніе языка	кусо́къ у	лу́къ у́же ŷ		
	Среднее приближеніе языка	тотъ воскъ носъ о	полъ волъ лобъ ô		
	Низкое приближеніе языка	па°па (петрозав.) а°			

ныхъ звуковъ.

Средній рядъ.		Передне-средній рядъ.		Передній рядъ.	
Ненапряж.	Напряж.	Ненапряж.	Напряж.	Ненапряж.	Напряж.
сынóк ы^{2}	сын ы̂^{2}	сын (укр.) ы^{3}	шыття́ (укр.) ы̂^{3}	зна́[е]тъ і	си́ла î
шыᵉя (укр.) ыᵉ	сляпэ^{ы}й (бѣлор.) э̂^{ы}			э́тотъ вѣ́ра лѣ́с е	э́ти вѣ́рить ле́сть ê
да̀вь ба̀тя́ з'ац' (блр.) а̀	вз'ал м'ал а̂			źät' d'äd'a p'ät' } св.-влкр. ä	
станавлю́сь сте́лютъ бью́тъ у̀	чу́чело щу́чій у̂			стара́юсь люби́ть ü	даю́ть (ювлр.) лю́бишь ü̂
т'о̀мный лиц'о́ (вологод.) о̀	в'о́л о̂			т'о́тя пьjоть (ювр.) ö	мо̂ју ро̂ју (жиздр.) ö̂
				коп'ö^{а}к (=копеекъ) (петрозав.) ö^{а}	

виситъ перемѣщеніе самаго мѣста образованія звуковъ, какъ показываютъ и самыя названія этихъ классовъ, то въ таблицѣ помѣщены смягченные и несмягченные этихъ классовъ въ разныхъ рубрикахъ.

4) Какуминальные (церебральные) звуки обозначены точкою внизу (см. примѣры выше).

5) Средне-небные звуки обозначены точкою сверху буквы.

6) Знаками: s^2, z^2 обозначены полумягкіе (особые) *s* и *z*. Они извѣстны въ малорусскихъ діалектахъ.

7) Буквою ŋ' и ŋ обозначаются звуки n въ положеніи передъ звуками k' и k (см. выше). См. также § XVI.

8) Какуминальные звуки, поставленные въ скобкахъ, не доказаны фактами русскаго языка.

9) Греч. буква *ψ* есть особый губно-губной звукъ „r“, который слышится при призывѣ коровы: „*ψ*усѐнь“.

10) Буква *r̰* означаетъ „дрожащій“ *r*. См. его физіологію выше.

11) Особаго объясненія требуютъ термины: *фаукальные звуки* и *аффрикаты*.

§ XIV. *Фаукальные звуки.* Сочетаніе звуковъ губно-губныхъ шумныхъ взрывныхъ *съ носовыми* этого же класса, а равно сочетаніе зазубныхъ шумныхъ взрывныхъ *съ носовыми* этого же класса при изглашеніи производятъ *взрывъ не въ полости рта, а въ полости зѣва.* Причина этого—опущеніе мягкаго неба (небной занавѣски — velum palati) и, слѣдовательно, разобщеніе полости рта съ полостью носа и полостью зѣва, которыя остаются сообщенными. Такъ какъ *фаукальные*

Таблица согласныхъ звуковъ (шумныхъ и сонорныхъ).

			Губные		Я з ы ч н ы е								Фау-кальные	Гортанные
			Губно-губные	Губно-зубные	Межзубные	Зазубные	Альвеолярные	Какуминальные	Зубно-небные смягч.	Средне-неб. смягч.	Средне-небные несмягч.	Задне-небные		
Шумные	Взрывные	Глухіе	p p'			t		ṭ	t'	k'	k̇	k	t(n) p(m)	σ
		Звонкіе	b b'			d		ḍ	d'	g'	ġ	g	d(n) b(m)	
	Фрикативн.	Глухіе	φφ'	f f'		s	š s²	ṣ̌ṣ	s' ś̌	x'	ẋ	x		h
		Звонкіе	ww'	v v'		z	ž z²	ẓ̌ẓ	z' ź̌	j	γ̇	γ		h̥
Сонорные	Носовые		mm'			n		(ṇ)		ŋ		ŋ		
	Плавные	Звуки „l“				l ł		(ḷ)						
		Звуки „r“	ψ				r	(ṛ)				r̰		
	Аффрикаты	Глухіе				c	č		c'					
		Звонкіе				ʒ	ǯ		ʒ'					

(лат. faux=зѣвъ) звуки получаются при сочетаніи *съ носовыми* (m или n), то перемѣна направленія звучащей струи воздуха изъ полости рта при губно-губныхъ шумныхъ взрывныхъ и при зазубныхъ шумныхъ взрывныхъ въ полость носа сопровождается взрывомъ по дорогѣ въ полость носа, именно, въ полости зѣва. Вслѣдствіе этой особенности по мѣсту взрыва фаукальные звуки получаютъ особую окраску, и этой особенностью объясняются многія явленія фонетики русскихъ нарѣчій. Напр., извѣстно, что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи смягченное *д* пріобрѣтаетъ соотвѣтственный съ точки зрѣнія участія голоса свистящій оттѣнокъ, т.-е. произносится *д'з'*: „дзень" (ʒ'ен'), дзѣло (ʒ'е^aло) и под. А смягченное *т* соотвѣтственно этому произносится въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ: *т'с'=ц'*, т.-е. получаются *слитные звуки* или *аффрикаты* (см. ниже): *дз* и *ц*. Далѣе, извѣстно (см. выше), что *въ силу закона полной ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ* форма род. п. ед. ч. „дня" должна произноситься въ русскомъ литературномъ языкѣ съ мягкими согласными *д* и *н*, т.-е. *д'н'а*, такъ какъ род. п. „дня" имѣетъ мягкое *н*, мягкость котораго сообщается и стоящему рядомъ съ „*н'*" звуку *д*. (Мягкость звука „н" въ род. п. „дня" обозначена въ нашей орѳографіи буквою „я", которая, какъ извѣстно, условно изображаетъ мягкость предшествующаго согласнаго, послѣ котораго стоитъ). Соотвѣтственно сказанному выше о діалектической особенности мягкихъ звуковъ *д* и *т* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи мы ожидали бы, на основаніи только что изложеннаго закона ассимиляціи, въ бѣлорусскомъ слышать: ʒ'н'а (д'з'н'а), однако мы этого здѣсь не имѣемъ, а, вопреки закону, звукъ *д* остается твердымъ, хотя слѣдующій за нимъ звукъ *н*—мягкій: дн'а. Такое же произношеніе извѣстно и въ нарѣчіяхъ великорусскаго языка. Мы беремъ однако для примѣра только блр. произношеніе, такъ какъ въ немъ, вслѣдствіе *особаго* характера смягченія *д*, это смягченіе ясно слышится въ *свистящемъ* звукѣ *з'*. Отчего же здѣсь въ формѣ „дня" не происходитъ смягченія звука *д*? Отчего не произносится въ бѣлорусскомъ д'з'н'а? Оттого, что сочетаніе звуковъ

„дн" произносится съ фаукальной артикуляціей, т.-е. *взрывъ происходитъ до перехода звучащей струи воздуха въ полость носа непосредственно послѣ д, между д и слѣдующимъ н'*: получается какъ бы произношеніе „д*а*н'ă (или: дън'а, или дн̆'а), причемъ буква *α* (греч. альфа, или ъ, или ӗ) означаетъ промежуточный звукъ неполнаго образованія („Gleitlaut"), облегчающій переходъ одной артикуляціи (ротовой) въ другую (носовую), и появляющійся, въ силу физіологической необходимости, какъ спутникъ такого перехода артикуляціи. То же слѣдуетъ сказать о произношеніи сочетаній: „тн", „пм", „бм"; напр., въ словѣ: „обмѣнъ" произн. какъ бы: ăб*α*м'ѐн, „стōп машы́нă", „хōт назáт" и под. Вѣроятно, этимъ же физіологическимъ процессомъ должно объяснить произношеніе сѣверно-великорусскаго „нн" вм. „дн", „мм" вм. „бм": онна́ = одна́; ла́нно = ладно; омма́н = обманъ; óммŏрŏк = обморокъ и под. Въ этихъ и подобныхъ произношеніяхъ ассимиляція по мѣсту образованія звуковъ и по органамъ произношенія обусловлена стремленіемъ облегчить трудную смѣну разнородныхъ артикуляцій, при которой должны получиться, безъ этого облегченія, *рѣдкіе* вообще въ русскомъ языкѣ *фаукальные* звуки.

§ XV. ***Аффрикаты.*** Аффрикатой называется тотъ звукъ, который получается *при соединеніи взрывного съ соотвѣтствующимъ ему по мѣсту образованія фрикативнымъ*. Такимъ образомъ, *аффриката есть слитная согласная*, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ согласныхъ, приведенныхъ въ таблицѣ. (См. таблицу согласныхъ звуковъ). Однако аффрикату, какъ *слитную* согласную, надо отличать отъ группы согласныхъ, такъ какъ аффриката происходитъ вслѣдствіе *сліянія* звуковъ, а не вслѣдствіе сочетанія, которое даетъ лишь группу. Сліяніе же звуковъ, т.-е. аффриката, характеризуется тѣмъ, что первый изъ сливающихся звуковъ, *взрывной*, *произносится съ ослáбленной артикуляціей, т.-е. редуцируется относительно силы произношенія.* Аффрикаты въ русскомъ языкѣ слѣдующія: *ц* (въ табл. *c*=t+s) и *ц'* (*c'*): напр.: „ку-

пец“ и діалектически, а также въ древне-русскомъ: „куп’ец’“; коупьць. Далѣе, — *дз* (въ табл. ʐ = d + z) и *д’з’* (ʐ’): напр., млр. дзвін, дзмій, блр. дзвѣ, дзень. Далѣе, — *ч* (въ табл. č = = t + š) и *ч’* (č): напр., блр. час, казанск. чыст*аj* (свіяжск.), моск. чяс, ночь. Далѣе, — *дж* (въ табл. ǯ=d+ž) и *д’ж’* (ǯ): напр., млр. джэрэло́ (=жерло), млр. выходжу, роджу и род’ж’у и проч. Стало быть, аффрикаты русскаго языка суть: ц, дз, ч, дж и ц’, д’з’, ч’, д’ж’, изъ которыхъ въ русскомъ *литературномъ* языкѣ извѣстны только *ц* и *ч*, какъ звуки, способные начинать собою слова въ абсолютномъ началѣ слова; аффрикаты же *дз*, *дж* могутъ появляться въ литературномъ произношеніи лишь въ словосочетаніяхъ: „аве́ц было мно́го“ въ произношеніи=„ав’е́дз бы́лă мно́гă“; или: „печь была́ здѣсь“=въ произношеніи: „п’ед’ж’ была́ з’д’е́с’“.

§ XVI. *Дополнительныя замѣчанія о сонорныхъ звукахъ.* Сонорные звуки: r, l, m, n *при отсутствіи голоса* образуютъ шумные, фрикативные, *глухіе* звуки. Такъ, слова: „ро́тмистр“, „мини́стр“, „маги́стр“, „це́нтр“ и под. мы произносимъ съ глухимъ, полушепотнымъ *р* въ концѣ; глухость такого *р* въ индивидуальномъ произношеніи доходитъ до полной *неслышности* его: „ро́тмист“, „мини́ст“, „маги́ст“, „це́нт“ и под. Срв. „цэнтта́жьс’т’и—въ индивидуальномъ произношеніи. Такъ же: „дряхл“, „затхл“ и под. произносятся съ глухимъ *л* въ концѣ; „драхм“, „чухн“ (=чухонцевъ—род. п. мн. ч.) имѣютъ въ произношеніи глухіе *м* и *н*. Такимъ образомъ, и сонорные-голосовые звуки въ извѣстномъ положеніи могутъ становиться *безголосыми*. Изъ носовыхъ звуковъ мы различаемъ *четыре*: *задненебное* ŋ, которое требуетъ такой же артикуляціи, какъ при звукахъ *k* и *g*: языкъ принимаетъ положеніе *k* или *g*, а звучащая струя проходитъ въ носовую полость: угрорус. aŋhel, новогруд. žoŋka, индивид. koŋka и проч. *Средненебное* ŋ’: блр. gałeŋ’z’o; *зазубное n* съ артикуляціей, какъ при *t* и *d*: nas, nos... *Губное m* съ артикуляціей,

какъ при *p* и *b*: most, mucha, masła... Изъ плавныхъ звуковъ мы различаемъ *три разновидности звука l* и *три разновидности звука r*: веляризованный ł, невеляризованный несмягченный *l* (зап.-европ. *l*) и невеляризованный смягченный *l'*. Веляризованный ł—это тотъ, который мы слышимъ въ словахъ: лапа, лоно, лукъ, лыко, лыжи, лужа, луна, ломъ и под. „Веляризованный“, какъ физіологическій терминъ, обозначаетъ произношеніе, въ которомъ участвуетъ мягкое небо своимъ конечнымъ отросткомъ, спускающимся и подымающимся (velum palati=небная занавѣска. См. выше § XIV и Отдѣлъ II. гл. V. § I). Артикулируется веляризованный ł такъ: передній край языка образуетъ *полный затворъ* съ соотвѣтствующей частью твердаго неба, а средняя часть языка оттягивается отъ боковыхъ зубовъ и тѣмъ образуетъ свободный боковой проходъ для звучащей струи воздуха. Невеляризованный несмягченный *l* (западноевропейскій) мы имѣемъ діалектически въ украинскихъ говорахъ въ положеніи передъ и послѣ *e*, *i*, *ы*: ležaty, ližko, bilše, tilko, sylnyj... Также въ ю.-вр. говорахъ Новосильск. у. Тульск. губерніи. Невеляризованный *смягченный l'* мы имѣемъ въ словахъ: лѣсъ, листъ, лютый, соль, лѣнь, ледъ, лесть, лягва и под. Звукъ *l* (всѣхъ видовъ) можетъ быть и *безголосымъ*: тёплъ, рубль. Срв. великор. народное: руп', кора́п', гдѣ безголосое *l'* совсѣмъ не слышно въ произношеніи. (Срв. выше произношенія: „цент“, съ безголосымъ, неслышнымъ *r*).

Три разновидности звука *r* слѣдующія: *задненебный r*, называемый по участію въ произношеніи „язычка“, т.-е. того отростка мягкаго неба, который обыкновенно спускаясь виситъ и заслоняетъ область зѣва, *„увулярнымъ r“* (лат. uvula=язычекъ, соб. „виноградинка“). Этотъ *r* извѣстенъ въ индивидуальномъ произношеніи: при произношеніи этого *r* спинка языка почти прикасается къ заднему небу, а „язычекъ“ дрожитъ. (См. въ табл. *r̯*). *Передненебный r*: спинка языка касается альвеолъ или верхнихъ переднихъ десенъ, а кончикъ языка дрожитъ. Возможенъ *r* и безъ дрожанія кончика языка. *Губ-*

ной r (табл. греч. буква ψ): губы дѣлаютъ затворъ и дрожаніемъ пропускаютъ наружу звучащую струю воздуха; примѣры см. въ „Объясненіи“ таблицы—выше.

§ XVII. *Палатализованные (смягченные) и лабіализованные согласные.* Согласные средненебные, передненебные и губные возможны и при поднятіи языка въ его серединѣ къ твердому небу, т.-е. при такомъ положеніи языка, при которомъ произносится гласный *i* и *e*. При этомъ, если звукъ приближается къ *i* (т.-е. укладъ органовъ рѣчи приближается къ укладу при звукѣ *i*), то *смягченіе бываетъ полнымъ*: такъ, палатализованное, смягченное *p*, *t*, *k*, и т. д. *съ полнымъ смягченіемъ* изображается въ фонетическомъ письмѣ (въ фонетической транскрипціи) такъ: p^i, t^i, k^i и т. д., а звукъ палатализованный, по *не съ полнымъ смягченіемъ*—такъ: p^e, t^e, k^e и т. д. Срв. „в э́тъм“, но: „вить“; „к э́тъму“, но: „кинуть“ и проч. Такимъ образомъ, *небная* артикуляція вообще называется *палатальной*, отъ лат. palatum=небо. Съ другой стороны, всѣ согласные могутъ сопровождаться кольцеобразнымъ выдвиганіемъ губъ впередъ, такъ, какъ это дѣлается при произношеніи гласныхъ *u* (у) и *o*. Согласные съ такимъ произношеніемъ называются *лабіализованными* (лат. labium = губа). Такимъ образомъ, ясно, что самъ по себѣ укладъ органовъ рѣчи не характеризуетъ гласнаго и согласнаго звука, между которыми *по существу* нѣтъ разницы, такъ какъ и гласные, и согласные могутъ быть палатальными и лабіализованными; гласные и согласные могутъ быть и слоговыми, и неслоговыми. Единственнымъ критеріемъ гласнаго остается *свободный* проходъ звучащей струи воздуха и *минимальное участіе органовъ рѣчи*, заложенныхъ въ полости рта. Въ Московскомъ говорѣ указаны лабіализованные согласные *x* въ сочетаніяхъ: *xo*, *xy*. Въ Вологодской губ., въ Тотем. уѣздѣ извѣстно произношеніе: k^uôt, dv^uôr (=котъ, дворъ) съ *k* и *v* лабіализованными. Въ блр. говорѣ и юврю (Рузскаго у. Моск. губ.) извѣстно p^u и m^u въ про-

изношеніяхъ: p^{a}*α*łsapošk'i (=полсапóжки), m^{a}*α*žučok (=мужичекъ).

§ XVIII. *Понятіе о количествѣ звука. Звукосочетаніе. Количествомъ* звука мы называемъ *краткость* или *долготу* его въ произношеніи; точнѣе говоря, подъ количествомъ звука рѣчи мы разумѣемъ то время, которое потребно для произнесенія данааго звука въ данныхъ условіяхъ рѣчи. При этомъ *нормальной единицей времени* служитъ тотъ минимумъ, который необходимъ для *отчетливаго* прознесенія звука рѣчи въ *ударяемомъ* слогѣ *при нормальномъ темпѣ самой рѣчи.* Отсюда ясно, что можетъ быть и замедленная рѣчь противъ нормы, и ускоренная сравнительно съ нормальной. Въ такой рѣчи и темпъ будетъ ускоренъ или замедленъ, а потому и количество ударяемаго звука будетъ уклоняться отъ нормальной единицы времени: ударяемый звукъ будетъ короче или длиннѣе нормальнаго. *Нормальная долгота звука* считается тогда, когда звукъ произносится *въ полтора раза дольше* соотвѣтствующаго ему краткаго звука. Такимъ образомъ, если, примѣрно, нормальный краткій звукъ—ударяемый гласный или неударяемый—произносится въ одну секунду, то нормальный долгій соотвѣтствующій звукъ произносится въ полторы секунды и т. п. *Ударяемый гласный,* требующій минимума времени при отчетливомъ произношеніи и нормальномъ темпѣ рѣчи, *признается краткимъ.* Эти краткіе звуки въ слогахъ слабо ударяемыхъ или вовсе неударяемыхъ, а также при ускоренномъ темпѣ рѣчи, могутъ становиться *полукраткими* и *очень краткими.* Возможна и *полудолгота* звука и *чрезвычайная долгота* сравнительно съ нормой, указанной выше. *Долгими* могутъ быть и гласные и согласные. *Долгота гласнаго звука или долгота согласнаго звука* (конечно, только фрикативнаго и сонорнаго) *выражается болѣе продолжительнымъ,* сравнительно съ соотвѣтствующимъ краткимъ звукомъ, *звучаніемъ голоса или шума,* а *долгота взрывной согласной* (т.-е. взрыв-

ного согласнаго звука) *выражается болѣе продолжительной паузой передъ взрывомъ.* Долгій гласный и долгій согласный мы обозначаемъ соотвѣтствующей буквой со знакомъ долготы надъ ней, а краткій — со знакомъ краткости: ā, s̄, z̄, r̄, l̄ и проч. — долгіе звуки фрикативные и сонорные согласные, а также—гласный и т. п. Знакъ t̄, d̄ и под. означаютъ долгіе взрывные согласные t и d. Такъ, напр., по произношенію такихъ словъ, какъ: „бу́дто", „пору́чикъ", „про́чій" слышно, что въ нихъ мы произно́симъ ударяемые гласные (у, о) *очень кратко,* но зато непосредственно послѣ этихъ краткихъ гласныхъ мы дѣлаемъ болѣе продолжительную паузу передъ самымъ взрывомъ, необходимымъ для произнесенія слѣдующаго t; поэтому акустическое впечатлѣніе получается такое, какъ будто мы произносимъ во всѣхъ этихъ трехъ словахъ двойное t (tt) послѣ ударенія. Дѣйствительно, мы произносимъ: bŭ́tta (bŭ́t̄a), parŭ́t̄šik, prŏ́t̄šij. Въ данномъ случаѣ, чтобы убѣдиться, что литературное русское произношеніе этихъ словъ дѣйствительно таково, стоитъ только вспомнить наше старое правописаніе, проникавшее даже въ школу черезъ „учебники русскаго языка" въ 60—70-хъ годахъ XIX-го столѣтія, а равно—обратить вниманіе на наши старыя печатныя книги (журналы, альманахи, сборники и собранія сочиненій нашихъ писателей) конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка: здѣсь вездѣ мы увидимъ начертанія: „*порутчикъ*" (см. объ этомъ словѣ у *Я. К. Грота*: „Филологич. Разысканія" и у *Ѳ. И. Буслаева*: „Историческая грамматика"... и „Учебникъ русской грамматики"...), „*протчій*", „*лутче*" и проч. Слово „*бутто*" тоже писалось нерѣдко черезъ два *т*, но здѣсь само собой ясно, что сочетаніе *дт*, образова́вшееся въ рѣчи послѣ исчезновенія ъ („будьто"), должно дать въ произношеніи *по ассимиляціи т+т*, т.-е. *два т*, или, что то же, *долгое т̄*.

§ XIX. *Понятіе о звукосочетаніи. Слогъ.* Въ рѣчи мы почти никогда не встрѣчаемъ единичныхъ звуковъ: звуки рѣчи

такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, всегда воспринимаются нашимъ слухомъ въ такомъ тѣсномъ сочетаніи, что артикуляціи смежныхъ звуковъ взаимно проникаются другъ другомъ, переходя изъ одной въ другую такъ, что артикуляція предыдущаго звука уже видоизмѣняется подготовкой къ артикуляціи послѣдующаго, а потому звукъ, выхваченный изъ сочетанія, изъ связной рѣчи, представляется совсѣмъ другимъ звукомъ и акустически и по физіологической своей природѣ, а этотъ звукъ *въ рѣчи* есть *дѣйствительно живой звукъ живого языка*, между тѣмъ какъ *изолированный* звукъ есть только *теоретическое* представленіе, къ которому приближается звукъ связной рѣчи, но въ который онъ никогда не превращается, пока онъ живетъ жизнью въ процессѣ связной рѣчи. Вотъ почему научно-фонетическая транскрипція рѣчи, претендуя на точное отраженіе на письмѣ акустически воспринимаемыхъ звуковыхъ сочетаній и вызывающая соотвѣтственныя физіологическія работы и уклады органовъ рѣчи, есть тотъ идеалъ, до котораго наука еще не достигла, а между тѣмъ только по такой транскрипціи можно изучить живую рѣчь и только такимъ путемъ получается научное изученіе языковъ, такъ какъ только при такомъ изученіи выясняется родство, преемственность и взаимныя отношенія звуковъ и самыхъ языковъ. Изъ предыдущаго ясно, что *единичные звуки въ рѣчи встрѣчаются крайне рѣдко*, развѣ только въ нѣкоторыхъ междометіяхъ, Напр., $\bar{\check{s}}$! (въ ороографіи обыкновенно: *ш́ш!*), s! (тоже призывъ къ тишинѣ), $\bar{\psi}$! (остановка лошадей) и под. Даже междометія-вздохи, какъ: а! у!, какъ мы уже видѣли выше, могутъ представлять собой *сочетаніе гортанной взрывной согласной съ гласной*. (См. §§ X и XIII). Значитъ, можно сказать, что *звуки человѣческой рѣчи въ отдѣльномъ употребленіи извѣстны крайне рѣдко: въ большинствѣ случаевъ они извѣстны въ сочетаніи съ другими звуками.*

Такое сочетаніе звуковъ, которое требуетъ *только одного* акта выдыханія воздуха, т.-е. произносится *только однимъ*

(а не двумя, тремя...) самостоятельнымъ напоромъ воздуха, *называется слогомъ.* Слогъ можетъ состоять изъ одного звука, изъ двухъ, изъ трехъ, четырехъ и т. д. Напр., слово: „мой" имѣетъ два слога: первый состоитъ изъ двухъ звуковъ, второй—изъ одного; слово: „тро́е" состоитъ тоже изъ двухъ слоговъ: первый—изъ трехъ звуковъ, второй—изъ одного звука (или изъ двухъ, если, согласно произношенію, во второмъ слогѣ слышится *jэ*: „тро́jэ") и т. д. Для того, чтобы сочетаніе звуковъ могло быть произнесено *однимъ* напоромъ выдыхаемаго воздуха (напр., тро-, стро-, встро-...), *необходимо, чтобы сила выдыхаемаго воздуха сосредоточивалась на одномъ изъ этихъ звуковъ, входящихъ въ сочетаніе, и чтобы остальные звуки слога являлись подчиненными по силѣ этому сильнѣйшему звуку. Сильнѣйшій звукъ слога называется слоговымъ, а остальные звуки этого же слога,* подчиненные по силѣ сильнѣйшему, *неслоговыми.*

Границы между слогами въ словѣ опредѣляются произволомъ говорящихъ или усвоенными пріемами. *Естественныхъ границъ между слогами въ словахъ нѣтъ.* Однако для русскаго языка есть нѣсколько условныхъ правилъ, вошедшихъ въ обычай и ставшихъ обязательными: эти правила, конечно, научнаго значенія не имѣютъ, но вызваны къ жизни указаніями практики и имѣютъ свои практическія удобства. Насколько эти школьныя правила условны и произвольны, видно, между прочимъ, изъ того, что древне-русская графика не знала этихъ правилъ и обходилась безъ нихъ, *не слѣдуя никакимъ правиламъ слогоотдѣленія въ словѣ.* Такъ, напр., въ древнихъ памятникахъ русской письменности писцы нерѣдко писали всѣ слова подрядъ, не отдѣляя ихъ промежутками, и, съ другой стороны, разсѣкая слова при переносѣ изъ одной строки въ другую въ *любомъ* мѣстѣ, гдѣ приходился край пергамена, бумаги и проч. Мы видимъ, напр., переносы: мо-ѥ, ѥ-го, вн-оуши, плодов-ъ, плод-овъ, въ-скрм, в-скрм и т. п.

Обычныя школьныя правила слогоотдѣленія для русскаго ›зыка слѣдующія:

1) Одна гласная не отдѣляется ни отъ слѣдующей за ней ›гласной, ни отъ предыдущей: „оно“ (не: о-но или он-о).

2) Одна согласная не отдѣляется отъ слѣдующей за ней ласной. Напр., до-ро-га.

3) Въ словахъ съ префиксами возможно раздѣленіе сотласно этимологическому составу, если это раздѣленіе не прозорѣчитъ двумъ первымъ пунктамъ правилъ. Напр., воз-духъ.

4) При группахъ согласныхъ внутри одного и того же лога допускается произволъ. Напр., „тре-звый“ и „трез-вый“, рѣ-звый“ и „рѣз-вый“, „до-брый“ и „доб-рый“, „ве-дро“ и вед-ро“ и проч. (См. однако § XX въ концѣ). Болѣе этихъ равилъ я не нахожу возможнымъ дать, не желая и не считая ебя вправѣ ясно насиловать свойство произносимыхъ звуовъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ школьные учебники, авая цѣлый рядъ правилъ переноса словъ.

§ XX. *Распредѣленіе силы между звуками въ звукосочетаніяхъ. Русское удареніе и его природа. Связь ударенія ъ долготой звука въ русскомъ языкѣ.* Въ предѣлахъ слога амѣчается *распредѣленіе силы* между входящими въ составъ лога звуками. (См. выше о *слоговомъ* звукѣ). Природа самой илы звука въ русскомъ языкѣ двоякая: *непрерывистая* и *прерывистая.* Обычный характеръ слоговъ въ русскомъ языкѣ епрерывистый; прерывистая же сила наблюдается тогда, когда за постепеннымъ ослабленіемъ наступаетъ усиленіе звука, слѣдствіе чего слогъ имѣетъ какъ бы *двѣ вершины.* Такіе вухъ-вершинные слоги мы наблюдаемъ въ русскихъ „пѣвуихъ“ говорахъ; между прочимъ, въ московскомъ мѣщанскомъ оворѣ. *Различіе звуковъ по силѣ выдыханія называется экспираторнымъ. Русское удареніе основано исключительно на силѣ звуковъ и потому оно, по своей природѣ, называется экспираторнымъ.*

Сравнивая произношенія въ нѣм. языкѣ словъ: vȍll, kȁmm и wōl, kām, мы слышимъ, что гласные въ первой парѣ словъ краткіе, а во второй—долгіе; этимъ обусловлено рѣзкое окончаніе слога въ первой парѣ словъ и слабое окончаніе слога—во второй парѣ. Въ русскомъ языкѣ обычно—*слабое окончаніе слога*. Однако при рѣзкомъ утвержденіи въ ударяемомъ открытомъ концѣ слова возможно въ говорахъ русскаго языка, напр., въ вологодскомъ, *рѣзкое окончаніе слога*: напр., „это водà"?—„водȁ"!

Кромѣ этой особенности русскаго ударенія и русскихъ слоговъ, мы имѣемъ въ русскомъ языкѣ еще слѣдующую особенность: *гласные подъ удареніемъ въ русскомъ языкѣ являются съ полудолготой*. Исключеніе составляютъ ударяемые гласные въ такомъ фонетическомъ положеніи, какъ: бȕдто, порȕчикъ, прȍчій и под., т.-е. передъ долгимъ (двойнымъ) взрывнымъ согласнымъ, гдѣ ударяемый гласный является *краткимъ* (§ XVIII). Намъ, русскимъ, не такъ, можетъ быть, замѣтна нѣкоторая долгота (полудолгота) нашихъ ударяемыхъ гласныхъ, но это наблюденіе надъ нашими ударяемыми гласными сдѣлано многими иностранцами, которые согласно и независимо другъ отъ друга свидѣтельствуютъ объ этомъ. Такъ, англичàнинъ Свитъ, еще въ 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія, изучая московское произношеніе съ точки зрѣнія акустики и физіологіи звуковъ, утверждаетъ, что въ произношеніи москвичей ударяемые гласные являются полудолгими какъ передъ однимъ согласнымъ, такъ и передъ сочетаніями согласныхъ, но не *въ дифтонгахъ одного слога, гдѣ ударяемая гласная является краткою*. Напр., sāt (сáдъ), sāda (сáда), čāstα и проч. Но: daváį и под. Другой иностранецъ, Олафъ Брокъ, норвежскій профессоръ, пришелъ къ подобному же заключенію, изучая ударяемые гласные въ угрорусскомъ говорѣ и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ Вологодской губ. Тотемскаго уѣзда. Наконецъ, въ 1911-мъ году вышла очень интересная и важная книга

шведскаго профессора Лунделя „о русскомъ языкѣ“, въ которой шведскій ученый задался цѣлью познакомить своихъ соотечественниковъ съ русскимъ языкомъ, его литературнымъ и діалектическимъ произношеніемъ. Съ этой цѣлью Лундель далъ образецъ фонетической транскрипціи русскихъ звуковъ и словъ и приложилъ цѣлую хрестоматію русскихъ разсказовъ и анекдотовъ для практическаго изученія русскаго языка шведами[1]). Здѣсь мы тоже находимъ въ транскрипціи подтвержденіе того, что для слуха шведа наши ударяемые гласные звучатъ съ нѣкоторою долготою. Финская транскрипція русскихъ словъ для финновъ, у которыхъ *свои* долгіе гласные изображаются правильно двумя соотвѣтствующими буквами финской азбуки, тоже показываетъ долготу русскихъ ударяемыхъ гласныхъ, воспринимаемую у́хомъ финна: g*oo*rod = го́родъ, но передъ группой согласныхъ не въ конечномъ слогѣ слова финну слышится краткій ударяемый гласный въ русскомъ словѣ, и потому онъ въ такихъ случаяхъ пишетъ *одну* соотвѣтствующую букву и ставитъ надъ ней удареніе: wílkka = вилка[2]). Русскій ударяемый дифтонгъ одного слога въ ударяемой своей части тоже имѣетъ *краткій* гласный звукъ на слухъ финна: suhŏ́j = сухой. Насколько несомнѣннымъ представляется утвержденіе, что русскій *ударяемый* гласный *полудологъ,* на основаніи цѣлаго ряда вышеприведенныхъ наблюденій, настолько же *несомнѣнную краткость представляютъ неударяемые гласные въ русскомъ языкѣ и ударяемые въ положеніи ихъ передъ долгими согласными* (см. выше): кромѣ указанныхъ выше примѣровъ: bŭ́t̄α и проч., можно указать еще: l'ŏ́k̄oj, bŭ́t̄'e и проч. Выше мы указывали также, что долгіе согласные собственно есть двойные согласные; къ послѣднимъ они почти всегда и восходятъ: такъ, *двойная согласная между гласными* даетъ

---

[1]) *Lundell.* Lärobok i ryska språket. Stockholm. 1911.

[2]) *Шахматовъ.* Курсъ исторіи русскаго языка. Читанъ въ СПб. Университетѣ въ 1908—9 уч. г. СПб. (Изданіе литографированное). Стр. 77.

долгую согласную, какъ это мы видѣли въ словѣ búttα=bŭ̄tα; срв. dažá=дажжа́ (ряз.), adúł=отдулъ и проч. *Въ началѣ слова*—тоже: къ горѣ=gor'é; съ сердцемъ=s'ércem; къ камню=kámn'u и под.

Отъ долгихъ гласныхъ и согласныхъ указаннаго происхожденія (подъ удареніемъ и двойные согласные) надо отличать *долготу при эмфазѣ* какъ въ гласныхъ, такъ и въ согласныхъ. Эмфазой мы называемъ такую артикуляцію звуковъ рѣчи съ тонической ихъ стороны, которая сопровождаетъ собой разнообразныя душевныя настроенія, эмоціи: въ ряз. говорѣ при субъективномъ утвержденіи и увѣренности слышится долгій *неударяемый* гласный въ закрытомъ конечномъ слогѣ именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. им. падежа: до́брāй, л'óχкāй и въ подобныхъ положеніяхъ. Это же мы наблюдаемъ въ говорахъ Тульской, Орловской, Вятской губерній. Согласный звукъ при эмфазѣ способенъ къ *чрезвычайной долготѣ*: ras! „χαt' na minútαčku!" (=ххоть на минуточку!); χarós̄αj! (=харрро́шій!) и под.

Выше (§§ XV и XVI) мы видѣли, что *звуки съ ослабленной артикуляціей*, какъ гласные, такъ и согласные, дѣлаются соотвѣтствующими звуками *полушепотными* (срв. выше: министр̥, центр̥, рубл̥'...). Эти полушепотные звуки, если они гласные, *при болѣе полномъ ослабленіи артикуляціи, могутъ переставать быть гласными, а являться особыми очень краткими голосовыми звуками неполнаго образованія относительно участія голоса и звуками неопредѣленнаго качества*. Такіе звуки неполнаго образованія и неопредѣленнаго качества, при томъ очень краткіе, слѣдовало бы обозначать какимъ-либо особымъ знакомъ: напр., такой звукъ мы слышимъ въ московскомъ произношеніи слова: „переводи́ть" послѣ „п". Свитъ обозначаетъ ихъ перевернутой буквой „ʌ": p'ʌr'evad'it'=переводить.

Такимъ образомъ, мы познакомились съ сильнѣйшими и слабѣйшими звуками русской рѣчи, указали на связь силы съ

русскимъ удареніемъ, указали на связь долготы съ тѣмъ же удареніемъ, познакомились съ краткими и долгими звуками различнаго происхожденія, наконецъ, указали на природу русскаго ударенія и на слоговой характеръ сильнѣйшаго гласнаго въ слогѣ. Въ смыслѣ средоточія силы на ударяемомъ гласномъ *всякое слово русскаго языка, какъ звуковая единица, представляетъ собой звуковое единство съ вершиной силы звука на ударяемомъ гласномъ.* Наблюденія же показали, что независимо отъ вліянія ударенія, *звуки русскаго языка сами по себѣ различаются другъ отъ друга между прочимъ по силѣ. Кромѣ того, способность стать слоговымъ звукомъ имѣютъ сами по себѣ всѣ звуки, какъ гласные, такъ и согласные* (припомнимъ: m̥, n̥, r̥, l̥...), *но одни звуки обладаютъ этой способностью въ большей степени* (гласные), *другіе—въ меньшей* (согласные). Наблюденіями же указано, что *фрикативные* въ сочетаніи съ взрывными *оказываются болѣе сильными*: межлометія ps̥t, ts̥, š̥t и проч. имѣютъ s и š болѣе сильные и слоговые. *Сонорные* въ сочетаніи со взрывными и фрикативными *оказываются еще болѣе сильными* и потому въ этихъ сочетаніяхъ становятся слоговыми: серб. вр̥х, нѣм. ha-bn̥, hat tn̥.

Плавные сильнѣе носовыхъ изъ сонорныхъ: серб. тр̥н (тернъ, тьрнъ, трьнъ), нѣм. wil-l̥n.

Гласные оказываются сильнѣйшими изъ всѣхъ звуковъ (это вполнѣ согласуется съ ихъ преимущественной способностью быть слоговыми звуками...): tor, tro, ras, łba, l’wa, rta и проч.

Внутри области гласныхъ однако тоже подмѣчена градація по ихъ силѣ: такъ, звукъ *а въ одномъ слогѣ* со звукомъ *е*, *і*, *о*, *и* оказывается *носителемъ слога*, т. е. *сильнѣйшимъ* изъ гласныхъ. Само собой разумѣется, что въ такихъ сочетаніяхъ звука *а* съ какимъ-либо изъ прочихъ гласныхъ въ одномъ слогѣ слоговой характеръ сильнѣйшаго звука, т. е. звука *а*, дѣлаетъ каждый изъ остальныхъ гласныхъ звуковъ того же

слога *неслоговымъ*. Такъ происходятъ *дифтонги*, т. е. *сочетаніе двухъ гласныхъ одного слога*, при чемъ одинъ гласный является сильнѣйшимъ, слоговымъ, а другой—неслоговымъ, т. е. въ слоговомъ отношеніи примыкаетъ къ слоговому звуку: ai̯, au̯, ae̯, ao̯; или: i̯a, u̯a, e̯a, o̯a.

Гласные *е* и *о*, въ свою очередь, оказываются сильнѣйшими въ сравненіи съ *i* и *и* при ихъ сочетаніи въ одномъ слогѣ: ei̯, oi̯, eu̯, ou̯; или: i̯e, i̯o, u̯e, u̯o. Изъ сказаннаго ясно, что способность звука становиться слоговымъ стоитъ въ прямой зависимости отъ той силы выдыхаемой струи воздуха, которая, какъ мы видѣли, различна для разныхъ звуковъ: фрикативные обладаютъ бóльшей силой, чѣмъ взрывные; сонорные—большей силой, чѣмъ фрикативные и взрывные; плавные—большей силой, чѣмъ носовые; гласные—большей силой, чѣмъ согласные; звукъ *а*—большей силой, чѣмъ прочіе гласные; *е* и *о*—большей силой, чѣмъ *i* и *и* и т. д. Однако въ произношеніи, поскольку оно обусловлено не только физіологическими, но и психологическими моментами, возможно, что тотъ или другой звукъ получаютъ *особенную степень силы*, и тогда, противъ нормы, указанной выше, такой звукъ окажется слоговымъ: такъ, напр., въ сочетаніи *ia*, если въ немъ получаетъ въ произношеніи *особенную* силу звукъ *i*, а звукъ *а* остается съ обыкновенной силой, то звукъ *i* окажется *слоговымъ*: ia̭.

Мы уже знаемъ, что *въ русскомъ языкѣ слоговыми звуками вообще являются только гласные звуки*, но въ частности возможно слоговое свойство и для согласныхъ: *въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ исчезновеніе гласной имѣетъ своимъ слѣдствіемъ передачу слогового свойства сонорной согласной или даже, еще рѣже, взрывной согласной*: „on br̥t“, „on gr̥t“ (=онъ, братъ,... онъ, говоритъ,...); или, òn g̥t bŷł tam (=онъ, говоритъ, былъ тамъ). Срв. выше о слоговыхъ звукахъ.

Слоговой звукъ играетъ особенную роль въ дифтонгахъ; по этому звуку дифтонги классифицируются на два вида: 1) слоговой звукъ стоитъ на первомъ мѣстѣ въ дифтонгѣ и 2) слого-

вой звукъ стоитъ на второмъ мѣстѣ въ дифтонгѣ. Русскіе дифтонги слѣдующіе: ai̯, oi̯, ei̯, yi̯, ii̯, ui̯, *α*i̯, *ε*i̯. Греческія буквы *α* и *ε* (альфа и эпсилонъ) означаютъ гласные неполнаго образованія (см. выше): *α*—послѣ твердаго согласнаго, *ε*—послѣ мягкаго. Дифтонги съ u̯ (неслоговымъ *u*) извѣстны въ свр., ювр., блр. и малорусск. нарѣчіяхъ: *γ*adóu̯, byu̯, pasłau̯, pub'adiu̯, xotiu̯... Въ сѣв.-млр. говорахъ извѣстны еще дифтонги: ua̯, ue̯, uo̯, uu̯, а также: u̯i, u̯e, u̯o, u̯u: завюол, обрюок, руэк, нуочку, Пуольшу, буог, туілько, хтје́ла, лје́с, спуой; i̯e и u̯o есть и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Въ рус. литер. языкѣ дифтонги: davai̯, stoi̯, b'ei̯, doЪryi̯, s'in'ii̯, sui̯, doЪr*α*i̯, s'in'*ε*i̯ и проч. Большая или меньшая близость неслоговыхъ элементовъ слога къ слоговому гласному обусловливаетъ бо̀льшую или мѐньшую силу. Вообще же, *общее правило*, что *въ одномъ и томъ же слогѣ звукъ, сосѣдній со слоговымъ звукомъ, имѣетъ наибольшую силу*. На этомъ основаніи въ слогахъ наблюдается то же соотношеніе силы звуковъ, и сохраняется оно въ слогахъ слова такъ же, какъ и въ отдѣльныхъ звукосочетаніяхъ, т.-е. перевѣсъ сонорныхъ надъ фрикативными, фрикативныхъ надъ взрывными и проч. Напр., psa, pla, tra, vra, sla; arf, olt, orЪ, ìzЪ, ezЪ, ošt... Въ приведенныхъ слогахъ послѣдовательность составляющихъ ихъ звуковъ соотвѣтствуетъ и общему правилу о распредѣленіи силы между звуками слога и физіологической классификаціи звуковъ по ихъ природѣ и характеру затвора: сильнѣйшій изъ согласныхъ звуковъ стоитъ въ сосѣдствѣ со слоговыми гласными. Иначе: мѣсто звука въ слогѣ соотвѣтствуетъ его силѣ, а сила его соотвѣтствуетъ классу. Но извѣстны и нарушенія нормальныхъ отношеній между *неслоговыми* звуками слога, напр., *rta*; если мы разберемъ составъ этого слога (въ данномъ случаѣ и — сло̀ва, такъ какъ rta — род. п. ед. ч. отъ сл. rot = ротъ), то намъ будетъ видно, что мѣста составляющихъ этотъ слогъ звуковъ не соотвѣтствуютъ ихъ силѣ: распредѣленіе мѣстъ звуковъ этого слога не соотвѣтствуетъ распредѣленію силы между составляющими его звука-

ми: такъ, въ слогѣ „rta"—*сильнѣйшій* изъ всѣхъ составляющихъ его звуковъ—гласный *a*, онъ же, потому, *и слоговой*; согласно вышеприведенному *общему правилу* сосѣдній звукъ со слоговымъ долженъ быть сильнѣйшимъ изъ остальныхъ звуковъ слога по своему мѣсту, однако здѣсь въ сосѣдствѣ со слоговымъ гласнымъ (*a*) мы видимъ *взрывной* (*t*), а слѣдующее мѣсто занимаетъ *сонорный* (*r*), но мы знаемъ, что *сонорный сильнѣе взрывного*, слѣд. мѣсто сонорнаго въ слогѣ должно бы быть сосѣднимъ съ гласнымъ слоговымъ, т.-е. нормальныя звуковыя отношенія въ этомъ слогѣ были бы: „tra"; стало быть, въ слогѣ „rta" нарушены эти нормальныя отношенія звуковъ по силѣ. Отсюда, конечно, получается затруднительность произношенія такого слога („rta"), и языкъ стремится облегчить эту затруднительность переносомъ сонорнаго звука *r* въ сосѣдство со слоговымъ гласнымъ, или, что то же, постановкой этого *r* рядомъ со слоговымъ гласнымъ; достигнуть этого въ данномъ случаѣ нѣтъ другого способа, какъ путемъ образованія изъ этого слога „rta" *двухъ* слоговъ съ двумя слоговыми гласными въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ каждымъ изъ двухъ составляющихъ этотъ слогъ согласныхъ: *r* и *t*. Въ результатѣ языкъ долженъ дать или два слога, такъ: „rota" (срв. народное—род. ед. отъ слова „ротъ"—„рòта", дат. „рòту", твор. „рòтомъ" и т. д.: „раб' òнък рòтъм γан'áит'"—ряз.-скоп. И въ такихъ образованіяхъ физіологическая необходимость поддерживается психологическимъ закономъ ассоціаціи формъ косвенныхъ падежей съ формою именительнаго падежа „ротъ", откуда и прочіе падежи: „рота", „роту" и т. д. Срв. „родъ", „рода", „роду", „родомъ" и т. д. Такъ же древне-русское ровъ, рова, ровү, ровомъ и т. д., а изъ этого, въ свою очередь, подъ вліяніемъ *психологическаго* фактора—ассоціаціи со старыми формами: рта, ртоү, ртомъ..., гдѣ исчезъ ъ въ слабомъ положеніи изъ: рътъ—рътa—рътоү—рътомъ... (См. выше)—вышло рва, рвоү, рвомъ..., гдѣ однако никогда не было въ коренномъ слогѣ ъ: ровъ—рова и т. д.). Или въ результатѣ выше от-

мѣченнаго стремленія языка—возстановить нормальныя отношенія звуковъ слога („rta“) по силѣ—должны получиться изъ этого одного слога („rta“) два слога такъ: „irtà“ или „artà“, „ortà“ и т. п. Хотя при подобномъ исходѣ указаннаго стремленія языка психологическій факторъ ассоціаціи не принимаетъ участія, такъ какъ *не съ чѣмъ* ассоціироваться въ сознаніи говорящихъ такимъ формамъ, какъ: „irtà“, „arta“..., тѣмъ не менѣе физіологическій факторъ стихійно беретъ перевѣсъ, и мы слышимъ въ народныхъ говорахъ (равно какъ и въ *дѣтскомъ* языкѣ, что̀ особенно замѣчательно по совпаденію съ народными говорами: какъ *дѣтскій* языкъ, такъ и языкъ неграмотнаго или малокультурнаго народа, еще не владѣютъ прочно тѣми психологическими ассоціаціями, которыми обогащается языкъ,—стало быть, сознаніе говорящихъ,—по мѣрѣ развитія и упроченія ассоціативныхъ связей и отношеній въ понятіяхъ культурнаго языка) произношенія: „ирта̀“, „арта̀“ и под. (въ южновеликор. говорахъ). Срв. „рожь“ (= рош) — род. „иржы̀“; „левъ“ (= леф — л’оф) — род. „ил’ва̀“; „вторникъ“ (=фтор’ник)—афто̀р’ник и под. Въ послѣднемъ словѣ фрикативный, какъ сильнѣйшій, чѣмъ взрывной, занималъ не свое мѣсто до появленія новаго слога: афтор’ник.

Какъ видимъ, этимъ закономъ распредѣленія звуковъ по силѣ въ слогѣ объясняются многія новообразованія народныхъ говоровъ и дѣтской рѣчи въ русскомъ языкѣ. Этимъ же *закономъ соотношенія силы звуковъ въ слогѣ* объясняются удобно, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ основанія, по которымъ можно *въ опредѣленныхъ мѣстахъ сло̀ва дѣлить его на слоги* и оправдывать это дѣленіе научными основаніями. Такъ, въ вышеприведенномъ словѣ „вторникъ“ дѣленіе: „втор-ник“ имѣетъ слѣдующее основаніе: въ этомъ словѣ два гласныхъ звука слоговыхъ, слѣд., два слога; сонорный *р* долженъ стоять въ первомъ слогѣ на сосѣднемъ мѣстѣ со слоговымъ гласнымъ *о*; слѣд., звукъ *р* долженъ быть отнесенъ къ *первому* слогу этого слова. Ко второму слогу этого слова („ник“) звукъ *р* не мо-

жетъ быть отнесенъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ *плавный р* („рник") стоялъ бы дальше отъ слогового гласнаго („и"), чѣмъ *носовой н*, а извѣстно, что плавный, какъ сильнѣйшій носового звука, долженъ стоять въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ слоговымъ гласнымъ, слѣд., слогъ „рник" по соотношенію силъ составляющихъ его звуковъ представлялъ бы нарушеніе нормальныхъ звуковыхъ отношеній, а потому звукъ плавный *р* долженъ отходить въ сосѣдство съ другимъ слоговымъ гласнымъ, т.-е. принадлежать составу другого слога этого же слова. Такъ получается въ данномъ случаѣ закономѣрное дѣленіе слова: (о)в-тор-ник. Еще Буслаевъ въ своемъ „Учебникѣ грамматики" и въ „Историч. грамматикѣ" говоритъ о переносѣ словъ и дѣленіи словъ на слоги слѣдующее: „если передъ гласнымъ находится группа согласныхъ, въ которой первый звукъ *р* или *л*, то эти *р* или *л* относятся къ предшествующему слогу; стало быть, переносъ надо дѣлать послѣ *р* или *л*, за которымъ стоитъ еще согласный". Напр., вер-хомъ, пер-вый, пол-ный, бол-тать, кар-манъ, кор-ни, хол-момъ, кол-кій и проч. [1]).

Другіе примѣры нарушенія нормальныхъ отношеній между неслоговыми звуками по ихъ силѣ мы имѣемъ въ нашемъ литературномъ русскомъ произношеніи въ достаточномъ количествѣ. Всѣ эти примѣры *литературнаго* произношенія объясняются, съ одной стороны, тѣмъ, что всякій литературный языкъ съ его произношеніемъ въ извѣстной степени есть языкъ искусственный, поскольку онъ не пропускаетъ въ свою среду стихійнаго вторженія натуральныхъ силъ и естественныхъ законовъ языка, стараясь подъ воздѣйствіемъ книги и культуры приспособить языкъ въ качествѣ послушнаго орудія для культурной нивеллировки представителей общественной группы.

[1]) Не имѣя подъ руками трудовъ Ѳ. И. Буслаева, цитирую это правило переноса словъ *по памяти*, ручаясь однако за точную передачу *смысла* правила. Примѣры мои.

Съ другой стороны, эти литературныя произношенія обоснованы прочными ассоціаціями съ письменной традиціей и грамматическими упрочившимися категоріями (см. ниже). Таковы примѣры: „lgu“, „ržі“, „spa“(-t'i), „sta-jat'“, въ которыхъ бо́льшую силу получили *тѣ согласные, которые по природѣ своей произносятся съ мѐньшей силой*, между тѣмъ какъ предшествующіе имъ сонорные и фрикативные произносятся съ ослабленной сравнительно съ нормальнымъ ихъ произношеніемъ силой. Вотъ это то обстоятельство и можетъ повести къ распаденію одного слога на два слога „ilgù“ (народное: „илгу̀“), срв. „iržу“, „ilwà“ и проч. выше, хотя рядомъ съ „ильва̀“ мы имѣемъ, какъ и слѣдовало ожидать, и „лёва“, „лёву“ и т. д. (въ былинахъ: „лёвымъ звѣремъ“), какъ выше: „ро̀ва“, „ро̀ву“ и т. д.

§ XXI. *Высота звука.* Голосовые звуки могутъ различаться не только по силѣ, не только *величиной колебаній* голосовыхъ связокъ, но и *числомъ этихъ колебаній* въ извѣстный моментъ времени. Числомъ же колебаній звучащаго тѣла въ секунду опредѣляется *высота звука*. Въ звукахъ рѣчи мы тоже наблюдаемъ различную высоту: правда, что очень немного, но всетаки отдѣльные слоги могутъ различаться по степени высоты, а самая высота звука рѣчи можетъ бытъ троякой: *ровная, восходящая* и *нисходящая*. Поэтому музыкально-высокіе слоги могутъ различаться *по самой природѣ этой высоты.* Различіе между родами высоты въ нѣкоторыхъ языкахъ очень замѣтно. Такъ, здѣсь, кромѣ трехъ видовъ высоты, упомянутыхъ выше, можно еще различать *нисходяще-восходящую высоту* и *восходяще-нисходящую*. Но въ русскомъ языкѣ, какъ мы уже знаемъ, такихъ различій нѣтъ: здѣсь *слоги различаются силой*, и это различіе по силѣ называется *экспираторнымъ*, а потому и *самое удареніе въ русскомъ языкѣ, какъ основанное на силѣ выдыхаемаго воздуха, называется экспираторнымъ*. Однако и въ русскомъ языкѣ *при различ-*

ныхъ оттѣнкахъ рѣчи можетъ выступать и высота звука: напр., оказывается, что высоты звука рѣчи даютъ возможность оттѣнить *вопросъ, нерѣшительное утвержденіе* и *рѣшительное утвержденіе.* Въ самомъ дѣлѣ, графически, т.-е. путемъ *общепринятыхъ* орѳографическихъ знаковъ мы не можемъ передать *интонаціи рѣчи*, ея *музыкальныхъ* свойствъ и особенностей, хотя рѣчь наша и состоитъ изъ звуковъ. Такимъ образомъ, интонація рѣчи остаётся всецѣло принадлежностью говорящаго индивидуума, предоставляется всецѣло произволу говорящаго и читающаго и его психологическимъ качествамъ, а между тѣмъ мы въ рѣчи говорящаго и различаемъ и понимаемъ самые разнообразные оттѣнки душевныхъ настроеній, поскольку данный человѣкъ вообще способенъ выражать въ звукахъ рѣчи свое настроеніе, такъ сказать, свою душу: мы различаемъ у людей, владѣющихъ вполнѣ даромъ слова, какъ даромъ не только сообщать свои мысли, но и передавать свои настроенія, заражать ими слушателей,—и сомнѣніе, и недоумѣніе, и нерѣшительность, и категоричность, и страхъ, и радость, и злобу и т. п. душевныя эмоціи. Однако эти оттѣнки рѣчи выражаются настолько разнообразно у различныхъ людей, смотря по ихъ темпераменту, по ихъ ораторскимъ дарованіямъ, по ихъ пониманію чувствъ читаемаго автора, наконецъ, по ихъ привычкѣ и умѣнію читать и говорить, что нельзя подмѣтить болѣе или менѣе однообразныхъ и обязательныхъ для всѣхъ говорящихъ людей модуляцій ихъ тона рѣчи, высоты и силы произносимыхъ ими звуковъ. Высота же звука при вопросѣ, нерѣшительномъ и рѣшительномъ утвержденіи позволяетъ сдѣлать выводъ довольно общаго характера изъ наблюденій надъ звуковой стороной рѣчи у многихъ людей; такъ, *при вопросѣ* ударяемый гласный обыкновенно звучитъ *съ восходящей интонаціей.* Если, напр., мы услышимъ мнѣніе, что „нашъ домъ стоитъ въ долинѣ“ и, не разслышавши хорошенько, про *чей* домъ идётъ рѣчь, спросимъ: „нашъ“?, то въ фонетической транскрипціи мы должны будемъ изобразить это вопроситель-

ное слово такъ: „nā̀š“; гдѣ знакъ ̀ означаетъ восходящую *долготу* гласнаго, какъ гласнаго *ударяемаго. При нерѣшительномъ* (задумчивомъ) *утвержденіи* это же слово будетъ имѣть *ровную высоту* ударяемаго гласнаго: „nāš“. *При рѣшительномъ утвержденіи*, наоборотъ, намъ слышится обыкновенно *нисходящая долгота* ударяемаго гласнаго въ этомъ же словѣ: „nā́š“. Сопоставленіе русскаго языка *съ сербо-хорватскимъ, въ которомъ слоги различаются по высотѣ независимо отъ смысла*, приводитъ къ очень важнымъ заключеніямъ: именно, что *была эпоха въ жизни русскаго языка*, эпоха общерусскаго единства, задолго до распаденія общерусскаго языка, *когда слоги различались не только по силѣ, но и по высотѣ.* (См. выше, Отдѣлъ I, глава III-я, пунктъ V и примѣчаніе). Такимъ образомъ, русское удареніе до той эпохи, пока оно стало экспираторнымъ, было музыкально-экспираторнымъ, какъ и въ сербо-хорватскомъ языкѣ, какъ, стало быть, и въ общеславянскомъ. Музыкальная высота звука распредѣлялась на всѣ неслоговые звонкіе звуки слога: это чрезвычайно важное наблюденіе особенно содѣйствуетъ уясненію процесса образованія русскихъ *полногласныхъ* сочетаній. Въ самомъ дѣлѣ, музыкальная высота звука въ слогѣ, напр., *or*, *ol*, *er*, *el*, распространяясь на звонкіе неслоговые *r*, *l*, дѣлаетъ эти послѣдніе болѣе высокими по тону, и въ этомъ, вѣроятно, лежитъ причина того, что въ эпоху утраты музыкальнаго ударенія въ русской области языка высота плавныхъ неслоговыхъ въ такихъ сочетаніяхъ какъ, *borda..., при усиленіи экспираторнаго элемента ударенія, смѣнилась ихъ долготой, т. е. получилось *bor̄dá, откуда уже: *borrdá—borr̥dá—borodá... Равнымъ образомъ въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „онъ писа̀лъ“? звукъ „л“ получилъ извѣстную высоту, которая препятствовала этому звуку превращаться въ безголосый, полушепотный въ такомъ положеніи: срв. выше: „тёпл̭“, „рубл̭’“ и т. п.

§ XXII. *Сочетаніе слоговъ. Слово, какъ звуковое цѣлое. Сочетаніе словъ. Предложеніе, какъ звуковое цѣлое.* Выше мы видѣли, что звуки, какъ матеріалъ языка, образуютъ при своемъ сочетаніи слоги, а слоги при своемъ сочетаніи образуютъ понятныя намъ слова. Слѣдуетъ однако выяснить, *какъ происходитъ сочетаніе слоговъ*, какъ звуковыхъ единицъ, другъ съ другомъ, т.-е. какимъ принципамъ подчиняется каждая звуковая единица со своими сильнѣйшими и слабѣйшими звуками и со своими высокими и низкими тонами при сочетаніи съ другими звуковыми единицами, имѣющими свои звуковые элементы. Есть-ли при такихъ сочетаніяхъ, съ звуковой стороны, какіе-либо *принципы звукового объединенія слоговъ въ слова*? Или—слово есть составъ самостоятельныхъ *звуковыхъ* единицъ, не объединяющихся въ одно звуковое цѣлое ни по какому принципу? То же самое и относительно *сочетанія словъ*: представляетъ ли *словосочетаніе*, или *предложеніе съ звуковой стороны какое-либо единство*, или это—сочетаніе необъединенныхъ звуковыхъ единицъ? Разъясненіе этихъ вопросовъ должно пролить яркій свѣтъ на процессъ образованія звукового языка вообще и на способность звукового языка становиться понятнымъ для слушающаго и стать предметомъ усвоенія для окружающихъ въ періодъ образованія языка и передачи его отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь говорящаго представляется для слушателя, у котораго въ сознаніи еще не получили самостоятельной жизни звуки, звукосочетанія и слова слышимой рѣчи, какимъ-то *потокомъ звуковъ*, безпрерывнымъ изглашеніемъ звуковъ до абсолютной паузы, въ которомъ слушающій способенъ различать отдѣльные звуковые моменты по ихъ звуковымъ свойствамъ и качествамъ. Въ этомъ потокѣ звуковъ—гдѣ начинается новая звуковая единица, и гдѣ кончается предыдущая, какъ звуковое слагаемое въ общей суммѣ? Дѣйствительно, если мы слышимъ совершенно неизвѣстный намъ языкъ, то мы затрудняемся расчленить въ слышимой рѣчи ея элементы, ея составныя звуко-

выя единицы. Въ образованіи языка предшествовало-ли словосочетаніе появленію отдѣльныхъ словъ, или, наоборотъ, отдѣльныя слова, появившись ранѣе, соединялись въ словосочетанія? Такъ какъ мы себѣ не можемъ представить такого состоянія языка, въ которомъ онъ представлялъ бы изъ себя отдѣльные звуки, потому ли, что для насъ является звуковой языкъ во всѣ періоды его существованія *органомъ духовнаго общенія* между единицами одной общественной группы, или потому, что *языкъ не донесъ до насъ отдѣльныхъ звуковъ въ отдѣльномъ ихъ употребленіи* (см. выше), или, наконецъ, потому, что тѣ звуки, которые нами воспринимаются на слухъ въ языкѣ, почти не похожи ни качественно, ни количественно, ни по музыкальнымъ своимъ особенностямъ, на тѣ звуки, которые мы выхватываемъ изъ сочетаній, искусственно изолируя ихъ для нашихъ теоретико-научныхъ построеній (срв. законы sandhi въ санскритскомъ языкѣ и вообще въ старыхъ языкахъ; подобные законы сочетаній звуковъ — sandhi — существуютъ, конечно, какъ мы видѣли, и въ русскомъ языкѣ и во всѣхъ другихъ языкахъ), то естественнѣе всего предположить, что языкъ начинаетъ свою жизнь, *какъ языкъ, со словосочетаній, т.-е. съ предложеній, какъ простѣйшихъ знаковъ мысли.* Такое простѣйшее предложеніе, словосочетаніе, въ естественномъ состояніи языка отдѣлялось отъ слѣдующаго болѣе или менѣе продолжительной паузой разнообразнаго типа; звуковыя части такой рѣчи представлялись на слухъ отдѣлами звуковыхъ объединеній, а природа этихъ звуковыхъ объединеній допускала расчлененія различнаго рода, такъ что, вѣроятно, слова, какъ члены такого звукового объединенія, могли видоизмѣняться съ теченіемъ времени въ своемъ звуковомъ составѣ, могли имѣть большую или меньшую сложность и окрѣпли въ своихъ формахъ и звуковомъ видѣ лишь постепенно съ теченіемъ вѣковъ: по крайней мѣрѣ, на это мы находимъ указанія въ исторіи образованія падежныхъ формъ, глагольныхъ формъ, въ исторіи употребленія предлоговъ въ различныхъ родственныхъ

языкахъ и въ исторіи образованія сложныхъ и простыхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Разсмотримъ процессъ звукового объединенія слоговъ и словосочетаній. Выше мы видѣли, что *въ каждомъ слогѣ* имѣется, во-первыхъ, одинъ звукъ слоговой, это звукъ—гласный въ русскомъ языкѣ; и слоговой характеръ этого гласнаго звука всегда совпадаетъ въ русскомъ языкѣ и съ его наибольшей силой, такъ какъ слоговой гласный въ слогѣ является и сильнѣйшимъ изъ звуковъ этого же слога, звуковъ остальныхъ, неслоговыхъ; такъ какъ въ русскомъ языкѣ удареніе основано на силѣ звука, то ударяемый слоговой гласный слога является одновременно *и сильнѣйшимъ и ударяемымъ*; *удареніе*, мы видѣли, *совпадаетъ въ русскомъ языкѣ*, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ *и съ высотой звука*. Во-вторыхъ, въ отношеніи силы и высоты звуки слога *подчинены* сильнѣйшему ударяемому слоговому *гласному*. Вотъ *это общій законъ соотношенія звуковъ слога по силѣ и высотѣ въ русскомъ языкѣ*. Тотъ же *принципъ подчиненія слабыхъ и низкихъ звуковъ сильному и высокому господствуетъ въ русскомъ языкѣ и при сочетаніи слоговъ, т.-е. въ словѣ*: подчиненіе слоговъ слова въ отношеніи силы и высоты одному слогу этого слова — ударяемому слогу — является такимъ признакомъ объединенія слоговъ слова, который акустически воспринимается легко, и этотъ акустически воспринимаемый признакъ объединенія слоговъ слова и заключается въ подчиненіи неударяемыхъ слоговъ слова ударяемому, въ подчиненіи въ отношеніи силы и высоты слоговъ. Отсюда ясно, что какъ въ слогѣ звуки группируются около сильнѣйшаго, который въ то же время является и слоговымъ, и гласнымъ, и самымъ высокимъ звукомъ, такъ въ словѣ слоги группируются около сильнѣйшаго и ударяемаго. *Таковъ принципъ сочетанія звуковъ и слоговъ въ русскомъ языкѣ*. Понятно, что ослабленіе неударенныхъ слоговъ и звуковъ, а, вслѣдствіе этого, и качественное ихъ измѣненіе является первымъ и крупнѣйшимъ слѣдствіемъ основного принципа звукосочетаній и слогосочетаній

въ русскомъ языкѣ, а потому и весь характеръ произношенія, артикуляціи и интонаціи русской рѣчи, слѣдуя этому основному принципу, существенно отличается отъ характера произношенія, артикуляціи и интонаціи рѣчи французской, нѣмецкой и проч. *Этотъ характеръ рѣчи и есть національный характеръ, устойчивый и неувядаемый признакъ національности языка, носитель національныхъ особенностей уклада органовъ рѣчи и ея интонаціи, а равно надежнѣйшій хранитель звуковой физіономіи этнографической особи въ общественномъ союзѣ, въ племени.* Изъ предыдущаго ясно, что *неудáряемые слоги слова являются въ русской рѣчи болѣе слабыми сравнительно съ ударяемымъ, а наиболѣе слабымъ слогомъ является тотъ слогъ, который непосредственно слѣдуетъ за ударяемымъ: ему принадлежитъ наименьшая сила.* Графически это соотношеніе силы слоговъ слова въ русскомъ языкѣ можно изобразить такъ: если мы возьмемъ трехсложное слово и сильнѣйшій, ударяемый слогъ обозначимъ самой высокой цыфрой изъ трехъ, такъ какъ мы беремъ слово изъ трехъ слоговъ, т.-е. цыфрой „3", то слогъ, непосредственно слѣдующій за ударяемымъ, какъ самый слабый изъ трехъ слоговъ, составляющихъ данное слово, выразится цыфрою „1", а слогъ, непосредственно предшествующій ударяемому — цыфрою „2"; третій же слогъ отъ ударенія къ началу слова равенъ по силѣ слогу, непосредственно слѣдующему за ударяемымъ, т.-е. „1". Такъ, въ трехсложномъ словѣ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ мы будемъ имѣть графическое изображеніе отношеній слоговъ слóва по силѣ слѣдующее: „1 : 2 : 3". Въ трехсложномъ словѣ съ удареніемъ на центральномъ слогѣ: „2 : 3 : 1". Въ трехсложномъ словѣ съ удареніемъ на первомъ слогѣ: „3 : 1 : 2". Въ четырехсложномъ словѣ съ удареніемъ на третьемъ слогѣ: „1 : 2 : 3 : 1"; слогъ, слѣдующій за ударяемымъ, по силѣ равенъ третьему отъ ударенія къ началу слова. Этотъ законъ формулированъ въ такомъ видѣ еще въ 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія покойнымъ профессоромъ Харьковскаго

Университета, *А. А. Потебней.* (Формула „3 : 1 : 2“ допускаетъ колебанія въ зависимости отъ того, будетъ ли послѣдній слогъ *открытымъ*, т.-е. оканчиваться на гласный звукъ, или— *закрытымъ*, т.-е. оканчиваться на согласный звукъ: въ послѣднемъ случаѣ сила *тоже наименьшая*, т.-е. = „1“. Примѣръ:
3 : 1 : 2 3 : 1 : 1 1 : 2 : 3 2 : 3
„вырыта“; „вырытымъ“ и под.). Сравни: „старика“; „старикъ“;
3 : 1 3 : 1 : 2 3 : 1 : 1 3 : 1 : 2 : 1 1 : 2 : 3
„старость“, „староста“, „старостой“; „старостами“, „водово-
: 1
зомъ“ и т. п. Мы видѣли, что экспираторное удареніе русскаго языка служитъ также основнымъ отличіемъ этого языка. Мы видѣли также, что въ былой исторіи русскаго языка долженъ быть констатированъ *періодъ*, на основаніи показаній родственныхъ славянскихъ языковъ, иного ударенія, именно, *экспираторно-музыкальнаго ударенія. Къ языкамъ, допускавшимъ, какъ видно, оба типа ударенія: и музыкальное (основанное на высотѣ), и экспираторное (основанное на силѣ), принадлежалъ общеславянскій праязыкъ и прасербскій языкъ.* Но мы видѣли, что языки съ однимъ типомъ ударенія могутъ допускать однако иногда и другой типъ. *Къ языкамъ, которымъ извѣстно по преимуществу одно только музыкальное удареніе*, т.-е. удареніе, основанное на высотѣ звука, *принадлежитъ французскій языкъ*, а изъ мертвыхъ языковъ—*языкъ древне-индійскій и древне-греческій. Въ этихъ языкахъ — музыкальное, или тоническое удареніе.*

Предложеніе, какъ словосочетаніе, какъ и слѣдовало ожидать, тоже въ звуковомъ отношеніи представляетъ звуковое единство, и звуковое объединеніе словъ, входящихъ въ составъ предложенія, происходитъ согласно тому же принципу подчиненія слабыхъ словъ сильному, которое въ предложеніи является носителемъ ударенія предложенія, ударенія, которое называютъ иногда *логическимъ* и которое можетъ не совпадать съ „грамматическимъ“, „этимологическимъ“ удареніемъ, разсмот-

рѣннымъ нами выше. Не признавая термина „логическое" удареніе, мы, при изслѣдованіи природы ударенія въ предложеніи, видимъ, что *удареніе предложенія является музыкальнымъ*, т.-е. основаннымъ на высотѣ, которая и сообщаетъ предложенію извѣстную интонацію, служащую спутникомъ оттѣнка рѣчи, оттѣнка, по которому можно отличать „*смыслъ*" рѣчи. Въ общемъ виды ударенiй въ предложеніяхъ не соотвѣтствуютъ видамъ ударенiй на отдѣльныхъ словахъ: потому то предложеніе является звуковымъ цѣлымъ, звуковымъ единствомъ другого порядка, чѣмъ звуковое цѣлое, звуковое единство слова и слога. *Экспираторное удареніе отдѣльнаго слова* русскаго языка, при входѣ этого слова въ составъ словосочетанія, т.-е. предложенія, *становится музыкально-экспираторнымъ на этомъ словѣ, если это слово является въ предложеніи носителемъ главнаго ударенія предложенія.* Въ такомъ случаѣ условіемъ звукового единства въ предложеніи является наличность сильнѣйшаго въ звуковомъ смыслѣ слова и подчиненіе слабѣйшихъ сильнѣйшему, на которомъ оказывается музыкально-экспираторное удареніе. Это музыкально-экспираторное удареніе образовывается, какъ мы видѣли, вслѣдствіе совпаденія музыкальнаго ударенія предложенія съ экспираторнымъ удареніемъ слова. Такое совпаденіе наблюдается однако въ предложеніи постоянно. Примѣръ [1]): „бы̀ла ли все это ↓пра̀вда̂"?. На словѣ „правда" въ этомъ вопросительномъ предложеніи знакомъ ↓ показано удареніе предложенія, совпадающее съ удареніемъ этого слова, а конечный слогъ этого слова въ вопросѣ имѣетъ гласный звукъ съ восходящей долготой. Этому слову подчинены всѣ остальныя, а слово „бы̀ла" имѣетъ на себѣ очень слабое, второстепенное, тоже подчиненное удареніе ударенію всего предложенія.

---

[1]) Этотъ примѣръ, какъ и многіе другіе, взяты мною изъ курса акад. А. А. Шахматова «Русскій языкъ», читаннаго въ Спб. Университетѣ въ 1909—1910 уч. году.

ОТДѢЛЪ IV.

Участіе психическихъ факторовъ въ жизненныхъ процессахъ языка.

§ I. *Звуковыя и незвуковыя представленія. Ихъ взаимныя отношенія.* Въ Отдѣлѣ 3-мъ мы указали, что языкъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю, звуковую, и внутреннюю, смысловую. Тамъ же мы разсмотрѣли звуковую сторону языка. Здѣсь мы разсмотримъ внутреннюю сторону его. Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя сторона языка изучается въ тѣхъ измѣненіяхъ языка, которыя составляютъ его жизненный процессъ, по которымъ видно, что языкъ находится въ безпрерывномъ измѣненіи, въ постоянномъ движеніи, что *языкъ живетъ* вмѣстѣ съ говорящимъ на нёмъ народомъ. Эта жизнь языка съ точки зрѣнія составляющихъ ее процессовъ, ея измѣненій въ хронологической послѣдовательности служитъ содержаніемъ науки *исторіи языка. Жизненные процессы языка*, приводящіе его къ данному состоянію въ данный моментъ времени его жизни, *чрезвычайно сложны.* Сложность этихъ процессовъ обусловлена, съ одной стороны, *двусторонней природой человѣка,* а, съ другой,— *назначеніемъ языка, какъ органа духовнаго общенія* людей между собой. Въ каждомъ человѣкѣ мы признаемъ физическій міръ его и психическій міръ; эти два міра такъ проникаются другъ другомъ, что нерѣдко наблюдается зависимость процессовъ психики человѣка отъ его физическихъ процессовъ

и, обратно,—вліяніе психики на физическіе процессы организма. Законы этой зависимости еще не изучены во всей полнотѣ, и многое остается для науки еще закрытымъ въ области физіологіи и психологіи и ихъ взаимныхъ отношеній. Тѣмъ болѣе многое остается неизвѣстнымъ въ области физіологіи и психологіи рѣчи и въ области ихъ взаимныхъ отношеній. Постараемся разработать здѣсь тѣ вопросы психологіи рѣчи, которые мы представляемъ себѣ наиболѣе отчетливо въ ихъ взаимной связи съ вопросами физіологіи звуковъ языка. Прежде всего отмѣтимъ важнѣйшее положеніе: *въ языкѣ нѣтъ такого звукосочетанія, такого слова, которое бы не имѣло значенія.* Стало быть, слово становится *словомъ языка* тѣмъ самымъ, что оно *получаетъ значеніе*, а значеніе, какъ элементъ мысли, вступаетъ въ тотъ міръ психики человѣка, который представляетъ изъ себя систему представленій и понятій, связанныхъ особыми связями ассоціацій, дѣлающими этотъ міръ какимъ-то связнымъ цѣлымъ. Слово, вступая своимъ значеніемъ въ этотъ міръ, начинаетъ жить общею съ нимъ жизнью и приспособляться къ психической средѣ говорящаго субъекта. Такимъ образомъ слово попадаетъ въ сферу психическихъ отношеній и начинаетъ жить въ психической средѣ человѣка, т.-е. въ его сознаніи, подчиняясь законамъ психическихъ отношеній, законамъ, которые руководятъ процессами сознанія. Изъ этого мы видимъ, что внутренняя жизнь слова входитъ въ область психическихъ процессовъ жизни человѣка. Психическіе факторы, стало быть, призываютъ къ жизни своимъ дѣйствіемъ физическіе факторы: значеніе слова руководитъ въ культурномъ языкѣ физической его стороной и тѣмъ усложняетъ изученіе внѣшней стороны языка. Рѣчь человѣка есть во всякомъ случаѣ произвольный актъ обнаруженія дѣятельности органовъ его психики, а потому человѣкъ говоритъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ управляющихъ его поступками психическихъ законовъ. Представимъ себѣ такой примѣръ входа въ сознаніе говорящаго индивидуума новаго какого-либо слова;

намъ извѣстно, что матеріальная сторона языка получаетъ жизнь только въ психической средѣ, т.-е. въ сознаніи говорящаго индивидуума. Положимъ теперь, что новое слово volontaire вошло въ сознаніе говорящихъ на русскомъ языкѣ (а это было *дѣйствительно* такъ въ эпоху русско-турецкой войны въ 1877—1878 году); здѣсь это слово приняло окраску русскихъ звуковъ, т.-е. *l* веляризовалось, а слово „вӧланте́р“ ассоціировалось по закону сходства съ такими словами, бывшими уже въ сознаніи говорящаго, какъ: „полате́р“, „манте́р“, „мӑраде́р“ и другими и стало жить въ формѣ: „вӧланте́р“; рядомъ съ нимъ однако появилось чисто-русское слово, передававшее мысль *о доброй волѣ,* а не просто *о волѣ* или объ *охотѣ* „волонтера“: сочетаніе словъ „добрая воля“ породило собой новообразованіе „доброволецъ“ по образцу „золоторотецъ“, „народоволецъ“, а также по этимологическому типу такихъ словъ, какъ: „богомолецъ“, „палецъ“, „малецъ“, „удалецъ“ и проч. под. Слово „доброволецъ“ мало-по-малу вытѣснило собой слово „волонтеръ“ и пріобрѣло болѣе широкій смыслъ. Въ послѣднее время „аэронавтики“ появились „аэронавты“ (срв. „аргонавты“ и под.), „аэропланы“, „аэродромы“ (срв. „ипподромъ“ и др.), а также русскія слова: „летунъ“ и „летчикъ“ (срв. „плясунъ“, „счетчикъ“, „переплетчикъ“, „перебѣжчикъ“ и под.). Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, какъ слово, облекаясь въ форму привычныхъ для сознанія и извѣстныхъ языку словъ, получаетъ живую силу и начинаетъ жить общею съ другими однородными словами жизнью въ языкѣ. Такимъ образомъ въ языкѣ получаются путемъ ассоціаціи этимологическихъ и звуковыхъ элементовъ слова группы сходныхъ словъ и распредѣляются въ сознаніи говорящихъ по категоріямъ сходства и смежности. *Психическіе законы,* управляющіе поступками человѣка, *оказываютъ активное и пассивное вліяніе на звуковыя представленія.* Звуковыя представленія надо отличать отъ зрительныхъ: когда я вижу предметъ, я получаю зрительное представленіе этого предмета, а когда я слышу названіе

предмета, я получаю звуковое представленіе, которое однако безъ зрительнаго представленія предмета, напр., при усвоеніи языка окружающихъ или чужого языка, т.-е., напримѣръ, въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ или при изученіи иностраннаго языка, останется въ такомъ случаѣ безъ предметнаго содержанія и будетъ храниться въ памяти постольку, поскольку это названіе—слово часто повторяется, часто слышится. *Большинство звуковыхъ представленій, въ особенности* въ періодъ усвоенія языка, въ періодъ образованія языка у индивидуума, словомъ, *въ періодъ предметнаго мышленія*, а не отвлеченнаго, *получается нами одновременно и въ связи по смежности со зрительными представленіями*: я вижу домъ, мнѣ говорятъ слово—названіе того, что̀ я вижу, и въ моемъ сознаніи при каждомъ повторномъ зрительномъ воспріятіи дома, а равно и при каждомъ повторномъ зрительномъ воспріятіи каждаго другого предмета, все болѣе и болѣе крѣпнетъ связь между звуковыми и зрительными представленіями. Эта окрѣпшая связь въ нашемъ сознаніи развивается все время параллельно съ другой крѣпнущей *связью звуковыхъ представленій между собой*. Выше мы видѣли, что звуковое сходство словъ, хотя и безъ сходства ихъ значеній, способно вызывать въ нашемъ сознаніи цѣлую цѣпь звуковыхъ образовъ и объединять ихъ, что̀ представляетъ собой ограниченіе механической работы памяти: „доброволецъ“, „народоволецъ“, „палецъ“, „малецъ“, „однорядецъ“, „золоторотецъ“ и проч., не смотря на все прочее, всетаки связаны тождествомъ этимологическаго строенія этихъ словъ и звуковымъ тождествомъ этимологическихъ частей (суф. „ец“). Однако *одно звуковое сходство* безъ сходства значеній хотя бы отдѣльныхъ этимологическихъ элементовъ въ словахъ еще не можетъ обусловить группировки этихъ словъ въ нашемъ сознаніи. Такъ, напр., слова: „уродъ“ и „огородъ“, не имѣя сходства въ своихъ значеніяхъ, не смотря на свое звуковое сходство, не входятъ въ одну группу словъ въ нашемъ сознаніи. Это очень понятно: *звуковыя представленія*, ассо-

ціируясь постоянно между собой и съ зрительными представленіями *по сходству и по смежности*, *входятъ въ постоянную связь еще съ незвуковыми представленіями, а незвуковыми представленіями являются значенія словъ.* Выше мы высказали основное положеніе, что *въ языкѣ нѣтъ слова безъ значенія*, т.-е. *всякое слово имѣетъ какое-нибудь опредѣленное значеніе*, а потому теперь мы должны заключить, что слово имѣетъ постоянную и опредѣленную связь со своимъ значеніемъ, т.-е. связь слова со значеніемъ пріобрѣтаетъ характеръ постоянности, а, такъ какъ слово есть звуковое представленіе, а значеніе — незвуковое представленіе, то *связь звуковогo представленія съ незвуковымъ получаетъ характеръ причинности* и, слѣдовательно, получена ли эта связь при посредствѣ еще зрительнаго представленія, или непосредственно,—она остается постоянной и имѣетъ характеръ причинности. Ясно, что *ассоціація словъ съ ихъ значеніями*, обусловленная психологическимъ закономъ причинности, является самою прочною въ нашемъ сознаніи и *дѣлается привычной ассоціаціей въ сферѣ нашего мышленія*: значеніе, какъ незвуковое представленіе, вызываетъ собой слово, какъ представленіе звуковое, и обратно; зрительныя представленія мало-по-малу отходятъ на задній планъ, дѣлаются второстепенными, даже излишними, при развитіи культуры—языка, и возникаетъ отвлеченный языкъ, какъ проводникъ и спутникъ культуры, какъ двигатель мысли, получающей въ языкѣ источникъ дальнѣйшаго развитія и питательныхъ соковъ. Нѣтъ культурнаго народа безъ культурнаго языка! Такимъ образомъ *только сходство значеній при сходствѣ звуковомъ* можетъ обусловить группировку словъ въ нашемъ сознаніи по извѣстнымъ категоріямъ.

§ II. *Происхожденіе грамматическихъ категорій. Значеніе слова*, какъ спутникъ звукового представленія, *можетъ быть первичнымъ и производнымъ.* Первичное значеніе слова дается намъ въ словарѣ языка, въ изолированномъ

положенія слова; производное значеніе слово получаетъ въ словосочетаніи, благодаря извѣстной формѣ, которая выступаетъ въ словосочетаніи, какъ выразитель логическихъ отношеній (субъекта, аттрибута и предиката) между представленіями, обозначенными въ звуковомъ языкѣ и составляющими части совокупнаго, цѣлаго представленія, выраженнаго въ словосочетаніи — предложеніи. Поэтому *производное значеніе слова можетъ называться формальнымъ значеніемъ*, тогда какъ *первичное значеніе слова можно назвать этимологическимъ, кореннымъ значеніемъ*. Значитъ, форма сло́ва получается лишь въ предложеніи и, какъ часть его, группируется въ нашемъ сознаніи въ одну категорію другихъ однородныхъ формъ словъ, какъ частей предложенія же. Формы словъ, въ свою очередь, имѣютъ въ нашемъ сознаніи опредѣленныхъ выразителей въ *формальныхъ элементахъ* сло̀ва. Слова̀, группируясь по формальнымъ элементамъ, образуютъ такъ называемыя *грамматическія категоріи*. Такъ, сравнивая по звуковой оболочкѣ, съ одной стороны, слова: „плоды̀", „сады̀", „роды̀", „ряды̀", „суды̀", „пруды̀" и под., а также: „грибы̀", „гробы̀", „столы̀", „волы̀", „колы̀" и под., и замѣчая, что всѣ эти слова имѣютъ *значеніе множественности* предметовъ; далѣе, сопоставляя приведенныя слова со словами: „плодъ", „садъ", „родъ", „рядъ", „судъ", „прудъ", а также со словами: „грибъ", „гробъ", „столъ", „волъ", „колъ", мы замѣчаемъ, что значеніе множественности связано съ такимъ звуковымъ элементомъ „*ы*", который совершенно отсутствуетъ при значеніи единичности въ тѣхъ же самыхъ словахъ; мало того: отнимая звуковой элементъ „*ы*" въ этихъ словахъ, мы получаемъ вмѣсто значенія множественности значеніе единичности. Изъ этого наблюденія мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что звуковой элементъ „*ы*" образуетъ *категорію множественнаго числа*. Отвлекая этотъ образовательный звуковой элементъ, этотъ *формантъ*, мы получаемъ въ немъ формальную, грамматическую принадлежность категоріи множественнаго числа. *Такъ*

возникаетъ въ нашемъ сознаніи грамматическая категорія множественнаго числа. Это звуковое представленіе „*ы*“ въ концѣ слова получаетъ въ нашемъ сознаніи, такимъ образомъ, *самостоятельную жизнь*, какъ признакъ множественнаго числа. У насъ получилось теперь двѣ категоріи: одна съ „*ы*“ для множ. числа, другая безъ „*ы*“ для единств. числа. Подобнымъ образомъ возникаютъ *грамматическія категоріи лица, времени и проч.* Далѣе, сравнивая слова: „сады̀“, „плоды̀“ и т. д. со словами: „домà“, „лѣсà“ и т. д., мы видимъ, что они составляютъ одну группу именъ множественнаго числа, хотя въ звуковомъ отношеніи и не представляютъ никакого сходства другъ съ другомъ; слѣдовательно, общее ихъ значеніе множественности обусловило эту группировку. Равнымъ образомъ, сравнивая слова: „несу̀“, „везу̀“, „веду̀“, „бреду̀“, „иду̀“, „пасу̀“ и под., мы видимъ, что ихъ объединяетъ общее звуковое представленіе „*у*“, которое связывается со значеніемъ 1-го лица глагола; это звуковое представленіе „*у*“ получаетъ въ нашемъ сознаніи самостоятельную жизнь, какъ признакъ 1-го лица глагола въ наст. времени, а отсюда возникаетъ *грамматическая категорія лица.* По своему значенію и слово „ѣмъ“ находитъ себѣ мѣсто въ той же категоріи 1-го лица глагола, группируясь вмѣстѣ съ другими словами, обозначающими 1-е лицо глагола настоящаго или будущаго времени: „несу̀“, „понесу̀“..., „ѣмъ“, „съѣмъ“ и т. д. Такимъ же образомъ, сравнивая слова: „читалъ“, „писалъ“, „бралъ“, „ходилъ“, „варилъ“, „ѣлъ“, „пилъ“ и т. д., мы находимъ, что они объединены общимъ звуковымъ представленіемъ „*л*“ (-лъ), которое связано со значеніемъ прошедшаго времени глаголовъ, причемъ отсутствіе этого „*л*“ и наличность другого признака „-у“, разсмотрѣннаго выше, переводитъ значеніе данныхъ словъ изъ категоріи прошедшаго времени въ категорію настоящаго. Такъ возникаетъ *категорія времени.* Сравнивая слова: „водà“, „женà“, „душà“, „сумà“, „совà“, „ногà“, „козà“, „корà“ и под., мы замѣчаемъ, что ихъ объединяетъ звуковое представле-

ніе „*а*“, которое связано со значеніемъ женскаго рода и, сравнительно со словами, не имѣющими этого признака „*а*“, какъ: „ходъ“, „садъ“, „душъ“, „домъ“, „ловъ“, „Богъ“ и проч. и имѣющими значеніе мужескаго рода, даетъ намъ право заключать, что звуковое представленіе „*а*“ образуетъ *категорію женскаго рода*, а вмѣстѣ съ полученной категоріей мужескаго рода и категоріей словъ со звуковымъ представленіемъ „*о*“, образующимъ категорію средняго рода, мы получаемъ *категорію рода вообще*. Такъ возникаетъ *категорія рода*.

§ III. *Значеніе категорій словъ въ жизни языка*. Распредѣленіе словъ по категоріямъ, согласное съ психическими законами жизни сознанія, состоящее въ подчиненіи словъ законамъ ассоціаціи по смежности и по сходству, играетъ громадную роль въ жизни языка. Это распредѣленіе имѣетъ, во первыхъ, *задерживающее вліяніе на языкъ*, а, во-вторыхъ, *измѣняющее вліяніе*. Эти два вліянія распредѣленія словъ по категоріямъ, повидимому, совершенно противоположны другъ другу, а между тѣмъ это такъ. Возьмемъ примѣры того и другого вліянія и пояснимъ ихъ. Такъ, напримѣръ, два слова: „кость“ и „мать“ своими конечными звуками (т') представляютъ звуковое сходство и по этому сходству способны были бы войти въ одну группу, категорію словъ, но мы этого однако не видимъ въ данномъ случаѣ, и причиной этого служитъ то, что категоріи падежей этихъ обоихъ словъ не сливаются въ одну группу никакими падежами, кромѣ имен. п. ед. числа. Слѣдовательно, стремленію именительныхъ падежей „кость“ и „мать“ слиться въ одну группу препятствуетъ весь составъ косвенныхъ падежей, разбившій эти два слова на двѣ группы: „кости“—„матери“ (а не „мати“), „костью“—„матерью“ (а не „матью“) и проч. Это вліяніе *задерживающее*: категорія такихъ словъ, какъ „мать“, устоялась настолько прочно, что за ея предѣлы не выходятъ такія слова, какъ: „дочь“, не смотря на звуковое различіе имен. п. ед. числа. Наоборотъ, категорія такихъ

словъ, какъ: „кость“, ассоціировалась съ такими словами, какъ: „смерть“, „рать“, „кровать“ и под., а эта ассоціація настолько крѣпка, что остается въ неизмѣнномъ видѣ и не разрушается вторженіемъ словъ другихъ категорій. Такимъ образомъ, категоріями словъ поддерживается система склоненій и спряженій, поддерживается въ одномъ и томъ же состояніи грамматическій составъ языка. Съ другой стороны, распредѣленіе словъ по категоріямъ служитъ факторомъ, измѣняющимъ языкъ и выводящимъ его изъ устоявшагося состоянія: въ этомъ—жизнь и движеніе языка. Напр., падежи: дат., твор. и предложный (мѣстный) множ. числа именъ сущ. *муж. рода*: „столамъ“, „столами“, „столахъ“; „рабамъ“, „рабами“, „рабахъ“; „садамъ“, „садами“, „садахъ“ имѣютъ тѣ же падежныя окончанія, что и имена сущ. *жен. рода*: „водамъ“, „водами“, „водахъ“, „рыбамъ“, „рыбами“, „рыбахъ“, „книгамъ“, „книгами“, „книгахъ“ и под. Древній русскій языкъ показываетъ, что прежде было не такъ: муж. родъ именъ сущ имѣлъ въ этихъ падежахъ свои особыя отъ женскаго рода окончанія, а имена́ сущ. жен. рода имѣли и прежде эти же самыя окончанія въ этихъ падежахъ, что и нынѣ. Стало быть, ясно, что имена́ сущ. жен. рода вовлекли въ сферу своего вліянія имена́ сущ. муж. рода, которыя и утратили свои старыя окончанія и слились въ одну группу этихъ трехъ падежей *во всѣхъ трехъ родахъ*: „столамъ“, „рыбамъ“, „окнамъ“; „столами“, „рыбами“, „окнами“; „столахъ“, „рыбахъ“, „окнахъ“ и т. д. Мы видимъ на этихъ и подобныхъ примѣрахъ, что распредѣленіе словъ по категоріямъ родовъ, падежей и проч. послужило причиною такихъ существенныхъ *измѣненій* въ языкѣ, изъ-за которыхъ, собственно говоря, погибло склоненіе именъ существительныхъ мужескаго и средняго рода во множественномъ числѣ. Вотъ *измѣняющее* вліяніе категорій словъ.

§ IV. *Грамматическія категоріи: этимологическія и синтактическія.* Выше мы видѣли, что словосочетаніе, или

предложеніе, въ звуковомъ отношеніи, представляетъ изъ себя по своей звуковой структурѣ тѣ же отношенія входящихъ въ его составъ звуковыхъ частей—словъ, какія наблюдаются въ составныхъ звуковыхъ частяхъ каждаго слова. Слѣдовательно, и *предложенію, какъ и слову, соотвѣтствуетъ свое звуковое представленіе*. Какъ всякое звуковое представленіе связывается съ однородными звуковыми представленіями въ нашемъ сознаніи въ опредѣленныя группы, такъ и звуковыя представленія, соотвѣтствующія предложеніямъ, группируются съ однородными въ однѣ группы по сходству и смежности своихъ составныхъ частей. Изъ синтактическаго разбора такихъ предложеній, какъ: „я люблю отца", „я люблю сына", „я люблю брата", „я люблю сестру" и под., мы видимъ, что у нихъ у всѣхъ общее обозначеніе субъекта и сказуемаго, а объектъ при сказуемомъ различный. Мы можемъ взять примѣры съ одинаковымъ объектомъ, но съ различными субъектами или различными сказуемыми: „ты любишь сына", „ты видишь сына", „ты учишь сына" и т. д.; или: „я люблю сына", „ты любишь сына", „мы любимъ сына" и т. д. Изъ сравненія всѣхъ этихъ предложеній мы извлекаемъ значенія субъекта, значенія объекта, значенія сказуемаго для предложеній и распредѣляемъ ихъ въ нашемъ сознаніи *по синтактическимъ категоріямъ: субъекта, объекта, сказуемаго.*

§ V. *Столкновеніе категорій и его послѣдствія.* Между различными категоріями, какъ этимологическими, такъ и синтактическими, происходитъ въ нашемъ сознаніи постоянное взаимодѣйствіе, которое заключается въ томъ, что одна группа языковыхъ образованій стремится вовлечь въ область своихъ объединенныхъ особенностей этимологическихъ или синтактическихъ другую группу, ассоціироваться съ нею и тѣмъ упростить сложность и численность категорій. Однако такое стремленіе находитъ для себя почти всегда противодѣйствіе въ тѣхъ условіяхъ, которыя первоначально, при болѣе раннемъ состоя-

ніи языка, служили разъединяющимъ группировку факторомъ. *Такъ происходитъ столкновеніе различныхъ категорій.* Выше мы видѣли, вслѣдствіе какого столкновенія падежныхъ категорій въ результатѣ столкновенія произошла́ утрата трехъ падежей множ. числа именъ сущ. муж. и средняго рода съ ихъ особыми окончаніями. Ниже мы увидимъ, что слѣдствіемъ такихъ столкновеній были значительныя утраты въ языкѣ: утрачено двойственное число, такъ какъ двойственность предметовъ не есть уже ихъ единичность и потому, отличаясь отъ послѣдней, совпадаетъ съ множественностью, и особая форма двойственности въ языкѣ становится излишней, а языкъ стреми́тся избавиться отъ излишнихъ принадлежностей. Двойственность утрачивается во всѣхъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи и мало-помалу исчезаетъ въ языкѣ совсѣмъ, сохраняясь лишь *формально* въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, которыя однако *сознаніемъ* говорящихъ объединены тоже въ группѣ множественнаго числа. Такъ, имена сущ. при числительномъ *два, двѣ* должны бы имѣть особую форму двойственности, не совпадающую съ формами множественности; такъ прежде и было: срв. „два ряда̀" и род. п. ед. ч. „ря̀да"; „два шага̀" и род. ед.: „ша̀га"; „два раза̀" и род. ед.. „ра̀за"; или въ среднемъ родѣ было: двѣ мѣстѣ, двѣ стѣ (нынѣ осталось „*двѣсти*" съ фонетическимъ неударяемымъ *и* вм. *ѣ* въ открытомъ концѣ слова; у народа: „*два ста*"), двѣ селѣ и проч. Или въ женскомъ: двѣ женѣ, двѣ руцѣ, двѣ нозѣ, двѣ levосѣ и проч. Однако при этихъ формахъ жен. рода въ мягкомъ склоненіи было: „двѣ души̇", „двѣ пу̀ли", „двѣ семьи̇" и проч. Здѣсь уже было дано языко́мъ звуковое совпаденіе формъ род. ед. и им.-вин.-зват. двойств. числа́, а отсюда, *по аналогіи* съ мягкимъ склоненіемъ жен. рода: двѣ жены̇, двѣ сестры̇, двѣ руки̇ и проч. Сознаніе говорящихъ приняло эти формы, какъ формы род. п. ед. ч. ж. рода. Формы двойств. числа̀ именъ муж. р.: „ряда̀", „шага̀", „раза̀", рядомъ съ формами *парныхъ* предметовъ, какъ „глаза̀", стали ассоціироваться съ формами, означающими не одинъ предметъ, а *собраніе* нѣсколь-

кихъ предметовъ, а это послужило къ тому, что *формы стараго двойственнаго числа, отличавшiяся по ударенiю отъ старыхъ формъ род. п. ед. числа, стали формами множ. числа*: „города̀“ (срв. род. ед. „го̀рода“), „лѣса̀“, „повара̀“ и мн. др. (а сюда вошло и новое заимствованное слово: „доктора̀“. Срв. „профессора̀“, а также такiя, какъ: „учителя̀“ и проч. под.). Такъ же утрачены старыя формы глаголовъ двойств. числа и замѣнены формами множ. числа, утрачены формы древне-русскаго аориста, имперфекта, перфекта и замѣнены формами *одного прошедшаго* причастiя на „*-лъ*“, которое не имѣетъ ни формъ лицъ, ни формъ рода (по крайней мѣрѣ во множ. числѣ), хотя и имѣетъ значенiя всѣхъ этихъ формъ.

Такимъ образомъ мы видѣли и *консервати̇вное, охранительное дѣйствiе категорiй* (см. выше: кость—мать; кости—матери...); это дѣйствiе, или влiянiе категорiй на жизнь языка мы будемъ называть *пассивнымъ*: оно состоитъ только въ томъ, чтобы держать языкъ въ извѣстномъ состоянiи его грамматическаго склада, т.-е. поддерживать грамматическiй строй языка, укрѣпившiйся въ немъ исконп и мало-по-малу. Мы видѣли и *разрушительное дѣйствiе, или влiянiе, категорiй на жизнь языка*. Это влiянiе мы будемъ называть *активнымъ*. Синтактическiя категорiи того же психологическаго происхожденiя, что̀ и этимологическiя, т.-е. происшедшiя благодаря ассоцiацiямъ, упрощаютъ значительно синтаксисъ живого языка: такъ, предложенiя *неполныя* относительно своихъ главныхъ частей, а равно всѣ *неграмматическiя предложенiя* (въ которыхъ особою формою сказуемости не указано опредѣленно отношенiе сказуемаго къ именительному падежу, къ подлежащему) и такъ называемыя *безличныя*, которыхъ всегда въ разговорѣ встрѣчается гораздо больше, чѣмъ личныхъ, полныхъ и грамматическихъ, стали возможны, благодаря только разрушительному, активному дѣйствiю синтактическихъ ассоцiацiй. Напр., опущенiе различныхъ членовъ словосочетанiя, т.-е. такъ называемыя „подразумѣваемыя“ части предложенiя потому только и

могутъ „подразумѣваться“, что этими опущенными въ разговорѣ частями предложенія ассоціировались съ такими предложеніями, въ которыхъ опущенныхъ членовъ (соотвѣтственныхъ) нѣтъ: если я, видя дворника, который рубитъ дрова, говорю: „дворникъ рубитъ дрова“, то при вопросѣ не разслышавшаго мою рѣчь собесѣдника и спросившаго: „кто“?, я довольствуюсь отвѣтомъ въ *одно* слово: „дворникъ“, такъ какъ категорія сказуемаго требуетъ отъ моего сознанія указанія на субъектъ по ассоціаціи съ другими словосочетаніями, гдѣ сказуемое связано съ субъектомъ. Если мой собесѣдникъ спроситъ: „что дѣлаетъ“?, я довольствуюсь словосочетеніемъ: „рубитъ дрова“, а оставшееся недосказаннымъ слово вызоветъ привычное сознаніе вслѣдствіе ассоціаціи слова „рубитъ“ съ субъектомъ; равнымъ образомъ, „мороситъ“, „морозитъ“, „таетъ“ и т. п. вызываетъ въ нашемъ сознаніи своими личными окончаніями привычныя ассоціаціи съ субъектомъ, но мы его только въ данномъ случаѣ не беремся назвать *опредѣленно*; иногда такія упрощенія и сокращенія, возможныя только вслѣдствіе привычныхъ ассоціацій въ нашемъ сознаніи, доходятъ до максимума, *до одного слова*. Напр., я могу сказать одно слово: „пожаръ“!, и въ моемъ сознаніи совершится въ это время цѣлый сложный процессъ: 1) отождествленія моего зрительнаго восpріятія, по сходству, признаваемому мною, съ бѣдствіемъ отъ огня (пожаромъ); 2) указаніе на субъектъ („я“), который дѣйствуетъ, воспринимаетъ („вижу“); 3) указаніе на объектъ восpріятія субъекта („пожаръ“): „я вижу пожаръ“. (Хотя это просто, можетъ быть, дымъ изъ трубы!). Вотъ такія неграмматическія предложенія возможны въ языкѣ, благодаря психическому воздѣйствію ассоціацій, хотя, конечно, то, *что не дано намъ въ формахъ языка, не составляетъ и языковаго образованія и не входитъ въ составъ грамматическаго строя языка, нарушая его своими неграмматическими словосочетаніями.*

Разрушительное (активное) дѣйствіе ассоціацій обнаруживается, такимъ образомъ, и въ словосочетаніяхъ, и во внутреннемъ составѣ слова, и въ окончаніяхъ слова. Разсмóтримъ еще нѣсколько примѣровъ такого дѣйствія ассоціацій во внутреннемъ составѣ словъ и въ окончаніяхъ словъ. Мы видѣли, что естественно образовались въ языкѣ по сходству признаковъ двѣ крупныя категоріи: категорія склоня́емыхъ словъ и категорія спрягаемыхъ словъ. Возьмемъ измѣненія, происшедшія въ первой категоріи, благодаря ассоціаціямъ. А) Внутренній составъ словъ. Возьмемъ категорію словъ съ суф. $\frac{\text{ък—ок}}{\text{(ъ)к}}$, т.-е. категорію словъ, въ которыхъ наблюдается чередованіе суф. *ок* съ *к*. Этотъ суффиксъ и былъ факторомъ объединенія такихъ словъ въ одну категорію; слова: платокъ, носокъ, чулокъ, катокъ, рожокъ, мѣшокъ, клубокъ, совокъ, садокъ, комокъ, курòкъ, крючокъ, горшокъ и проч. объединились въ одну группу по суффиксу *-ок-*, при которомъ въ косвенныхъ падежахъ наблюдается одно *-к*: платка, носка, чулка, катка, рожка, мѣшка, клубка, совка, садка, комка, куркà, крючка, горшка... Очевидно, что и всякое другое слово, напр., *потолòкъ, урòкъ, òкорокъ* должно ассоціироваться съ вышеприведенными словами по звуковому сходству составныхъ частей своихъ. Для сознанія говорящихъ осязаемымъ признакомъ сходства остается звуковое сходство, и потому языкъ стреми́тся внести въ одну группу и слова: потолòкъ, урòкъ, òкорокъ, уподобивъ ихъ и въ косвенныхъ падежахъ словамъ: платòкъ, курòкъ, носòкъ и проч., т.-е. произведя род. падежи: „потолкà“, „уркà“, (діалект. Оренбургск. губ. Троицк. у.), òкорка. Въ сознаніи говорящихъ уже давно исчезъ слѣдъ этимологическаго состава этихъ словъ, и нынѣ безъ особой спеціальной подготовки уже трудно знать, что слово „по-толок-ъ“ состоитъ изъ префикса „по“, корня (основы): „толок“ (срв. „толочь“, „толока“, „су-толок-а“) и падежнаго суффикса (флексіи); т.-е.

въ этомъ словѣ вовсе нѣтъ суффикса $\frac{\text{ък—ок}}{\text{к}}$, а потому и *род. падежъ не можетъ быть* „потолка̀“: срв. поговорку: „руки въ боки, глаза въ *потолоки*“; въ древн.-рус. яз. (въ грамотахъ): „потолока“—род. п. и проч. Равнымъ образомъ слово „урокъ“ этимологически состоитъ изъ частей: „у-рок-ъ“ (рок—рек; рек-у; у-роч-н-ый; реч-ен-і-е..), а потому здѣсь опять нѣтъ суффикса *ок—к*, а между тѣмъ діалектически ассоціація вовлекла и это слово въ разсмотрѣнную нами выше категорію: „урки̇ заданы“, „приготовилъ всѣ урки̇“, „много урко̀въ задаютъ“ и проч. Такъ же слово: „окорокъ“ этимологически состоитъ изъ частей: о-корок-ъ (корок-: „сѣлъ на кукороч-ь“; ю. и зап.-сл. кракъ – krok и пр.), и въ немъ вовсе нѣтъ суффикса *-ок(к)*, а между тѣмъ слы́шимъ род. ед. и проч.: „о̀корка“ и проч. (если только это не фонетическое измѣненіе въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго, за нимъ, гдѣ гласный можетъ редуцироваться). Б) Окончанія словъ. Если мы сравнимъ окончанія падежей именъ сущ. современнаго намъ русскаго языка и древне-русскаго, то увидимъ, что активное вліяніе ассоціацій сказалось и на окончаніяхъ. Такъ, имена сущ. муж. и сред. рода прежде имѣли во множ. числѣ въ дат., твор. и мѣстномъ падежахъ окончанія: *-омъ, -ы, -ѣхъ*: рабомъ, садомъ, селомъ; рабы, сады, селы; рабѣхъ, садѣхъ, селѣхъ. А нынѣ эти же имена́ имѣютъ въ тѣхъ же падежахъ окончанія: *-амъ, -ами, -ахъ*: рабамъ, садамъ, селамъ; рабами, садами, селами; рабахъ, садахъ, селахъ, т-е. *по образцу* жен. рода: водамъ, водами, водахъ и проч. Далѣе, прежде было: мѣстн. ед.: рабѣ, но: кони; водѣ, но: доуши; селѣ, но: поли. Нынѣ: ко*нѣ*, ду*шѣ*, по*лѣ*, т.-е. такъ же, какъ и въ склоненіи съ *твердыми* основами; слѣд., *категорія твердыхъ основъ передала свои окончанія категоріи мягкихъ основъ*, какъ и выше: категорія именъ жен. рода передала свои окончанія въ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. категоріямъ именъ муж. и сред. рода. Въ результатѣ такой передачи

окончаній твердыхъ основъ получилось *вытѣсненіе окончаній*: „*и*" вытѣснено въ мѣстн. ед. ч.; „*ѣ*"—въ род. ед. жен. рода, въ им.-вин. мн. ч. жен. р., въ вин. п. мн. ч. муж. рода: вмѣсто прежнихъ ꙁємлѣ, волѣ, конѣ и проч. мы имѣемъ: „зе*млй*" по образцу „вод*ы*"; „пул*и*" по образцу вòд*ы*; корабл*и* по образцу стол*ы* и под. Равнымъ образомъ окончанія твердыхъ основъ жен. рода твор. падежа́ ед. ч. *-ою* вытѣснили соотвѣтственныя окончанія мягкихъ основъ, и получилось нынѣ въ мягкомъ склоненіи: земл*'ою*, семьј*ою*, душ*ою*, овц*ою* и т. д. вмѣсто прежнихъ: ꙁємлєю, сѣмьєю, доушєю, овьцєю и проч. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ и случаяхъ, какъ мы видѣли, измѣненія произошли *въ матеріальной сторонѣ языка*: вмѣсто однихъ звуковъ появились другіе или во внутреннемъ составѣ словъ, или въ ихъ окончаніяхъ. Но сейчасъ мы увидимъ, что грамматическія ассоціаціи влекутъ за собой не только *появленіе новыхъ элементовъ вмѣсто утраченныхъ старыхъ*, но даже—*совершенное исчезновеніе грамматическихъ категорій и ихъ значеній*, причемъ вмѣсто исчезнувшихъ категорій и ихъ значеній *могутъ появиться новыя грамматическія категоріи и новыя значенія, связанныя съ этими категоріями*. Такимъ образомъ, *ассоціируются не только слова и выдѣляющіяся изъ нихъ окончанія, но и предложенія и содержащіяся въ нихъ слова, какъ ихъ части. Въ результатѣ этихъ ассоціацій, мы видѣли, измѣняются и предложенія и слова, какъ части предложеній*. Для примѣра исчезновенія категоріи и ея значенія возьмемъ исторію формы perfectum'а (прошедшаго совершеннаго): было время, когда въ русскомъ языкѣ глаголъ имѣлъ нѣсколько формъ для обозначенія прошедшаго времени, и эти формы выражали различные оттѣнки прошедшаго времени; между прочимъ были двѣ формы, ближе другихъ стоявшія другъ къ другу по значенію: форма *аориста* (прошедшаго „историческаго") и форма *перфекта* (прошедшаго „описательнаго" съ результатомъ наличнымъ). Аористъ имѣлъ

особые форманты и окончанія, а перфектъ образовывался изъ формъ причастія спрягаемаго глагола на *„-лъ“* и формъ настоящаго времени глагола **ѥсмь**. Формы аориста употреблялись въ дѣловомъ и письменномъ языкѣ, а въ разговорномъ чаще извѣстны были формы перфекта. Такимъ образомъ, въ языкѣ извѣстны были *одновременно* два оборота, напр., **коупьць ходи городоу** и **коупьць ходилъ ѥсть городоу**. Ассоціація предложеній образовала группу словосочетаній со сказуемымъ **ѥсть** при именной части его (прилагательномъ или существительномъ); въ этой группѣ однако въ скоромъ времени оказалась глагольная часть сказуемаго, именно, форма 3-го лица ед. ч.—**ѥсть**—излишнею, такъ какъ и безъ части **ѥсть** смыслъ былъ понятенъ и заканчивался именной частью сказуемаго, а 3-ье лицо подлежащаго служило въ то же время указаніемъ на форму сказуемости. Отсюда возникли такія словосочетанія, какъ: **коупьць когатъ** вм. **коупьць когатъ ѥсть**. Въ предложеніи: **квасъ къісьлъ ѥсть** и **квасъ къісьлъ** звуковая форма именной части сказуемаго легко ассоціировалась по окончаніямъ съ такими формами именныхъ частей сказуемаго, какъ: **ходилъ**, **коупилъ**, **неслъ**, **плелъ**, **ꙁъвалъ**, **былъ** и проч., т.-е. съ формами причастія **на-лъ**. Поэтому къ этому времени въ языкѣ достаточно ясно было сказать: **коупьць ходилъ городоу**, но при такомъ измѣненіи формы сказуемости въ языкѣ оттѣнокъ значенія прошедшаго времени, поддерживавшійся сочетаніемъ формы на **-лъ** съ глагольной формой **ѥсть** потерялъ свое обозначеніе въ формахъ словосочетанія, и получилось два оборота сходнаго, почти тождественнаго значенія: **коупьць ходи городоу** и **коупьць ходилъ городоу**. При этомъ форма аориста вообще въ разговорномъ, обыденномъ языкѣ употреблялась рѣдко, а съ этого времени стала употребляться еще рѣже и рѣже (формы аориста къ XV-му вѣку уже путались и стали совсѣмъ забываться); такъ что форма **ходилъ** и под. вытѣснила совершенно форму аориста, получивши его

значеніе. *Такъ исчезла категорія аориста и ея значеніе.* Выше мы видѣли *исчезновеніе категоріи двойственнаго числа и ея значенія*: формы вин. ед. ч. именъ сущ. муж. р. одушевленныхъ, напр., **сына**, **раба** и проч. издавна совпадали въ звуковомъ отношеніи съ формами дв. числа вин. п. тѣхъ же именъ, а потому: **видѣхъ сына**, **коупи раба** уже не могло обозначать только, именно, двойственное число, между тѣмъ какъ въ женскомъ родѣ ясно было: **коупи коровоу**, **коупи коровѣ** и **коупи коровы**. Потребовалось и въ муж. и въ среднемъ родѣ обозначать опредѣлительно *другими средствами двойственность предметовъ*. Такую роль приняло на себя числительное **два**. Словосочетанія: **коупи раба**, **видѣхъ сына** стало означать *одного* раба, *одного* сына (болѣе старый вин. п. ед. ч. **рабъ**, **сынъ** въ одушевл. именахъ сущ. сталъ замѣняться родительнымъ еще ранѣе; конечно, во времена доисторическія въ тѣсномъ, узкомъ смыслѣ, такъ какъ уже въ Остр. Ев. мы имѣемъ въ значеніи вин. п. ед. ч. формы: **отьца**, **сына** и др.), а для обозначенія *двухъ* пришлось говорить: **коупи два раба**, **видѣхъ два сына** и т. п. Отсюда прежде всего **два** съ этой ролью было перенесено и въ словосочетанія съ именами сущ. неодушевленными: **видѣхъ два города**, **коупихъ два дома** и проч. **Видѣхъ городъ**, **коупихъ домъ** оставалось въ такомъ случаѣ для обозначенія *одного* предмета. Затѣмъ отсюда числит. **двѣ** проникло и въ жен. родъ при словосочетаніяхъ: **коупи коровоу**, **коупи коровы**, но обязательно: **коупи двѣ коровѣ**, а потомъ и—**двѣ коровы** (см. выше). Стало быть, двойственность стала выражаться числительнымъ, а потому *особая* форма дв. числа потеряла значеніе, такъ какъ *безъ числительнаго она уже не обозначала двойственности*. Послѣдствіемъ этого были, какъ мы видѣли: 1) Формы *дв.* числа безъ „два“ стали означать вообще *множ.* число: такъ получились множ. числа: „*города́*“, „*лѣса́*“, „*дома́*“, „*глаза́*“, „*черепа́*“, „*луга́*“ и т. п. 2) Формы *дв.* числа стали замѣняться фор-

мами множ. числа. *Такъ исчезла категорія двойственнаго числа, исчезло и ея значеніе.*

Вотъ это-то дѣйствіе ассоціацій однихъ звуковыхъ представленій на другія принято называть въ наукѣ общимъ терминомъ: „аналогія". Такова сущность процессовъ въ жизни языка!

§ VI. *Закономѣрны-ли явленія аналогіи?* Мы только что видѣли, что *явленія грамматической аналогіи суть явленія психической жизни человѣка.* А всякое явленіе психической жизни человѣка подчинено извѣстнымъ законамъ психологіи. Стало быть, и явленія грамматической аналогіи подчинены извѣстнымъ психологическимъ законамъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ не просто апріорное положеніе, только что высказанное нами, но и то чрезвычайно важное обстоятельство, представляющее результатъ конкретныхъ наблюденій, именно, что нѣкоторые процессы въ языкѣ приводятъ къ результатамъ, проведеннымъ въ языкѣ совершенно послѣдовательно, безъ всякихъ отклоненій или исключеній. Напр., твор. п. мн. ч. *во всѣхъ словахъ безъ исключенія* замѣнилъ окончаніе *-ы* окончаніемъ *-ами*; это *-ами* проведено даже *по всѣмъ русскимъ говорамъ.* (Старыя формы на *-ы*, сохранившіяся въ народныхъ пѣсняхъ или пословицахъ, служили предметомъ подражанія у отдѣльныхъ поэтовъ, когда они поддѣлывались подъ народную пѣсню: „со *вороты* со тесовыми" — у Пушкина; на обложкѣ старыхъ журналовъ и сочиненій обозначена въ XVIII—XIX вѣкѣ нерѣдко типографія такъ: „Селиванова со товарищи" и под. Но это — подраженіе и пережитокъ старыхъ формъ дѣлового языка актовъ, грамотъ и под. бумагъ, однако безъ повторенія въ живомъ языкѣ). Далѣе, суффиксъ *-ень во всѣхъ словахъ муж. рода* съ этимъ суффиксомъ теряетъ свое *е* въ склоненіи: корень — корня... (было: корене), ставень — ставня, противень — противня, ливень — ливня, камень — камня, ремень — рем-

ня, сажень—сажня, слѣпе́нь—слѣпня́ и проч. Слово „сухмѣнь"—колеблется и въ родѣ (муж.-жен.) и, кромѣ того, пропускъ звука *е* создалъ бы группу согласныхъ, не удобную для артикуляціи.

Далѣе, окончаніе им. п. мн. ч. *-ы* замѣнило собой старое окончаніе *-и во всѣхъ словахъ муж. р., оставшихся въ категоріи твердыхъ основъ*: бобы, ловы, сады, возы, колы, ломы, сны, попы, воры, носы, кроты, паяцы, братцы и под. Слова типа: боги, пророки, горохи и под. измѣнили *фонетически* свои *г, к, х* еще съ XII-го вѣка, а не подъ вліяніемъ аналогіи; слова типа: ножи, мечи, шалаши, плащи и под. не принадлежатъ по своему склоненію къ твердымъ основамъ; здѣсь приходится считаться, во-первыхъ, съ *фонетическимъ* старымъ отвердѣніемъ звуковъ *ж, ш, ц*, и сохранившеюся мягкостью звуковъ *ч, щ*, а, во-вторыхъ, съ фактомъ смѣшенія основъ. (Ср. уже въ др.-рус. сторожовъ и сторожь, сторожен). Слова такія, какъ: „сосѣди", „черти" перешли во множ. ч. въ категорію мягкихъ основъ, какъ и слова съ основою на ж, ч, ш, щ, ц. Послѣднія, впрочемъ, только отчасти. Ср. ряз.-скоп. „мѣсяцей"—род. мн. ч. и „мѣсяцовъ"—рус. литературное и проч. діалектическое. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ *вполнѣ послѣдовательно проведенные результаты явленій аналогіи*. Вотъ подобные конкретные наблюденія и факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что *всѣ подобные процессы въ языкѣ протекаютъ закономѣрно, и что случайность результатовъ ихъ только кажущаяся*. Однако этого мало для науки: надо знать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какой психологическій законъ направляетъ тѣ или другія явленія аналогіи, и какія явленія аналогіи подчинены одному закону, а какія — другому. Вотъ этими то знаніями и не можетъ похвалиться пока лингвистика, такъ какъ психологическіе законы сами по себѣ недостаточно еще изучены и по своей природѣ очень сложны, а потому не поддаются пока точному анализу и строго-научному изученію. Фонетическія явленія, напротивъ, гораздо проще по своей при-

родѣ, и потому фонетика и физіологія звуковъ являются самыми разработанными отдѣлами лингвистической науки. Изъ всего изложеннаго нами въ отдѣлѣ „психологіи" языка одно только *безспорно* можно вывести, что *звуковыя измѣненія* въ языкѣ, мѣняя самую оболочку (матеріальную сторону) языка съ теченіемъ времени, *являются измѣненіями такого рода, которыя происходятъ въ извѣстныхъ условіяхъ своей жизни*, а подъ этими условіями жизни звуковъ разумѣется психическая среда, сознаніе говорящихъ, въ сферѣ которыхъ и подвергаются измѣненіямъ звуки языка. Слѣдовательно, неизбѣжно вліяніе психическихъ процессовъ на самый составъ звуковъ словъ и словосочетаній, составъ, который подъ воздѣйствіемъ психики человѣка, группируетъ элементы языка въ различныя категоріи. Но можно дать примѣры и *независимыхъ звуковыхъ измѣненій* въ языкѣ, не подчиненныхъ при этихъ измѣненіяхъ какимъ-либо психическимъ законамъ, обусловившимъ собой эти, именно, измѣненія, т.-е. *измѣненій звуковъ самихъ по себѣ*.

§ VII. *Процессы измѣненія звуковъ самихъ по себѣ*. Отъ процессовъ аналогіи слѣдуетъ отличать другіе процессы — *измѣненія звуковъ самихъ по себѣ*. Выяснимъ сущность такихъ процессовъ: хотя каждый звукъ рѣчи получаетъ жизнь только въ психической средѣ, т. е. въ сознаніи говорящаго, тѣмъ не менѣе всѣ жизненные процессы звуковыхъ измѣненій обусловлены тѣми грамматическими ассоціаціями, въ сферу которыхъ вступаетъ каждое слово языка со всѣми своими звуковыми частями, живущими также въ сферѣ своихъ ассоціацій. Именно, звуки измѣняются независимо отъ измѣненій звуковыхъ представленій и даже сами вліяютъ на измѣненія звуковыхъ представленій, хотя звуки слова, какъ мы видѣли, представляютъ въ сознаніи говорящаго неотдѣлимую часть звукового представленія, неотдѣлимую, именно, отъ звукового представленія. Слѣдовательно, *причину измѣненія звуковъ нельзя ис-*

кать въ психическихъ процессахъ, которыми опредѣляются активныя и пассивныя состоянія звуковыхъ представленій, а надо искать эту причину въ чемъ-то другомъ. Собственно говоря, если *не психическіе* процессы служатъ причиною измѣненія звуковъ, такъ какъ звуки сами способны измѣнять звуковыя представленія, то остается предположить, что звуковыя измѣненія вызываются *физіологическими причинами.* Но оказывается, что и это не такъ. Въ самомъ дѣлѣ, *если физіологическая причина устраняетъ сочетанія* звуковъ шумныхъ, различныхъ по степени участія голоса; такъ, напр., сочетаніе звуковъ „зп" въ словѣ: „разпоролъ" устраняется по физіологической причинѣ и замѣняется сочетаніемъ „сп": „распоролъ" и под. *То какая же причина порождаетъ такія сочетанія?* Срв., напр., сочетаніе „зт" въ словѣ: „лѣзть" и под. Очевидно, ужъ не физіологическая; иначе, она сама бы себя уничтожала! Въ виду явной несообразности въ допущеніи причины, устраняющей самое себя, *приходится всетаки остановиться на психологической причинѣ измѣненія звуковъ,* такъ какъ другихъ причинъ нѣтъ, но только *приходится предполагать эту психологическую причину не въ тѣхъ процессахъ ассоціаціи, которые мы разсматривали выше, а въ другихъ процессахъ.*

Звуковыя измѣненія протекаютъ совершенно закономѣрно. Напр., старые носовые гласные ǫ и ę вездѣ, во всемъ составѣ русскаго языка, во всѣхъ положеніяхъ безъ всякихъ исключеній, замѣнились чистыми звуками *у* и *а*; дифтонгическое сочетаніе *i͡e* общеславянской эпохи дало въ русскомъ языкѣ *i͡e*, которое въ великорусскомъ нарѣчіи явилось въ видѣ *е*, въ малорусскомъ—*i*, въ бѣлорусскомъ *е*; старыя мягкія ś и ź въ московскомъ говорѣ, въ литературномъ русскомъ произношеніи вездѣ отвердѣли, стали твердыми *ш* и *ж*. Въ виду такой *закономѣрности* этихъ приведенныхъ и другихъ звуковыхъ замѣнъ и измѣненій необходимо указаніе *причины: закономѣрность явленій требуетъ такого указанія.*

Разыскивая причину такихъ звуковыхъ явленій, лингвисты не совсѣмъ и не во всемъ согласны другъ съ другомъ: что эта причина должна быть *психическая*, а не *физiологическая*,—это для всѣхъ ясно въ виду вышеприведенныхъ соображеній; но какая, именно, причина и въ чемъ она заключается,—вотъ вопросъ.

Лингвистъ Пауль (*Hermann Paul*: „Prinzipien der Sprachgeschichte" 4-ое изданіе), а вмѣстѣ съ нимъ и лингвистъ Дельбрюкъ (*Berthold Delbrück*), предполагаютъ, что *причина звуковыхъ измѣненій лежитъ въ психическихъ особенностяхъ индивидуума*: эти лингвисты и ихъ послѣдователи (а въ настоящее время таковыхъ—большинство, и это ученіе—господствующее въ современной наукѣ) представляютъ себѣ дѣло такъ: индивидуумъ обнаруживаетъ въ своемъ языкѣ тѣ или другія особенности, а окружающіе его безсознательно, какъ и онъ самъ, воспринимаютъ эти особенности, если къ воспріятію ихъ имѣется на лицо въ окружающей средѣ подготовленная къ этому психическая среда; словомъ, звуковыя измѣненія въ языкѣ идутъ отъ индивида и распространяются въ общественной группѣ, охватывая или всю ее, или ея часть, или, наконецъ, встрѣчая отпоръ въ окружающей средѣ, отпоръ, обусловленный неподготовленностью укладовъ органовъ рѣчи въ окружающей средѣ для усвоенія данной звуковой замѣны или звукового измѣненія. Гораздо, по моему мнѣнію, ближе подошелъ къ истинѣ знаменитый ученый психологъ, и вовсе не лингвистъ, *Вильгельмъ Вундтъ* (Wilhelm Wundt) со своей новой теоріей *народной психологіи* („Völkerpsychologie") вмѣсто старой Гербартовской *индивидуальной психологіи* интеллекта. Въ самомъ дѣлѣ, если обосноваться на физіологіи звуковъ человѣческой рѣчи и вникнуть въ процессы физіологическаго характера при изученіи *звуковой физіономіи* языка, т.-е. имѣть въ виду постоянно тѣ основныя положенія, которыя мы развивали выше, въ Отдѣлѣ физіологіи звуковъ, то станетъ совершенно необходимымъ

для объясненія относительнаго тождества языка въ обширныхъ общественныхъ союзахъ, въ племенахъ, въ цѣломъ народѣ,— *обращать главное свое вниманіе на процессы распространенія звуковыхъ явленій въ языкѣ, а не на процессы зарожденія ихъ*, такъ какъ въ сущности зарожденіе звукового явленія сводится къ его распространенію, потому что такое *зарожденіе должно разсматриваться* не какъ появленіе чего-то новаго, но *какъ обнаруженіе потенціально уже готоваго звука, но не оглашеннаго*, существующаго уже въ языкѣ мысли, но не въ языкѣ звуковыхъ словъ. Этотъ періодъ языка легко можно себѣ представить при тщательномъ наблюденіи за развитіемъ языка у дѣтей въ одной и той же, большой по составу семьѣ. Съ нѣкоторыми необходимыми оговорками, но въ общихъ очертаніяхъ мы здѣсь имѣемъ тотъ же процессъ проявленія языка мысли въ звукахъ, претворенія беззвучнаго языка въ звуковой. Здѣсь, въ семьѣ, нѣтъ геніевъ языка, нѣтъ творцовъ его: дѣти одного возраста (въ особенности близнецы) начинаютъ сразу изглашать звуки языка, которые ихъ ухо слышало уже задолго до появленія, до обнаруженія *дѣтской* рѣчи. (Поэтому-то *дѣтская* рѣчь приблизительно у всѣхъ дѣтей одного возраста и одинаковаго развитія одинакова). Уклады органовъ рѣчи управляются тѣми импульсами мозговой дѣятельности, которые посылаются по нервнымъ проводамъ отъ мозга къ соотвѣтствующему данной цѣли аппарату нашего организма. Полагаю, что *представленіе о звукѣ становится уже тогда звуковымъ представленіемъ, когда оно дано и готово въ нашемъ аппаратѣ рѣчи вслѣдствіе продолжительныхъ слуховыхъ воспріятій, но не получило еще звуковой оболочки*. Слуховыя же воспріятія поступаютъ къ намъ не отъ одного индивида, а отъ различныхъ и нѣсколькихъ, и нашъ аппаратъ все время работаетъ въ согласіи съ воспринимаемыми нами слуховыми воспріятіями, идущими какъ извнѣ, такъ и отъ нашей собственной рѣчи. Какъ часто мы изъ самонаблюденія

и изъ наблюденія надъ другими знаемъ, что, напр., музыкальный мотивъ „вертится на умѣ“: ты его совершенно ясно представляешь и слышишь, узнаешь по слуху, но самъ спѣть до поры до времени не можешь. Это общеизвѣстное наблюденіе. Вотъ почему мнѣ кажется, что для объясненія явленій языка, быта, нравовъ, миѳологіи и под. продуктовъ культуры *необходимо предполагать* не индивидуальную психологію, а *общественную, народную психологію, психическую среду всего даннаго народа, его народную душу*. Безъ допущенія общихъ законовъ, управляющихъ коллективнымъ, такъ сказать, психическимъ организмомъ мы не получимъ объясненія *общности языка, общности быта, общности вѣрованій, общности основъ народнаго міросозерцанія*. Насколько я знаю, приблизительно такой точки зрѣнія и держится *Вундтъ*. Въ настоящее время въ Германіи выходитъ новый журналъ: „Wörter und Sachen“, въ которомъ помѣщена редакціонная статья, принадлежащая перу лингвиста *Мерингера*, который знакомитъ публику съ цѣлями и мотивами появленія этого новаго журнала. Въ этой статьѣ, сколько помню, Мерингеръ свидѣтельствуетъ, что справедливая исходная точка Вундта получаетъ все бо́льшее и бо́льшее распространеніе въ западно-европейской наукѣ (Wörter und Sachen. B. III. Heft. I. Heidelberg 1911. *Rudolf Meringer*. Zur Aufgabe und zum Namen unserer Zeitschrift. S. 26 ff.). Такъ какъ всѣ измѣненія въ языкѣ совершаются помимо нашей воли и сознанія, т.-е. *всѣ измѣненія въ языкѣ безсознательны*, то ясно, что и для измѣненія звуковъ *самихъ по себѣ* подготовлены въ общественной средѣ тѣ уклады органовъ рѣчи, которые принимаютъ опредѣленный, необходимый видъ помимо нашего сознанія.

§ VIII. *Психическіе факторы звуковыхъ измѣненій*. Въ заключеніе я представлю перечень извѣстныхъ намъ психическихъ факторовъ звуковыхъ измѣненій въ рѣчи, затѣмъ дамъ

образцы *обычныхъ* въ языкѣ видовъ звуковыхъ измѣненій и скажу о законѣ подраженія.

Психическіе факторы измѣненій:

1) Экономія силъ.

2) Антиципація мускульныхъ ощущеній:

а) измѣненіе общесл. k, g, ch въ ć, ǵ, š передъ гласн. передняго ряда и j.

б) палатализація согласныхъ въ рус. яз. передъ гласными передняго ряда и j: срв. лат. mare и рус. море...

в) Великорус. *к'* послѣ i̯ и палатальныхъ согласныхъ: ч'аi̯к'у, н'ан'к'а...

г) Случаи, какъ: lice, polьsa, vьsь и под. еще въ общеслав. языкѣ.

3) Явленія аналогіи:

Образованія, какъ: н'ос, п'ос, сем'јою, скам'јою и под.

4) Вліяніе одного́ языка на другой. При такомъ вліяніи отдѣльные индивидуумы становятся *двуязычными*, по крайней мѣрѣ, въ первое время.

а) *Галлицизмы* въ рус. яз.: носовые гласные во франц. словахъ: шąсы, финąсы... (см. выше).

б) Прибалтійскіе нѣмцы произносятъ латышское ł послѣ *а, о, и* передъ зубными:

Напр., bałd, wałd, gołd, kałt, hułden и проч. под.

в) Олончане подъ вліяніемъ карелъ произносятъ русское этимологическое предударное *о*, какъ *а°*, съ переносомъ на него ударенія: „та́°пор“.

г) Въ Чукотскомъ краю русскіе говорятъ вм. *р* и *л*—*ј*: „сладкоязычіе“: (јад, јадно, јук...).

д) Угроруссы подъ вліяніемъ словаковъ произносятъ l вм. ł.

е) Существуетъ предположеніе, что русское экспираторное удареніе образовалось изъ музыкально-экспираторнаго подъ вліяніемъ инородцевъ.

(Для этого дастъ много интересныхъ данныхъ изученіе зырянскаго говора въ Олонецкомъ и Вологодскомъ краю).

Теперь перечислю обычные виды звуковыхъ измѣненій:

1) Измѣненіе звуковъ самихъ по себѣ:

а) Утрата носовыхъ гласныхъ.

б) Утрата мягкихъ шипящихъ (*ж* и *ш*) въ влкр. говорахъ.

в) d'ź и t'ś изъ d' и t' въ бѣлорус. языкѣ.

г) Измѣненіе *i͡e* въ *і* въ украинско-млр. говорахъ.

2) Измѣненіе звуковъ въ зависимости отъ положенія въ словѣ:

а) въ концѣ слова:

переходъ звонкихъ въ глухіе: сат, плот, бут', боп, лоф, творок, нош, вос, кос...

отвердѣніе смягченныхъ губныхъ: бѣлор.-малорус.: сып, голуп, кроў, сем, остаў и под.

Переходъ *е* въ *а* послѣ долгой смягченной согласной: въ млр.: жит'т'а, весіл'л'а...

б) въ началѣ слова:

въ влкр.: ija вм. ja: čijà, pijàfka ..

3) Измѣненія звуковъ въ зависимости отъ положенія относительно ударенія.

Переходъ *о* въ *а* въ предударномъ слогѣ и въ звукъ неполнаго образованія (редуцированный)—*α* въ прочихъ слогахъ.

Въ ювр. и блр.: вадà, хадѝ, п*αγ*адѝ...

Переходъ *е* въ *ы* въ неударенныхъ слогахъ.

Въ млр.: зыляно̀...

Переходъ *і* и *у* въ *і^е* и *у^о* подъ удареніемъ.
Въ угрорус.: ніево, буодэт'...

4) Измѣненія звуковъ въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ. Здѣсь надо различать:

а) измѣненіе звука вслѣдствіе постепеннаго приспособленія къ сосѣднимъ,—это явленія *ассимиляціи*.

б) измѣненіе звука безъ приспособленія, наоборотъ,— устраненіе уподобленія; это—явленія *диссимиляціи*.

Оба эти измѣненія собственно *замѣны одного звука другимъ*.

Такимъ образомъ, надо отличать:

I. Измѣненія звуковъ—подъ цыфрами: 1, 2, 3.

II. Замѣны звуковъ—ассимиляція и диссимиляція.

Обычные виды ассимиляціи слѣдующіе:

Гласные звуки:

а) Гласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* гласнаго, которому и уподобляется:
ювр.: бисико́м, висилё́к...
млр.: баɣа́то...

б) Гласный находится подъ вліяніемъ *предшествующаго* гласнаго, которому и уподобляется:
ювр.: дурука́, мужукі́, гусука́...

в) Гласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* согласнаго и становится напряженнымъ, если этотъ согласный смягченный: моск.: êt'i, v'êr'it' (срв. eta, v'era... выше).

г) Гласный находится подъ вліяніемъ *предшествующаго* согласнаго: изъ старыхъ *ä*, *ö*, *ü* въ положеніи послѣ смягченныхъ получились *a*, *o*, *u*: vz'at, čot, čudo... Это—явленіе еще общерусской эпохи.

д) Гласный находится подъ *одновременнымъ* совмѣстнымъ вліяніемъ *сосѣднихъ боковыхъ* согласныхъ: свлр.: *ê* изъ *a* между смягченными согласными: z'êt', vz'êt', p'êt', op'êt'...

Согласные звуки:

а) Согласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* гласнаго палатализованнаго и лабіализованнаго: t'ер-ło, t'iχo, tut, tot...

б) Согласный находится подъ вліяніемъ *предшествующаго* гласнаго: млр.: *l* вм. *l'* послѣ *е*, *у*, *і* (см. выше): tylko, bilš, selskij...

в) Согласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* согласнаго: переходъ *k* и *g* передъ *t* и *d* въ χ и γ: χto, koγda...

г) Согласный находится подъ вліяніемъ *предшествующаго* согласнаго: влкр. k и g и χ послѣ смягченныхъ согласныхъ и ј перешли въ k', g', χ': чайкю, ванькя, ольгя, верьхё́м и проч. Срв. также въ иностранныхъ словахъ проведена эта русская ассимиляція: „шашà“ =„шоссе“. Срв. шаштòй=шестой...

Обычные виды диссимиляціи слѣдующіе:

а) Два губныхъ замѣняются зубнымъ и губнымъ: анба́р, ла́нпа, Танбо́ф, ту́нба, та́нба...

б) Два плавныхъ *р* въ сосѣднихъ слогахъ или черезъ слогъ другъ отъ друга замѣняются звуками: р + л или л + р: февра*л*ь, сек*л*етарь, ди*л*ехтор, про*л*упь...

Сюда относятся явленія *гаплологіи* (два одинаковыхъ слога сливаются, упрощаются въ одинъ); напр., „знаменосецъ“ вм. „знамено-носецъ“, „близорукій“ вм. „близо-зорокій“... и *метатезиса* (перестановки): Фрол вм. Флор, крылос вм. клирос, канцерялія вм. канцеларія...

Если мы теперь подведемъ итогъ всѣмъ этимъ перечисленнымъ случаямъ обычныхъ видовъ измѣненій звуковъ, ассимиляціи и диссимиляціи, то, обобщая эти виды, мы получимъ заключеніе, что процессъ представляется намъ вообще двоякимъ:

Или: а) звукъ измѣнялся: сами по себѣ звуки измѣняются *постепенно*; происходитъ *постепенное* приспо-

собленіе звука къ сосѣднимъ. Эти два характерные признака отличаютъ собой *измѣненіе* звуковъ.

Или: б) звукъ замѣнялся: замѣна звука въ отличіе отъ измѣненія его происходитъ *не постепенно, а сразу.* Сюда принадлежатъ явленія *ассимиляціи, диссимиляціи, гаплологіи* и *перестановки.* Всѣ остальные виды изъ перечисленныхъ выше относятся къ измѣненіямъ звуковъ.

§ IX. *Звуковой законъ. Закономѣрность звуковыхъ явленій.* Всѣ разсмотрѣнныя выше звуковыя явленія, какими бы они факторами ни вызывались, протекаютъ закономѣрно. Что это значитъ? Это значитъ то, что *одинаковое измѣненіе звуковъ или одинаковая замѣна ихъ должны наступить непремѣнно во всѣхъ случаяхъ при дѣйствіи тѣхъ же условій.* Или иначе: *если при данныхъ условіяхъ происходитъ данное измѣненіе звука или данная его замѣна, то то же измѣненіе или та же замѣна произойдетъ во всякомъ другомъ случаѣ, если повторятся тѣ же условія;* и это измѣненіе звука или его замѣна произойдетъ вездѣ *безъ всякаго исключенія. Въ этомъ заключается сущность звукового закона. Это его опредѣленіе.* Въ этомъ же и его отличіе отъ всякаго физическаго закона природы: *тамъ сила и обязательность закона остается вездѣ при всякихъ условіяхъ,* напр., законъ тяготѣнія, сохраненія матеріи и проч. имѣетъ одинаковую силу во всѣхъ поясахъ земного шара, во всемъ мірѣ; *здѣсь сила и обязательность звукового закона обусловлена наличностью тѣхъ условій, въ которыхъ проявился законъ.* Такъ, напр., *х* вм. *к* мы найдемъ только передъ *т*, но должны найти его *вездѣ передъ т*: хто, дохтуръ, дилехтор, на трахту, лахтѣй, нахтѣй и проч. (Произношеніе: „локти“, „нокти“ — искусственное, хотя и литературное). Отвердѣніе *р* въ бѣлор. яз. мы найдемъ вездѣ безъ всякихъ исключеній: рэка, трапка, тры, румка... Такъ же: переходъ *о* въ *а* въ слогѣ передъ ударе-

тряпка

ніемъ обязателенъ въ ювр. и блр. Такъ же: переходъ *о* въ *і* (черезъ посредство *uo—uӧ—ue—ui*) въ млр. языкѣ обязателенъ при условіи исконнаго, не вторичнаго *о*; переходъ ǫ въ *u* составляетъ характерную черту фонетики всего состава русскаго языка въ общерусскую эпоху; русское полногласіе, состоящее въ замѣнѣ сочетаній: tort, tert, tołt, tełt сочетаніями: torot, teret, tołot, telet, такъ же есть явленіе общерусской эпохи и всего состава русскаго языка. Вотъ эти всѣ звуковыя измѣненія совершенно закономѣрны такъ же, какъ и перечисленныя выше. *Закономѣрность звукового явленія опредѣляется самою сущностью этого явленія*, зависитъ отъ вызвавшей его причины, которая дѣйствуетъ *принудительно*. Причина эта зарождается въ психической жизни или отдѣльнаго индивидуума, какъ исповѣдуетъ господствующее ученіе, или въ народной психикѣ, сложившейся изъ однородныхъ составныхъ элементовъ. Звуковое явленіе по происхожденію своему поэтому принадлежитъ или индивидуальному языку, и въ такомъ случаѣ оно предполагаетъ непремѣнно *подражаніе* у другихъ индивидуумовъ, посредствомъ котораго оно и распространяется, или только распространяется, реализуется въ звукахъ языка отдѣльнымъ лицомъ, отдѣльными лицами (такъ какъ человѣкъ самъ съ собой не говоритъ: при посредствѣ языка онъ духовно *общается* съ другими), а зарождается въ условіяхъ общественной психики. Собственно говоря, совершенно безразлично для научной теоріи, отдѣльный ли индивидуумъ вводитъ въ жизнь языка извѣстное звуковое измѣненіе, или его вводитъ общественное сношеніе путемъ языка: языкъ, вѣдь, часть психо-физической природы человѣка; это не есть изобрѣтеніе, а потому нельзя сказать о зарожденіи звукового явленія въ отдѣльномъ индивидуумѣ, какъ напр., объ открытіи или изобрѣтеніи парового двигателя Фультономъ или Стефенсономъ. Проявленіе природы человѣка совершается при посредствѣ различныхъ органовъ, дѣятельность которыхъ управляется физіологическими и психическими законами, а потому языкъ, какъ

органъ проявленія сложной природы человѣка, не изобрѣтается отдѣльнымъ лицомъ, а проявляетъ себя въ функціяхъ, которыя, въ силу сложности человѣческой психики, модифицируются даже при первомъ обнаруженіи звуковыхъ явленій, проявленіе которыхъ въ языкѣ звуковъ нельзя себѣ представить *въ совершенно однообразномъ, тождественномъ* для всѣхъ единицъ общественной группы видѣ. Такого періода, какъ бы онъ коротокъ ни былъ, нельзя себѣ представить въ исторіи языка, въ силу выше разобранныхъ и указанныхъ причинъ, лежащихъ въ человѣческой психикѣ и его культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, къ каковымъ и относится языкъ, становясь звуковымъ языкомъ и органомъ духовнаго общенія. Тѣмъ не менѣе, гдѣ бы ни *зарождалось* звуковое явленіе: въ отдѣльномъ ли индивидуальномъ языкѣ, т.-е. въ психической жизни отдѣльнаго индивидуума, или, какъ я думаю, въ психической жизни опредѣленной общественной группы, объединенной однимъ языкомъ, все равно *звуковое явленіе должно протекать совершенно закономѣрно*, и эта закономѣрность звуковыхъ явленій гораздо правдоподобнѣе объясняется изъ условій общественной психики, отражающейся въ дѣятельности единицъ, составляющихъ общественную группу, единицъ, у которыхъ уже подготовлены взаимнымъ общеніемъ и развившейся слуховой и физіологической привычкой опредѣленные уклады органовъ рѣчи. *Вотъ въ силу сказаннаго звуковой законъ и не можетъ допустить никакихъ исключеній.*

§ X. *Законъ подражанія.* Распространеніе звукового явленія изъ индивидуальнаго языка въ языкъ группы происходитъ путемъ подражанія, какъ учитъ современная теорія послѣднихъ годовъ, если не ошибаюсь, съ легкой руки Тарда. Думаю однако, что, такъ какъ звуковое явленіе индивидуальнаго языка довольно часто не воспринимается окружающей средой, даже въ составѣ одной семьи (см. мою статью: „Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи“. Изв. Отдѣленія рус. яз. и

слов. Академіи Наукъ 1910 г. Томъ XV, 4), то предполагать, именно, *подражаніе* и возводить его въ законъ, а равно выводить звуковыя явленія всего языка изъ языка одного индивидуума, значитъ придавать слишкомъ много значенія одной личности тамъ, гдѣ одна личность какъ разъ оказываетъ мало вліянія, т.-е. въ явленіяхъ соціальнаго характера и общественной духовной культуры. Въ самомъ дѣлѣ, при подражаніи составъ общественной группы низводится до степени низшаго духовнаго развитія, а отдѣльное лицо этой группы искусственно поднимается до уровня оригинальнаго творца. Полагаю, что эта теорія подражанія въ языкѣ держится въ наукѣ, благодаря отсутствію болѣе состоятельной теоріи и перенесена сюда изъ области другихъ наукъ совершенно напрасно: эта теорія распространенія звуковыхъ явленій путемъ подражанія индивидууму ничего въ сущности не объясняетъ и опровергается наблюденіями: *подражанія въ языкѣ настолько прозрачны и сравнительно рѣдки, что ихъ можно всегда указать вмѣстѣ съ источникомъ ихъ.* А для всей звуковой системы языка со всѣми явленіями жизни звуковъ еще никѣмъ и нигдѣ не указанъ источникъ ихъ зарожденія, причемъ предполагается, что таковымъ источникомъ долженъ быть, конечно, человѣкъ, такъ какъ только человѣческій языкъ звуковъ составляетъ предметъ лингвистики.

Да и сами сторонники теоріи подражанія допускаютъ при распространеніи звуковыхъ явленій въ языкѣ три возможныхъ случая:

1) Новое звуковое явленіе находитъ готовую почву въ укладѣ языка *всѣхъ* индивидуумовъ.
2) Оно находитъ готовую почву въ укладѣ языка *только нѣкоторыхъ* индивидуумовъ. (Такъ называемыя „спорадическія" явленія въ языкѣ). Сюда относятся, напр., случаи *увулярнаго р* или *л* = *ў*: ўóшат', мáсўа... Или отвердѣніе *р* въ великорус. говорахъ въ такихъ словахъ, какъ: пе*р*вый, зе*р*кало и проч.

и 3) Новое звуковое явленіе встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ со стороны общественной среды.

(См., напр., у акад. *Шахматова* въ его курсѣ по русскому языку 1910—1911 г., также *H. Paul*: „Prinzipien“ [4]... и др.). Если мы вникнемъ въ эти три случая, то окажется: 1) что два изъ нихъ отчетливо указываютъ намъ на *господствующее, направляющее значенiе среды въ дѣлѣ распространенія звуковыхъ явленій языка, а вовсе не на значенiе отдѣльнаго индивидуума*; 2) „Спорадическія“ явленія не входятъ въ сферу дѣйствія *закона* и вовсе не служатъ доказательствомъ того, что законъ, если онъ *дѣйствительно* законъ и найденъ вѣрно, *обязателенъ* для всѣхъ *однородныхъ* явленій въ *одинаковыхъ условіяхъ* и дѣйствуетъ *принудительно.* Слѣдовательно, второй случай уже никакъ не оправдываетъ *теоріи подражанія.* 3) Третій, приведенный сторонниками теоріи подражанія, случай изъ возможныхъ при распространеніи въ языкѣ звуковыхъ явленій *совершенно исключаетъ всякое подражаніе.* Стало быть, остается только *первый* изъ трехъ возможныхъ случаевъ, который болѣе или менѣе точно указываетъ причину, но этотъ случай какъ разъ указываетъ совершенно вѣрно *соціальную причину,* а вовсе не индивидуальную, именно, *готовую почву въ укладѣ языка всѣхъ индивидуумовъ.* При такомъ условіи совершенно безразлично, кто *первый* скажетъ слово, когда это слово уже у всѣхъ „на языкѣ“, да и будетъ ли это *дѣйствительно первымъ,* такъ какъ языкъ съ каждымъ его словомъ существуетъ не въ одномъ индивидуумѣ, а въ общественной группѣ, и служитъ ея *общимъ* органомъ духовнаго общенія. (Мы, конечно, не беремъ здѣсь въ разсчетъ искусственные языки, а, стало быть, и *литературные,* которые переживаютъ *болѣе сложные процессы,* чѣмъ естественные языки, *которые не распадаются на нарѣчія и подвергаются вліянію отдѣльныхъ писателей черезъ книгу или непосредственно въ узкомъ кругу литераторовъ).*

Эта „готовая почва въ укладѣ языка всѣхъ индивидуумовъ“, составляющихъ опредѣленную общественную группу, соединенную духовно въ одномъ общемъ ея языкѣ, *и есть, другими словами, та общественная среда, въ которой зарождается всякое новое звуковое явленіе даннаго языка. Слѣдовательно, звуковое явленіе по происхожденію своему принадлежитъ языку общества, общественной группы, а не индивидуальному языку. Звуковое явленіе индивидуальнаго языка не распространяется* въ естественномъ языкѣ, *не становится общимъ явленіемъ всего языка, не объединяетъ въ языкѣ всего общества, а въ лучшемъ случаѣ вырождается въ „спорадическія“ явленія въ области звуковъ даннаго языка; если же звуковое явленіе стало звуковой особенностью всего языка, всего нарѣчія, всего говора, то оно зародилось въ психикѣ общественной группы, въ языкѣ однообразной среды, а не въ индивидуальномъ языкѣ отдѣльной личности.* Вотъ, именно, въ томъ обстоятельствѣ, что всякое звуковое явленіе языка есть явленіе, общее всему этому языку, нерѣдко отличающее данный языкъ отъ языка другой общественной группы, жившей подъ другими условіями, и есть оправданіе теоріи Völkerpsychologie, доказательство реальнаго бытія, реальнаго существованія „народной души“. Гербартовскій „интеллектуалистическій индивидуализмъ“ долженъ, наконецъ, расширить свой кругозоръ и тѣмъ уступить мѣсто другой теоріи, защищающей то положеніе, что, именно по законамъ общественной психологіи, отдѣльный человѣкъ не выступаетъ впередъ, пока само общество его не сдѣлаетъ выразителемъ (въ особенности въ совмѣстномъ *разговорѣ, въ языкѣ* — „Verkehrsprache“) своихъ словъ — своихъ понятій.

„Народная психологія“ включаетъ въ себѣ „психологію“ составляющихъ народъ единицъ, и, поскольку она характери-

зуется *общими проявленіями, тождественными обнаруженіями* (обычаи, вѣрованія, языкъ...) у всѣхъ индивидуумовъ одной среды, постольку она есть *народная* психологія. отражающая *народную душу.* Это обстоятельство нисколько не исключаетъ индивидуальныхъ чертъ и особенностей, но *онѣ не входятъ въ составъ языка всей среды.* Совсѣмъ другое мы имѣемъ въ литературномъ („письменномъ" — Schriftsprache) языкѣ: судьба такихъ словъ индивидуальнаго языка, какъ: „трогательный", „предметъ" и мн. др. говоритъ сама за себя. *Замѣтимъ однако, что большинства такихъ словъ народъ или вовсе не знаетъ, или принимаетъ ихъ, уже сдѣлавшись народомъ культурнымъ—литературнымъ.*

§ XI. *Принудительность звуковыхъ законовъ въ языкѣ.* Пока звуковóй законъ не распространился еще во всей средѣ, онъ имѣетъ принудительную силу, природа которой состоитъ въ томъ, что разъ только звуковой законъ сталъ дѣйствительно закономъ, т.-е. данное звуковое явленіе выродилось изъ приготовленнаго у всѣхъ индивидуумовъ уклада языка, то этотъ звуковой законъ по самой сущности своей служитъ выраженіемъ внутреннихъ силъ языка всей среды, и потому сила этого закона, по самому существу дѣла, является принудительной, обязательной для всѣхъ и каждаго, безъ всякаго исключенія. Но *принудительность звуковыхъ законовъ прекращается одновременно съ моментомъ ихъ распространенія въ средѣ, съ моментомъ ихъ усвоенія говорящими.* Послѣдовательность звуковыхъ процессовъ въ языкѣ надо себѣ представлять такъ: положимъ, данный звуковой законъ распространился среди говорящихъ, усвоенъ ими въ ихъ артикуляціяхъ органовъ рѣчи, и потерялъ свою силу: онъ прекратилъ свое существованіе. Проходитъ время, языкъ укрѣпляется въ этомъ своемъ звуковомъ состояніи, но вотъ наступаютъ новыя условія! (молодое поколѣніе подрастаетъ, артикулируетъ звуки нѣсколько иначе,

могутъ наступить переселенія, новыя сношенія, участиться браки разнаго состава и проч. и проч.). Эти новыя условія измѣняютъ или совершенно, или только отчасти, данныя, уже укрѣпившіяся звуковыя отношенія въ языкѣ. Образовался звуковой строй языка. Новыя условія находятъ себѣ естественный отпоръ въ создавшемся звуковомъ строѣ языка, но прежняя стройность всетаки уже нарушена, хотя и частично, благодаря этимъ новымъ условіямъ: кое въ чемъ языкъ частично терпитъ измѣненія. Проходитъ еще время, и на мѣсто прекратившаго свое дѣйствіе закона, уже забытаго, наступаетъ *новый законъ* со всѣми его свойствами. Рядомъ съ этимъ процессомъ идетъ и вступаетъ въ свои права другой—психическій: *сила аналогіи* дѣйствуетъ или пособляющимъ, или препятствующимъ образомъ. Встрѣчаются двѣ силы въ языкѣ—борьба принудительнаго звукового закона съ закономъ аналогіи; въ результатѣ борьбы часть звуковыхъ явленій не успѣваетъ подчиниться закону звуковъ и отдается въ распоряженіе аналогіи. Вотъ откуда — случаи противорѣчія, конечно, кажущагося, звуковымъ законамъ. Припомнимъ примѣры: „з'емл'ою", „от душы" и проч. Особенно замѣтно измѣнили старыя звуковыя отношенія въ русскомъ языкѣ тѣ явленія, которыя стали наблюдаться въ концѣ словъ, такъ называемый *звуковой законъ конца словъ.* Такъ, напр., *исчезновеніе* ъ и ь внесло совершенно новыя отношенія въ создавшіяся грамматическія категоріи: произошло измѣненіе въ отношеніяхъ въ склоненіи основъ на -о муж. р., на -ъ и -ь муж. р. и основъ жен. р. на -ь. Конечные звонкіе измѣнились въ глухіе; удареніе во многихъ случаяхъ должно было переноситься (гдѣ оно приходилось на исчезнувшемъ конечномъ ъ и ь: бо̂дръ=лит. budrús...). Чередованіе мѣста ударенія въ формахъ склоненія тоже измѣнилось: по̂п—попа́—попу́... но: са́д—са́да—са́ду... Это фонетическое явленіе—исчезновеніе конечныхъ ъ и ь повлекло за собой новшества въ языкѣ: конечные губные передъ отпавшимъ ь „оголились",

а вслѣдствіе этого губные эти должны были потерять свое смягченное произношеніе. Такъ и случилось: сыном (сꙑнъмь), том (томь), дам (дамь). Но не вездѣ: языкъ отстоялъ старину, въ силу указанныхъ выше причинъ—отпора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: мы ожидали бы: голу*б*, ози*м*, се*м*, восе*м* и проч., но въ литературномъ рус. языкѣ мягкость этихъ губныхъ сохранилась, а въ говорахъ (блр., отчасти малорусскомъ) и въ этихъ случаяхъ мягкость губныхъ потеряна. Въ литературномъ и другихъ влкр. нарѣчіяхъ русскаго языка мягкость этихъ и подобныхъ губныхъ удалось отстоять, благодаря *вмѣшательству аналогіи*: формы другихъ падежей: голу*б'*а, ози*м'*и, се*м'*и, вось*м'*и и проч. повліяли *задерживающимъ* образомъ на формы имен. падежа, и потому *при поддержкѣ* другихъ падежныхъ формъ остались и въ им. падежахъ смягченные губные: го̀луп', с'ѐм', во̀с'ем', ȯз'им' и проч. (Моск. говоръ, рус. литер. языкъ, ювр. и свр. говоры).

Выше мы видѣли *происхожденіе консервативнаго начала въ языкѣ*: грамматическія категоріи крѣпко держатъ въ своей власти устоявшіяся звуковыя отношенія въ языкѣ, и языкъ тщательно оберегаетъ звуковую форму грамматическихъ окончаній, служебныхъ словъ и частей словъ. Особенно это „оберѣганіе“ сказалось на предлогахъ и приставкахъ: такъ, по самымъ древнимъ памятникамъ письменности мы видимъ, что *въ великорусскихъ говорахъ*, какъ послѣдніе свидѣтельствуютъ намъ и понынѣ, *издавна конечные согласные въ предлогахъ не подлежатъ смягченію:* под*ъ*ѣхать, об*ъ*явить, о*б*вести, о*т*вѣтъ и под. Если мы всмотримся въ написанія древнихъ грамотъ и другихъ памятниковъ, то *мы уже въ очень древнее время замѣтимъ*, что эти написанія могутъ быть осмыслены только при допущеніи въ нихъ изображенія того, *что гласные передняго ряда перешли въ гласные средняго ряда въ положеніи ихъ послѣ твердыхъ конечныхъ согласныхъ въ предлогахъ*: из*и*збы, с*и*ваномъ и проч.; здѣсь мы не имѣемъ *з'* и *с'*, а это

свидѣтельствуетъ, что слѣдующіе за *з* и *с* гласные *и* перешли въ *ы*: изызбы, сываномъ и проч.; или: кыгумену, кызбѣ, но ко времени распространенія общаго закона о переходѣ *кы* въ *ки* въ этихъ сочетаніяхъ съ предлогомъ *к* слогъ *кы* измѣнился тоже въ *ки* со звукомъ *к средненебнымъ не смягченнымъ*.

Еще одно замѣчаніе о звуковыхъ законахъ въ языкѣ. Мы не можемъ наблюдать дѣйствія звуковыхъ законовъ въ живыхъ языкахъ: въ каждомъ языкѣ мы имѣемъ дѣло только съ результатами того дѣйствія законовъ языка, которое имѣло мѣсто въ прошедшемъ времени; и это касается не однихъ *звуковыхъ* законовъ, *но и всѣхъ другихъ законовъ языка*, такъ какъ всѣ они оставили результаты своихъ прошлыхъ дѣйствій, и по этимъ результатамъ мы возстановляемъ и формулируемъ сущность дѣйствовавшихъ законовъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ активное дѣйствіе звуковыхъ законовъ проявляется только въ теченіе момента, необходимаго для возникновенія и распространенія этихъ законовъ: какъ только законъ проявился и распространился, онъ прекращаетъ свое существованіе въ языкѣ, такъ какъ онъ сдѣлалъ свое дѣло. Поэтому нельзя думать, что если мы при заимствованіи новыхъ иностранныхъ словъ произносимъ ихъ согласно съ звуковыми законами нашего языка и теперь, то это означаетъ, что эти звуковые законы дѣйствуютъ въ языкѣ и нынѣ, и что, значитъ, мы *наблюдаемъ* дѣйствіе звуковыхъ законовъ въ языкѣ. Напр., если мы произносимъ въ такихъ словахъ *глухіе* согласные на концѣ вмѣсто звонкихъ: „кортѐш“ (cortège), „коллѐш“ (collège), „гайт-парк“ (hid-parк), то это мы дѣлаемъ *по привычкѣ* произносить въ концѣ словъ въ литературномъ (великорусскомъ) языкѣ глухіе, а не звонкіе согласные. Эта усвоенная говорящими привычка не есть обнаруженіе дѣйствія закона, имѣющаго еще свою силу, а просто проявленіе унаслѣдованныхъ и усвоенныхъ укладовъ языка, ставшихъ „привычными“ укладами. По этимъ „привычнымъ“ укладамъ языка мы узнаемъ его національность, его

природу, такъ какъ по пословицѣ — „привычка — вторая натура“. На этомъ я заканчиваю свой курсъ, развивши въ немъ лишь тѣ спеціальные вопросы русскаго языкознанія, для которыхъ не оставалось достаточнаго времени въ курсахъ Университета и Высшихъ Женскихъ Курсовъ, и которые имѣютъ по преимуществу практическое значеніе для будущихъ учителей и учительницъ средней школы.

Казань. 1913 г.

Содержаніе.

Стр.